4-02

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Проверено 1948 г.

Юридическій кабинетъ В. Ж. К.

ВОПРОСЫ ПРАВА

Журналъ Научной Юриспруденціи

1911 г. Книга VII (3).

ИЗДАВАЕМЫЙ

при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, А. И. Елистратова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

МОСКВА.

1911.

ИЗДАНІЯ,

поступившія въ редакцію журнала „Вопросы Права“ для отзыва.

Астровъ П. И. Юридическія предпосылки рабочаго права. I Юридическія лица. Москва. 1911 года. Ц. 20 коп. Стр. 18.

Астровъ П. И. Юридическія предпосылки рабочаго права. II Кондиція. Москва. 1911 года. Безъ цѣны. Стр. 18.

Астровъ П. И. Юридическія предпосылки рабочаго права. III Государственное страхованіе и гражданское право Профессіональныя болѣзни. М. Ц. 20 к. Стр. 14.

Зайцевъ Л. М. Отвѣтственность при массовыхъ преступленіяхъ съ предисловіемъ П. И. Люблинскаго. Кіевъ. 1909 года. Цѣна 50 коп Стр. 54+VIII.

Ященко А. Новая теорія государственнаго права. (Изъ журнала Министерства Юстиціи—Май 1911 г.). С.-Петербургъ. 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 32.

„Юридическія записки“, издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ. Вып. II III (VIII/IX). Ярославль. 1911 года.

Евтихіевъ А. Ѳ. Законная сила актовъ администраціи. Люблинъ. 1911 года. Цѣна 2 руб. Стр. 287+III.

Шалландъ Л. А., проф. Императорскаго Юрьевскаго Университета. Иммунитетъ Народныхъ Представителей. Юридическое изслѣдованіе. Томъ I. Часть историческая. Юрьевъ. 1911 года. Цѣна 2 руб. 50 коп. Стр. 361+XIII.

Бар. Нольде Б. Э. Профессоръ С.-Петербургскаго Политехническаго Института Императора Петра Великаго. Очерки Русскаго Государственнаго Права. С.-Петербургъ. 1911 года. Цѣна 3 руб. Стр. 554.

Курчинскій М. А. Городскіе финансы. Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссіи въ концѣ XIX и начала XX вѣка. (1870—1910 гг.). С.-Петербургъ. 1911 года. Цѣна 3 руб. Стр. 482+XX.

„Юридическая Библіографія“, издаваемая Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ. № 5. 1 апрѣля 1911 г. Ярославль. 1911 г.

Езерскій Ѳеодоръ. Счетоводство какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Изданіе четвертое, дополненное. С.-Петербургъ и Москва. 1911 года. Цѣна 60 коп. Стр. 110.

Тельбергъ Г. Г. Система государственныхъ преступленій въ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича.

„Психо Неврологическій Институтъ. Дмитрій Андреевичъ Дриль какъ ученый и общественный дѣятель. С.-Петербургъ. 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 64.

„Поѣздка въ Сибирь и Поволжье“. Записка П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. С.-Петербургъ. 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 170.

Гольбергъ Б. Опытъ изложенія основныхъ началъ этіологіи преступленія. Ч. 1. Чезаре Ломброзо и уголовная антропологія. Кіевъ. 1911 г. Ц. 2 р Стр. 160.

Отчетъ за 1910 годъ Комитета Общества Попечительства надъ бывшими воспитанниками Московскаго Городск. Рукавишниковскаго пріюта. Москва. 1911 г. Стр. 53.

Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго 1911—1912 академическій годъ. Годъ 4-й. Москва. 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 36.

Тарановскій Ѳ. В., проф. Отзывъ о сочиненіи В. И. Сергѣевича: „Древности Русскаго Права“. Томъ I, 1909 г., т. II, 1908 г. (изд. 3-ье). По порученію Юридическаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета для присужденія преміи графа Сперанскаго. Юрьевъ. 1911 г. Безъ цѣны. Стр. 114.

„Высочайше утвержденный 29 мая 1911 года, одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою. Новый законъ о землеустройствѣ сост. **С. Пакидовъ**, подъ редакціей В. И. Бафталовскаго. С.-Петербургъ. Цѣна 1 р., съ перес 1 р. 20 к. Стр. 176.

Право, седмиченъ юридически вѣстникъ, излизо всѣка субота. Софія. 7 мая. 1911 г.

Piontkovsky And., prof. Kriminalistische Bedeutung der Todesstrafe. Sonderabdr. aus Zeitsch. f. d. gesam. Strafrechtswiss. 37-er. B. 1910—11; S. 19.

Goetz, K. L. prof. Das Russische Recht (Русская Правда); 2-er. B. Die Zweite Redaction des Russischen Rechts. Stuttg. 1911. M. 10, S. 282.

Steinberg Js. Dr. jur. Die Lehre vom Verbrechen im Talmud, Eine juristisch-dogmatische Studie, Stuttg. 1910.

Καστόρχη Δ. Ε. Το ἐν Βασιγκτῶνι VIII διεθνες σωφρονιστικὸν συνέδριον καὶ ὁ θεσμος τῆς ἀορίστου καταδίκης. (Indeterminnte sentence). Ἐν Ἀθήναις. 1911. 1 Δραχ. 24.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА

Проф. Г. С. Фельдштейнъ.

Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи.

Ярославл. 1909. Стр. XIII+668+X.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ВОПРОСЫ ПРАВА

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

Журналъ Научной Юриспруденціи

1911 г. Книга VII (3).

ИЗДАВАЕМЫЙ

при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, А. И. Елистратова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

МОСКВА.

1911

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Б. Е. Шацкій. Референдумъ въ Англіи, какъ способъ разрѣшенія конфликтовъ между палатами 1

С. В. Познышевъ. Объ изученіи преступника въ наукѣ уголовнаго права 40

Г. Г. Тельбергъ. Политическій судъ въ Московскомъ Государствѣ XVII вѣка 72

Т. М. Яблочковъ. О порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей по русскому праву 107

В. А. Къ вопросу о кодификаціи 131

С. В. Познышевъ. V международный конгрессъ патроната въ Антверпенѣ 139

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества за 1910 годъ 154

КРИТИКА БИБЛІОГРАФІЯ:

Бар. Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государств. права. Спб. 1911., рец. С. А. Котляревскаго 166

В. Уляницкій, проф. Международное право. Томскъ, 1911., рец. Н. Н. Голубева 169

Новомбергскій. Слово и дѣло государевы, т. I, Москва, рец. Г. Г. Тельберга 179

М. К. Любавскій, проф. Очерки исторіи литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно. М. 1910 г., рец. С. А. Котляревскаго 184

Проф. Ад. Принсъ. Защита общества и преобразованіе уголовнаго права, пер. съ французскаго Е. Марковой, подъ ред. и съ предисловіемъ проф. Г. С. Фельдштейна. М. 1911. рец. Г. Я. Зака 187

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Б. Е. Шидлей. Конференція по Антиномиямъ какъ принципу разсмотрѣнія конфликтовъ между понятіями 1

С. В. Поснышевъ. Объ изучаніи происхожденія на вѣрѣ, что-только права 10

Г. Г. Тельбергъ. Политическій судъ въ Московскомъ Государствѣ XVII вѣка 17

Т. М. Шевченко. О природѣ, нисхожденіи въ вѣрѣ, потребности по русскому праву 107

В. А. Къ вопросу о конфликтахъ 183

С. В. Поснышевъ. У международнаго конгресса натуралистовъ въ Антверпенѣ 189

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества за 1910 годъ 195

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Бар. Б. З. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права. Спб. 1911. рец. С. А. Котляревскаго 199

В. Уманецкій, проф. Международное право. Томскъ. 1911. рец. Н. И. Тукуева 203

Новокоберскій. Слово и дѣло государевы. т. I. Москва. рец. Г. Г. Тельбергъ 170

М. К. Любавскій, проф. Очерки исторіи литовско-русскаго государства до подчиненія Польшѣ включительно. М. 1910 г. рец. С. А. Котляревскаго 184

Проф. Аа. Пранс. Защита интересовъ и предусмотрѣнія уголовнаго права, перевод. съ французскаго Е. Малинина, подред. и съ предисловіемъ проф. П. С. Фелицына. М. 1911. рец. Г. М. Знаменскій 187

Референдумъ въ Англіи, какъ способъ разрѣшенія конфликтовъ между палатами.

I.

Референдумъ, самое имя котораго не было извѣстно англичанамъ 25 лѣтъ тому назадъ (до изданія „Popular Government“ Мэна въ 1885 г.), — теперь подвергается всестороннему обсужденію въ прессѣ и въ парламентѣ и въ одинаковой степени занимаетъ и теоретиковъ, и государственныхъ людей Англіи.

Явленіе это далеко не случайно. Симпатіи къ референдуму взращивались годами накоплявшимся недовѣріемъ къ дѣятельности англійскихъ представительныхъ учрежденій и расцвѣли въ особенности въ послѣднее время, время англійскаго конституціоннаго кризиса, созданнаго казавшимся неразрѣшимымъ при настоящихъ условіяхъ конфликтомъ между нижней и верхней палатами.

Дѣйствительно, если относительно палаты лордовъ всѣми англійскими политическими дѣятелями (и либералами, и консерваторами, и самими лордами) признается единогласно ея неудовлетворительность и несоотвѣтствіе наслѣдственнаго принципа, лежащаго въ основѣ ея организаціи, требовательному духу времени, то необходимо отмѣтить, что и относительно представительнаго характера палаты общинъ нѣкоторое недовѣріе въ извѣстныхъ кругахъ англійскаго народа имѣетъ мѣсто и свои довольно вѣскія причины.

Мы не намѣрены въ этой статьѣ говорить объ усиленіи деспотизма партій, возбуждающаго все большія опасенія англійскихъ изслѣдователей, о введеніи гильотины парламентскихъ преній, о превращеніи палаты общинъ въ простую регистраціонную машину, механически

пропускающую громадное количество правительственныхъ законопроектовъ,—но не можемъ не остановиться на одномъ фактѣ, которому пришлось сыграть особенно значительную роль въ направленіи государственнаго сознанія англичанъ въ сторону, противоположную традиціонному представленію англійскаго представительнаго строя.

Въ 1893 году Гладстонъ провелъ въ палатѣ общинъ билль объ ирландскомъ гомрулѣ, палата лордовъ немедленно отклонила его. Розбери — либеральный премьеръ, заступившій мѣсто „великаго старца" за болѣзнью послѣдняго—для того, чтобы положить конецъ конфликту между палатами, распустилъ палату общинъ и апеллировалъ къ народу. Избиратели въ 1895 г. высказались противъ либераловъ, и Розбери принужденъ былъ выйти въ отставку.

Какими бы причинами ни пытались впослѣдствіи противники лордовъ объяснить пораженіе либеральной партіи[1]),—остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что представительная палата общинъ очутилась въ этомъ конфликтѣ въ положеніи стороны побѣжденной и оказалась менѣе вѣрнымъ зеркаломъ страны, чѣмъ безотвѣтственная и основанная на наслѣдственномъ принципѣ палата лордовъ.

Естественный и неизбѣжный выводъ изъ этого факта—необходимость признанія, что палата общинъ далеко не при всѣхъ условіяхъ и далеко не всегда можетъ считаться безукоризненнымъ отраженіемъ народныхъ желаній, и къ этому выводу должны были логически прійти не только сторонники референдума и горячіе противники современнаго по существу дѣла партійнаго правленія, но и столь авторитетные защитники представительной идеи въ чистомъ ея видѣ, какъ либеральный премьеръ Англіи Асквитъ (выступающій къ тому же теперь рѣшительнымъ антагонистомъ референдума). 11 апрѣля 1910 г., мотивируя въ комитетѣ палаты общинъ вторую свою резолюцію объ ограниченіи вето палаты лордовъ въ вопросахъ законодательныхъ, Асквитъ сдѣлалъ слѣдующее любопытное въ его устахъ признаніе.

---

[1]) Одинъ изъ лидеровъ рабочей партіи Барнесъ склоненъ, напримѣръ, объяснять побѣду консервативной партіи на выборахъ 1895 года ея обманнымъ обѣщаніемъ провести пенсію для престарѣлыхъ. „Parliamentary Debates" Commons, рѣчь Barnes'a, v. XVI, 1910, p. 913—914.

„Я вполнѣ признаю, что бываютъ случаи, ясные и дѣйствительно имѣвшіе мѣсто, въ которыхъ рѣшеніе палаты общинъ... не выражаетъ мнѣнія народа. Вы можете имѣть вполнѣ допустимый случай такъ называемаго „наскребаннаго“ большинства, составленнаго цѣликомъ подъ давленіемъ партійныхъ требованій для какой-либо частной и преходящей цѣли[1])“.

Осторожное допущеніе либеральнаго премьера въ устахъ консерваторовъ, столь авторитетныхъ, какъ герцогъ Дэвонширскій превращается въ категорическое утвержденіе, что во многихъ случаяхъ лишенная представительнаго характера палата лордовъ „являлась болѣе вѣрнымъ и точнымъ выразителемъ воли народа, чѣмъ (представительная) палата общинъ [2])“. Эту мысль, клонящуюся къ полному разрушенію авторитета представительнаго учрежденія, высказываютъ многіе вожди консервативнаго теченія. Другой вопросъ, какія непосредственныя причины заставили консерваторовъ муссировать вопросъ о недовѣріи общинамъ, какъ выразителямъ мнѣній народа (вѣрнѣе всего, ближайшій мотивъ къ тому кроется въ желаніи обезопасить положеніе верхней палаты), но въ высшей степени важно, что въ основѣ ихъ утвержденій лежатъ факты, справедливость которыхъ не въ состояніи отрицать и сами либералы, ревниво охраняющіе престижъ нижней палаты.

Такъ, послѣ выборовъ 1906 года либеральная „Tribune“ должна была признать, что „при разумной пропорціональной системѣ оппозиція насчитывала бы не 139, а 252 члена [3])“ въ палатѣ общинъ. Говоря о цѣнности рѣшеній нижней палаты, коммонеръ Bottomley указалъ палатѣ, что въ то время, какъ 300.000 избирателей Шотландіи посылаютъ въ общины 61 либеральныхъ депутата, 255.000 консервативныхъ избирателей даютъ мандаты только 9 коммонерамъ [4]). Лордъ Heneadge, ссылаясь на избирательную кампанію той мѣстности, которая является его родиной, указалъ, что либералы получили 47.000

---

[1]) Hansard „Parliamentary Debates“. Commons, 1910 г., v. XVI, p.p. 896—897.

[2]) Hansard „Parliamentary Debates“ Lords. 1907 г., v. 174, p. 14.

[3]) The Tribune 10 мая 1906 г. См. „The Nineteenth Century “іюль 1906 г. „The House of Lords“ Maxwell'a p. 6.

[4]) Рѣчь въ Палатѣ Общинъ 31 марта 1910 г. „Parliamentary Debates“ 1910 г., v. XV, p. 1527.

голосовъ, консерваторы 45.000, а между тѣмъ изъ 11 выбранныхъ депутатовъ только двое были уніонисты [1]).

Всѣ эти неопровержимые факты свидѣтельствуютъ о томъ, что принятіе какого-либо рѣшенія Палатой Общинъ не всегда и далеко не при всѣхъ условіяхъ можетъ считаться послѣднимъ словомъ націи. Если бы, однако, дѣло шло только о временномъ расхожденіи парламента и народа, не было бы еще достаточнаго повода говорить о возрастающемъ недовѣріи англійскаго общественнаго мнѣнія къ дѣятельности представительныхъ учрежденій. Въ такомъ случаѣ достаточно было бы распустить нижнюю палату, въ крайнемъ случаѣ ввести пропорціональное представительство [2]) для того, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе между рѣшеніями парламента и желаніями націи.

Но дѣло обстоитъ тѣмъ сложнѣе для защитниковъ чисто представительнаго строя и тѣмъ благопріятнѣе для сторонниковъ референдума, что, какъ мы увидимъ далѣе, недовѣріе простирается не только на актуальный составъ палаты общинъ, но и на самые методы, выработанные почти тысячелѣтней практикой представительнаго строя, на самый институтъ общихъ выборовъ, изъ которыхъ рождается представительное учрежденіе.

„Было бы неправильно разсуждать“, говорилъ знаменитый государствовѣдъ W. Anson въ палатѣ общинъ 14 апрѣля 1910 г., „что эта палата всегда является выразителемъ воли націи, такъ какъ палата общинъ выбирается на основаніи большого количества избирательныхъ вопросовъ...“ [3]).

Таковы органическія причины, выдвинувшія въ Англіи за послѣднее время на первый планъ вопросъ о референдумѣ; причины менѣе принципіальнаго, болѣе преходящаго свойства (острота конфликта между палатами, невозможность его устраненія обычными средствами) дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Въ самомъ дѣлѣ острый конфликтъ между нижней и верхней палатами, конфликтъ, требующій такого (наискорѣйшаго) разрѣшенія, которое исключало бы возможность дальнѣйшаго затора

---

[1]) Рѣчь въ Палатѣ Лордовъ „Parliamentary Debates“. Lords 1907 г., v. 173, p. 1250.

[2]) Билль уже внесенъ въ Палату Общинъ въ 1910 году.

[3]) Hansard's „Parliamentary Debates“ Commons 1910 г., v. XVI, p. 1498.

(„deadlock“) въ законодательствѣ, — почти невозможно устранить на основаніи уже признанныхъ конституціей способовъ.

Что же касается новыхъ, еще не испробованныхъ въ англійской конституціонной практикѣ способовъ разрѣшенія конфликтовъ, то, за исключеніемъ референдума, они всѣ вызываютъ сильнѣйшую оппозицію или со стороны либеральной или со стороны консервативной партіи и все же не даютъ полнаго разрѣшенія вопроса.

Дѣйствительно, реформа палаты лордовъ въ тѣхъ предѣлахъ, на которые согласны консерваторы, не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить либераловъ, такъ какъ она не исключаетъ неизмѣннаго господства консерваторовъ въ верхней палатѣ. Замѣна наслѣдственной палаты лордовъ выборнымъ Сенатомъ 1) встрѣчаетъ много противниковъ среди либераловъ, 2) усиливаетъ положеніе верхней палаты, обостряетъ этимъ возможность конфликтовъ и не даетъ противъ нихъ никакихъ средствъ. Соединенныя засѣданія палатъ, какъ способъ разрѣшенія конфликтовъ между палатами, возможны только *послѣ* радикальной реформы верхней палаты. Назначеніе 500 новыхъ пэровъ, необходимыхъ для того, чтобы сломить упорство верхней палаты, является почти невозможнымъ, такъ какъ это увеличило бы численность палаты до 1.100 человѣкъ; кромѣ того, лорды и консерваторы отрицаютъ за короной право назначенія пожизненныхъ пэровъ.

При такихъ условіяхъ введеніе референдума, института „одновременно и консервативнаго и демократическаго“ должно prima facie показаться спасительнымъ откровеніемъ для всѣхъ политиковъ, желающихъ вывести англійскія законодательныя учрежденія изъ того тупика, въ которомъ они находятся со времени возникновенія конфликта. Это средство должно тѣмъ болѣе сосредоточить на себѣ вниманіе всѣхъ политическихъ партій, что всѣми партіями Англіи и самими лордами, по словамъ Кэмпелль-Баннермана: „признается верховенство народа и необходимость подчиненія волѣ націи“ [1]).

---

[1]) Рѣчь 24 іюня 1907 г. „Parliamentary Debates“ v. 176, p. 910—911.

[2]) Референдумъ, кромѣ того примѣняется въ Швейцаріи, въ Австралійской федераціи, въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки (Oklahama кон-ція 16 нояб. 1907 г., Oregon—кон-ція 1857 г., измѣненная въ 1902 г., S. Dakota, Utah и др.). См. Posener „Die Statsverfassungen des Erdballs, p. 1365

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

Вполнѣ понятно поэтому, почему въ Англіи за послѣднее время такъ остро всталъ вопросъ о референдумѣ.

II.

Прототипомъ для введенія въ Англіи референдума могла бы служить только одна страна Квинслэндъ. Квинслэндъ (Queensland) представляетъ собою единственную парламентарную страну, въ которой принятъ референдумъ въ качествѣ средства для разрѣшенія конфликта между двумя палатами (referendum du partage, referendum as a arbiter). Въ виду этого представляется нелишнимъ въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на исторіи института въ Квинслэндѣ. Въ 1908 году тамъ вспыхнулъ между палатами ожесточенный конфликтъ по поводу законопроекта, дважды отклоненнаго Законодательнымъ Совѣтомъ.

Премьеръ Kidston обратился къ генералъ-губернатору съ просьбой назначить новыхъ пэровъ, но получилъ отказъ. Послѣдовалъ роспускъ нижней палаты, и послѣ выборовъ, закончившихся побѣдой Kidston'a, министерствомъ былъ выработанъ законопроектъ (ставшій закономъ въ томъ же году), согласно которому мѣры, дважды отвергнутыя верхней палатой, передаются на судъ избирателей. Билль признается отвергнутымъ, если Законодательный Совѣтъ отказывается его пропустить или внесетъ поправки, не пріемлемыя для Законодательнаго Собранія, или если онъ вновь поступаетъ на разсмотрѣніе Совѣта въ ближайшую сессію (но не ранѣе трехъ мѣсяцевъ) и снова отклоняется[1]).

Подобную же процедуру нѣкоторые англійскіе политическіе дѣятели хотятъ перенести и на свою родину,

---

и Oberholtzer „The Referendum in America“ Philadelphia, 1893. Относительно референдума въ Наталѣ см. „Parliamentary Papers“ № 5099, относительно Австраліи „Parliamentary Debates“ 1911 Lords, v. VII, p. 275, 716, 739, литература о Швейцаріи указана у Curti „Le Referendum“. Въ 1892 году въ Бельгіи проектировался референдумъ въ качествѣ дополненія къ вето монарха.

[1]) О Квинслэндѣ см. „The Edinburgh Review“ янв. 1910 г. „The Referendum“ p. 113. „The Journal of the Society of Comparative Legislation“ avr. 1910 года p. 332—333 Encyclopedia of the Laws of England with Formsand Precedents t. XII, p. 172—173 кромѣ того „Parliamentary Debates“ Lords, 1911, vol. VII, p. 269, 719, 720 и 740.

справедливо называемую колыбелью представительнаго правленія. Въ пользу введенія референдума для разрѣшенія конфликтовъ между палатами, конфликтовъ, представляющихъ особенную опасность въ парламентарномъ государствѣ, можно привести довольно вѣскія соображенія какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера.

Первое изъ этихъ соображеній заключается въ томъ, что ни одна мыслимая инстанція разрѣшенія разногласій между палатами не можетъ оказаться такимъ авторитетнымъ судьей при разрѣшеніи конфликтовъ, какъ именно референдумъ. Дѣло въ томъ, что нижняя палата вполнѣ естественно считаетъ себя единственнымъ выразителемъ и истолкователемъ воли націи[1]). „Въ демократіи воля палаты общинъ должна быть закономъ[2])", говоритъ премьеръ Асквитъ 29 марта 1910 года. „Въ то время, какъ палата общинъ представляетъ народъ, палата лордовъ его не представляетъ[3])", подчеркиваетъ онъ мысль, составляющую твердое убѣжденіе всѣхъ демократическихъ партій (либеральной, ирландской, рабочей) Англіи.

Но, съ другой стороны, лорды также претендуютъ на роль представителей общественнаго мнѣнія. „Намъ иногда говорятъ, что мы не являемся представительнымъ учрежденіемъ. Я категорически отрицаю справедливость такого утвержденія (J deny entirely the truth of that statement)" [4]), заявилъ лордъ Каудоръ въ Верхней Палатѣ 6 мая 1907 г. „Лорды, живущіе среди своего родного народа, лучше знаютъ его мнѣнія, чѣмъ многіе „путешествующіе" коммонеры"[5])—герцогъ Нортумбэрландскій.

Но, если два различныхъ учрежденія спорятъ о томъ, кто изъ нихъ является болѣе точнымъ выразителемъ народныхъ воззрѣній, кто правильнѣе толкуетъ волю „по-

---

[1]) Вопросъ о томъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ воля парламента можетъ разсматриваться, какъ воля націи составитъ содержаніе особой нашей статьи. Здѣсь мы считаемъ необходимымъ только указать, что за послѣднее время среди англійскихъ парламентаріевъ замѣчается все большая симпатія къ системѣ императивнаго мандата. Общая характеристика императивнаго мандата у Duguit „Etudes de Droit Public" II „L'Etat, les gouvernants et les agents" p. 161—172.

[2]) Hansard „Parliamentary Debates" 1910 г., v. XV, p. 1179. Commons.

[3]) „Parliamentary Debates" ibid., p. 1176.

[4]) „Parliamentary Debates" Lords, 1907 г., vol. 173, p. 1217.

[5]) „Parliamentary Debates". Рѣчь герцога Нортумбэрландскаго. Lords, 1910, v. V, p, 272.

литическаго суверена“ Англіи, то не лучше ли предоставить разрѣшеніе этого спора самому народу.

Рѣшеніе націи должно обладать особеннымъ авторитетомъ потому, что (какъ мы уже имѣли случай указать) всѣ государствовѣды Англіи, всѣ ея политическіе дѣятели и партіи признаютъ принципъ народнаго верховенства, и согласно мнѣнію самихъ лордовъ назначеніе второй палаты заключается только въ томъ, чтобы „обнаружить опредѣлившееся мнѣніе страны путемъ апелляціи къ народу, который можетъ быть единственнымъ судьей того, какова воля націи“[1]).

Но возникаетъ вопросъ, нельзя ли опредѣлить волю націи безъ помощи референдума путемъ роспуска и новыхъ общихъ выборовъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ второй доводъ въ пользу референдума.

Затруднительность положенія при общихъ выборахъ заключается въ томъ, что теперь больше, чѣмъ когда-либо на народное голосованіе ставится сразу нѣсколько избирательныхъ пунктовъ, входящихъ въ ближайшую программу конкурирующихъ партій. Въ виду этого исходъ избирательной кампаніи, въ сущности, рѣшаетъ только вопросъ о кабинетѣ, что же касается отдѣльныхъ биллей, то по поводу народнаго къ нимъ отношенія открыта возможность для самаго произвольнаго толкованія.

Такое смѣшеніе вопросовъ (log-rolling) вызываетъ къ себѣ самое внимательное отношеніе со стороны всѣхъ англійскихъ парламентаріевъ. Маркизъ Ripon заявляетъ въ Палатѣ лордовъ 7 мая 1907 года, что „общіе выборы есть не только такой методъ разрѣшенія вопросовъ (первостепеннаго значенія), который можетъ быть подвергнутъ упрекамъ, но и такой, который во многихъ случаяхъ ровно ничего не доказываетъ“.[2])

Генеральный соллиситоръ Англіи Айзексъ, несмотря на то обстоятельство, что его утвержденіе шло наперекоръ интересамъ правительства, долженъ былъ признать, что „выборы 1910 года имѣли три основанія: свободную торговлю, бюджетъ и билль о вето палаты лордовъ[3])“.

---

[1]) „Parliamentary Debates“ Lords, 1907, v. 173, p. 1246. Рѣчь лорда Balfour'a of Burgleigh. Въ этой тирадѣ ораторъ имѣетъ въ виду роспускъ нижней палаты.

[2]) „Parliamentary Debates“ Lords, 1907, v. 174, p. 42.

[3]) „Parliam. Debates“ Commons, 1910, vol. XV p. 1277.

Даже Асквитъ, горячо возражая противъ введенія референдума, все же долженъ былъ указать на нѣкоторые дефекты системы періодическихъ выборовъ: „Вердиктъ страны (при общихъ выборахъ) обычно, хотя не всегда, ясенъ въ смыслѣ сочувствія одной партіи и несочувствія другой. Вердиктъ страны обычно довольно ясенъ въ пользу одной серіи законодательныхъ актовъ... и противъ другой. Но, когда приходится имѣть дѣло съ отдѣльнымъ вопросомъ или мѣрой, возможны самыя разнообразныя толкованія. Это неизбѣжные дефекты системы общихъ выборовъ [1])“.

Референдумъ въ противоположность общимъ выборамъ сосредоточиваетъ вниманіе электората на какомъ-либо опредѣленномъ вопросѣ. Въ этомъ его неоцѣнимое теоретическое преимущество передъ системой общихъ выборовъ. Въ Англіи говорятъ теперь, что опасаться за исходъ референдума вслѣдствіе неинтеллигентности избирателей то же самое, что спросить Джона, когда онъ пьянъ, и отказаться его выслушать, когда онъ трезвъ. Лордъ Robert Cecil выражаетъ ту же мысль слѣдующими словами: „Я думаю, что путемъ референдума мы могли бы самымъ серьезнымъ образомъ обезпечить себя въ томъ отношеніи, чтобы законодательство было въ полномъ согласіи съ волей народа... Говорятъ, что народу трудно разобраться въ референдумѣ. Но на общихъ выборахъ еще труднѣе: вѣдь на нихъ полъ-дюжины биллей, осложненныхъ личными вопросами [2])“. Arthur Lee спрашиваетъ правительство, какъ оно можетъ „интерпретировать волю народа, когда не вѣритъ въ его способности [3])“.

Ожидаемая возможность получить точный отвѣтъ на прямо поставленный вопросъ — главный аргументъ въ пользу референдума [4]).

Избиратели, по словамъ защитниковъ референдума, пріобрѣтутъ возможность высказаться противъ какого-

---

[1]) Рѣчь Асквита „Parliam. Deb.“ ibid., vol. XV, p. 1178—1179. Подробнѣе объ этомъ въ *моей* статьѣ: „Конституціонный кризисъ и представительная система въ Англіи“. „Право“, 1911, октябрь.

[2]) „Parliament. Debates“ 1907, Commons, v. 176, p. 1182.

[3]) „Parliam. Debates“ ibid., p. 1159.

[4]) Общіе выборы 1910 года навсегда останутся сатирой на попытку приравнять общіе выборы къ референдуму“. Dicey „The Quarterly Review“ № 423 avr. 1910 г., p. 548.

либо законодательнаго предположенія, не осуждая вмѣстѣ съ тѣмъ всей политики министерства [1]).

Эти соображенія имѣютъ такую цѣну, что не приходится поражаться симпатіямъ, проявляемымъ извѣстными кругами англійскихъ политическихъ дѣятелей по отношенію къ идеѣ референдума. Интересно, однако, отмѣтить, что почти всѣ защитники референдума по своимъ политическимъ убѣжденіямъ принадлежатъ къ партіи консервативной.

Не говоря уже объ отдѣльныхъ представителяхъ консервативной партіи [2]), высказавшихся въ пользу референдума, необходимо указать на работы Select Committee палаты лордовъ 1908 года, на которыхъ лежитъ особенно сильный отпечатокъ сочувственнаго къ референдуму отношенія. Резолюція, предложенная по этому вопросу Select Commitee предсѣдателемъ комитета лордомъ Розбери, такова: „Комитетъ полагаетъ, что (въ случаѣ возникновенія конфликта между палатами) лучше всего дѣйствовать посредствомъ конференцій. Но многіе изъ членовъ комитета считаютъ,—хотя выраженіе такого мнѣнія можетъ казаться выходящимъ за предѣлы возложеннаго на нихъ порученія,—что послѣ повторной невозможности для конференціи прійти къ соглашенію наиболѣе удовлетворительнымъ исходомъ было бы узнать мнѣніе избирателей по спорному вопросу посредствомъ референдума (by some kind of Referendum“) [3]). Первый текстъ, легшій въ основу обсужденія реформы верхней палаты въ этомъ комитетѣ, повторялъ почти дословно [4]) вышеприведенную резолюцію, но впослѣдствіи возобладало мнѣніе, что комитетъ, предназначавшійся палатой лордовъ „для разсмотрѣнія предложеній, дѣлавшихся отъ времени до времени въ цѣляхъ усиленія ея дѣятельности въ вопросахъ законодательныхъ и для донесенія о желательности принятія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ихъ оригинальной или нѣсколько измѣненной формѣ“, — не въ правѣ выступать

---

[1]) Mc. Kechnie „The Reform of the House of Lords“, p. 82.

[2]) Сочувственное отношеніе къ референдуму сказывается въ рѣчахъ герцога Нортумбэрландскаго, лорда Розбери, маркиза Ripona, лорда Rob. Cecil'я, Бальфура, лорда Бальфура of Burgleigh и др..

[3]) „Report from the Select Committee on the House of Lords“ Ordered to be Printed 2 december 1908. Засѣд. 6 novem. 1908 p. XXXIV.

[4]) Ibid. p. XIX.

съ такимъ революціоннымъ предложеніемъ, и редакція пункта резолюціи, трактующаго о референдумѣ (№ 36) была измѣнена слѣдующимъ образомъ: „Хотя многое можетъ быть сказано въ пользу предложенія о референдумѣ, большинство комитета считаетъ, что обсуждать этотъ вопросъ или формулировать мнѣніе относительно него, значило бы перейти границы возложеннаго на комитетъ порученія[1])“.

Чѣмъ шире развертывалась агитація либераловъ противъ верхней палаты, тѣмъ болѣе пылкими становились симпатіи послѣдней къ демократическому институту референдума, и, наконецъ, послѣ того, какъ Бальфуръ включилъ вопросъ о референдумѣ въ число ближайшихъ практическихъ вопросовъ, — можно выставить категорическое утвержденіе, что консервативные круги Англіи высказываются за непосредственный опросъ избирателей.

Нѣсколько моментовъ заслуживаютъ быть отмѣченными въ этой эволюціи торіизма. Прежде всего бросается въ глаза, что лидеръ уніонистовъ чрезвычайно долго колебался по этому вопросу; рѣшившись на столь рискованный шагъ, Бальфуръ призналъ опасность положенія консервативной партіи. Дѣйствительно еще 25 іюня 1907 года Бальфуръ говорилъ въ „Конституціонномъ Клубѣ“, что референдумъ „чуждъ англійскимъ традиціямъ“ и что вовсе „не легко его провести“ [2]). Во время преній относительно вето-резолюцій Асквита въ палатѣ общинъ въ 1910 году не было и рѣчи о томъ, чтобы какая-либо политическая партія ставила на своемъ знамени лозунгъ референдума. Только послѣ роспуска парламента, избраннаго въ началѣ того же года, референдумъ былъ выдвинутъ, какъ боевое орудіе консервативной партіи. Раньше всего, какъ справедливо замѣчаетъ графъ Крю, референдумъ сталъ „любимымъ дѣтищемъ“ [3]) палаты лордовъ. Еще резолюція лидера палаты маркиза Лэнсдоуна, предложенная имъ 23 ноября 1910 года и немедленно принятая лордами, заключала въ себѣ ясно выраженное требованіе референдума [4]). Но согласно этой

---

[1]) „Report“... № 36, p. IX.
[2]) „Parliamentary Debates“ vol. XXII, 1911, Commons, p. 618.
[3]) „Parliamentary Debates“ 1910, Lords, vol. VI, p. 862.
[4]) „Parliamentary Debates“ 1910, Lords, vol. VI, p. 838.

резолюціи примѣненіе референдума еще введено въ довольно узкія границы, обусловленныя во 1) разногласіями чрезвычайной важности между палатами и во 2) недостаточно яснымъ рѣшеніемъ спорнаго вопроса обычнымъ путемъ общихъ выборовъ. На почвѣ „важныхъ разногласій“ остается и офиціальная поправка консервативной партіи къ вето-биллю, поправка, трактующая о необходимости введенія референдума и внесенная въ палату общинъ депут. Cave 20 апрѣля 1911 года,—однако согласно этой поправкѣ референдумъ пріобрѣтаетъ самостоятельную и независимую отъ общихъ выборовъ цѣнность, а второе условіе въ дебатахъ совершенно не упоминается.

Основныя положенія поправки Cave таковы: референдумъ примѣняется только по отношенію къ биллямъ законодательнаго характера, только къ тѣмъ изъ нихъ, которые отвергнуты или отмѣнены палатой лордовъ; необходимымъ условіемъ устройства референдума является принятіе билля общинами не менѣе трехъ разъ въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ сессій. Референдумъ примѣняется по настоянію кабинета, при чемъ предполагается, что кабинетъ не будетъ злоупотреблять предоставленнымъ ему правомъ. Какой бы сложностью ни отличались разногласія между палатами, на голосованіе народа предлагается только билль, выработанный общинами, и избиратели, не имѣя права высказаться по поводу дополненій и поправокъ, сдѣланныхъ верхней палатой, должны ограничиться голосованіемъ общаго вопроса о желательности или нежелательности билля. Авторъ поправки полагаетъ, что отклоненіе билля будетъ свидѣтельствовать о необходимости соотвѣтствующей переработки билля [1]), хотя на самомъ дѣлѣ оно можетъ доказывать и принципіальное нежеланіе электората принять аналогичную мѣру, хотя бы и съ поправками лордовъ. Такимъ образомъ въ постановкѣ консервативной партіи результаты референдума допускаютъ такое же различное толкованіе, какъ и результаты общихъ выборовъ. Отлагая общую критику референдума, какъ способа разрѣшенія конфликтовъ между палатами, до дальнѣйшихъ страницъ нашей работы, мы не можемъ

---

[1]) „Parliamentary Debates“ 1911, vol. XXIV, p. 1811. Commons.

не остановиться на одномъ частномъ недостаткѣ предложенной консерваторами поправки, чрезвычайно опасномъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Дѣло въ томъ, что поправка, предложенная консерваторами, требуетъ для признанія билля утвержденнымъ народнымъ голосованіемъ участія въ референдумѣ болѣе 50 процентовъ избирателей. На первый взглядъ, число это не можетъ показаться чрезмѣрнымъ, такъ какъ на послѣднихъ выборахъ число голосующихъ равнялось 80—90% избирателей, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что во 1) эта пропорція характерна только для послѣднихъ исключительныхъ по своему значенію выборовъ, а на прежнихъ выборахъ % голосующихъ понижается до 70 и во 2) опытъ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатовъ свидѣтельствуетъ, что съ введеніемъ референдума слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго пониженія этой цифры. Какъ справедливо указываетъ лидеръ рабочей партіи Барнесъ, уменьшеніе числа голосующихъ неизбѣжно и потому, что теперь при нормальныхъ условіяхъ выборы происходятъ разъ въ 4 или 5 лѣтъ; естественно, что они представляютъ событіе въ жизни страны [1]). При системѣ же референдума голосованіе будетъ производиться въ нѣсколько разъ чаще (едва ли не ежегодно); при такихъ условіяхъ неизбѣжно дальнѣйшее паденіе интереса избирателей, и стоитъ только консерваторамъ воздержаться отъ голосованія для того, чтобы можно было помѣшать участію 50% избирателей въ голосованіи и такимъ образомъ навѣрняка провалить законопроектъ.

Если сопоставить съ этой возможностью и то обстоятельство, что референдумъ согласно проекту консерваторовъ будетъ примѣняться только при разногласіи палатъ, а при консервативномъ правительствѣ разногласій при настоящихъ условіяхъ быть не можетъ, то картина вырисовывается въ тонахъ столь же благопріятныхъ для иниціаторовъ предложенія, сколько враждебныхъ для его противниковъ.

Для оцѣнки истинной позиціи консервативныхъ лидеровъ чрезвычайно важнымъ является отношеніе послѣднихъ къ биллю о референдумѣ (The Reference to the People Bill), представленному лордомъ Balfour'омъ of Burgleigh

---

1) „Parliamentary Debates“ Commons, 1911, vol. XXIV, p. 1851.

въ мартѣ 1911 года въ палату лордовъ. Сознавая необходимость редактированія предложенія въ духѣ болѣе пріемлемомъ для либеральной партіи, авторъ билля допускаетъ примѣненіе референдума не только для отклоненныхъ верхней палатой биллей (rejected Bills), но и для проведенныхъ черезъ обѣ палаты (carried Bills) [1]. Послѣднее по мысли Balfour'a of Burgleigh должно было примѣняться къ тѣмъ биллямъ, по поводу которыхъ 200 членовъ палаты общинъ потребовали бы народнаго голосованія. Не входя пока въ оцѣнку этого предложенія по существу и констатируя только, что проектъ лорда Бальфура устранялъ въ значительной степени несоотвѣтствіе въ положеніи обѣихъ партій, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить отрицательное отношеніе къ проекту со стороны признаннаго лидера верхней палаты маркиза Лэнсдоуна. Продолжая придерживаться того мнѣнія, что „общественное мнѣніе требуетъ введенія референдума“ [2], маркизъ Лэнсдоунъ тѣмъ не менѣе не можетъ голосовать за билль, вызывающій болѣе частое примѣненіе референдума, чѣмъ „это намъ желательно и желательно въ общественныхъ интересахъ“ [3]. Лидеръ опозиціи Бальфуръ также настойчиво возражаетъ противъ распространенія референдума на область, предоставляющую либераламъ равныя съ консерваторами права, и категорически ограничиваетъ случаи его примѣненія разногласіями палатъ [4].

Не приходится поэтому удивляться неожиданнымъ симпатіямъ консерваторовъ къ ультра-демократическому институту.

Разсматривая вопросъ съ его политической стороны, необходимо отмѣтить, что консерваторы при введеніи референдума ничего не теряютъ, такъ какъ и теперь они твердо стоятъ на точкѣ зрѣнія необходимости подчиненія ясно выраженной волѣ народа; документальнымъ подтвержденіемъ этого служитъ принятіе палатой лордовъ, послѣ новыхъ выборовъ, бюджета, признававшагося ею ранѣе „революціоннымъ и соціалистическимъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ничѣмъ не рискуя, консерваторы, выдвинувъ на первый

---

1) „Parliamentary Debates“ Lords, 1911, vol. VII, p. 658—661.
2) „Parliamentary Debates“ Lords, 1911, vol. VII, p. 682.
3) „Parliamentary Debates“ Lords, 1911, vol. VII p. 687.
4) „Parliamentaly Debates“ Commons, 1911, vol. XXI p. 1758 и XXIV, p. 1813.

планъ вопросъ о референдумѣ, разсчитываютъ выиграть очень многое.

Со времени удачнаго опыта 1867 года, когда Дизраэли, взявъ на себя проведеніе второго билля о реформѣ, тѣмъ самымъ вырвалъ побѣду изъ рукъ либераловъ, — консерваторы научились идти навстрѣчу общественному мнѣнію въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сохраненіе status quo является невозможнымъ.

Отказавшись отъ защиты наслѣдственнаго принципа, за который цѣликомъ высказался только одинъ извѣстный намъ органъ „The Academy [1])“ и только два лорда (Halsbury и Duke of Malborough), высказавшись за желательность непосредственнаго опроса избирателей,—консерваторы совершили мудрый тактическій ходъ, сильно укрѣпившій ихъ положеніе. Защищать аппелляцію къ народу задача гораздо болѣе благодарная, чѣмъ оберегать непосредственно наслѣдственную и безотвѣтственную палату. То, что раньше было простой фразой въ устахъ консерваторовъ (напримѣръ, рѣчь Cave: „Сегодня мы показали себя большими демократами, чѣмъ Вы (либералы)... Мы желаемъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ обращенія къ народу [2])“), со времени ихъ выступленія за референдумъ является серьезной опасностью для либераловъ.

Позиція послѣднихъ при противодѣйствіи референдуму настолько труднѣе борьбы противъ верхней палаты, что первоначально либералы хотѣли уклониться отъ категорическаго отвѣта на вопросъ о непосредственномъ опросѣ избирателей. Такъ, когда capit. Craig спросилъ въ Палатѣ Общинъ перваго министра: „не имѣетъ ли правительство намѣренія представить вопросъ объ измѣненіи власти и конституціи палаты лордовъ избирателямъ посредствомъ способа, отличающагося отъ общихъ выборовъ?“ Асквитъ отвѣтилъ: „что въ настоящее время... было бы преждевременно выражать сужденіе по этому вопросу“ (The hon. gallant Member's question is of a hypothetical character, ant it is at any rate one upon which it would be premature at present to express an opinion [3])“.

Даже позднѣе, возражая противъ введенія референ-

---

[1]) „The Academy“ 19 марта 1910 года, p. 270—271.
[2]) „Parliamentary Debates“ Commons, мартъ 1910 г. v. XV, p. 1262.
[3]) „Parliam. Debates“ Commons, vol. XIV, p. 848.

дума, какъ способа разрѣшенія конфликтовъ между палатами, первый министръ долженъ былъ сдѣлать слѣдующую оговорку: „Я признаю, что, говоря три года тому назадъ относительно резолюцій Кэмпбелль-Баннермана, я „заигрывалъ“ съ референдумомъ, и заявляю совершенно открыто, что я резервирую вопросъ о практичности того, что называется референдумомъ, какъ возможно менѣе оспоримаго способа разрѣшенія затрудненій при нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ конституціонныхъ недоразумѣніяхъ [1])“.

Въ засѣданіяхъ палаты общинъ 21 февраля и 20 апрѣля 1911 года Асквитъ повторилъ свое утвержденіе о томъ, что онъ не является принципіальнымъ противникомъ референдума, а лишь протестуетъ противъ введенія его въ систему англійскихъ институтовъ въ качествѣ нормальнаго способа разрѣшенія затрудненій [2]). Представитель правительства въ верхней палатѣ гр. Крю заявляетъ: „Я не отрицаю того, что могутъ быть случаи, при которыхъ референдумъ могъ бы явиться средствомъ установленія мнѣнія страны“ [3]). Либералъ лордъ Уэрдель называетъ себя „стариннымъ другомъ“ референдума, „этого наиболѣе демократическаго, разумнаго и легкаго разрѣшенія вопроса“ [4]). Но въ качествѣ практическаго средства референдумъ отвергается почти всѣми либералами [5]).

И приведеное выше признаніе Асквита, предшествующее непосредственно самымъ горячимъ на институтъ нападкамъ, доказываетъ только, что и тѣ политики, которые относятся къ референдуму безъ прямого предубѣжденія,—считаютъ его совершенно непріемлемымъ въ качествѣ средства для разрѣшенія конфликтовъ.

Во всякомъ случаѣ, насколько можно согласиться съ Эсменомъ, когда онъ спрашиваетъ: „Не странно ли видѣть, что комиссія палаты лордовъ такимъ образомъ восхваляетъ учрежденіе крайней демократіи, которое кажется столь противоположнымъ англійскому духу, столь

---

[1]) „Parliamentary Debates“ 1910. Commons, vol. XV, p. 1173.
[2]) „Parliamentary Debates“ 1911, Commons, vol XXI, p. 1750 и XXIV, p. 1864.
[3]) „Parliamentary Debates“ 1910, Lords, vol. VI, p. 856.
[4]) „Parliamentary Debates“ 1910, Lords, vol. VI, p. 875.
[5]) Особенно ожесточеннымъ противникомъ референдума является Черчилль, ср. „Parliamentary Debates“ v. XXIV, p. 1816.

чуждымъ на родинѣ представительнаго правленія[1])",— настолько же проблематичнымъ является второе его утвержденіе о возможности распространенія института „несовершеннаго и грубаго" на весь континентъ.

III

Референдумъ, на нашъ взглядъ, является средствомъ чрезвычайно опаснымъ для самыхъ основныхъ и незыблемыхъ условій государственнаго управленія Англіи, и введеніе его въ классической странѣ парламентарнаго образа правленія было бы гигантскимъ прыжкомъ въ неизвѣстность, въ темноту (the leap in the dark), прыжкомъ настолько же опаснымъ по результатамъ, насколько проблематичнымъ по отношенію къ достиженію преслѣдуемой имъ цѣли.

Дѣйствительно, введеніе референдума даже въ качествѣ средства разрѣшенія конфликтовъ между двумя палатами означало бы, прежде всего, полный разрывъ съ укоренившейся въ Англіи въ теченіе столѣтій парламентарной формой правленія. Въ самомъ дѣлѣ, если какая-либо законодательная мѣра, предложенная тѣмъ или другимъ кабинетомъ министровъ, потерпитъ фіаско при народномъ голосованіи, правительство въ полномъ согласіи съ вѣковыми традиціями должно будетъ выйти въ отставку, ибо нельзя требовать отъ либеральнаго министерства, чтобы оно согласилось править на твердомъ основаніи законовъ, почитаемыхъ имъ несовершенными, а можетъ быть, и пагубными для страны. Если бы правительство предложило на народное голосованіе какую-либо финансовую мѣру, напр., бюджетъ 1909 года, положеніе его въ случаѣ ея отклоненія было бы еще болѣе критическимъ, и кабинетъ не могъ бы ни одного дня оставаться у власти не только по моральнымъ и политическимъ, но и по чисто практическимъ основаніямъ. Но, если кабинетъ, пользующійся довѣріемъ большинства Палаты Общинъ, долженъ будетъ выйти въ отставку въ случаѣ неблагопріятнаго для проводимой имъ законодательной мѣры

---

[1]) A. Esmein „La reforme de la Chambre des Lords" въ Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques" 1909, octobre, p. 493.

народнаго голосованія,—единственнымъ его преемникомъ можетъ явиться только министерство, составленное изъ членовъ противной партіи.

Можно ли назвать инымъ, кромѣ трагическаго положеніе новаго правительства, принужденнаго появиться передъ нижней палатой съ *одной* только мѣрой, которая имѣетъ шансы пройти въ силу окончательной санкціи со стороны народа и насильно, если можно такъ выразиться, нижней палатѣ навязывается, и съ цѣлой законодательной программой, абсолютно противорѣчащей чаяніямъ и настроеніямъ Палаты Общинъ.

Единственный и неизбѣжный выходъ изъ создавшагося положенія—роспускъ нижней палаты, но этотъ выходъ можетъ оказаться чрезвычайно неудовлетворительнымъ и не достигающимъ цѣли.

Этотъ выходъ, прежде всего, всегда и при всѣхъ условіяхъ подверженъ тѣмъ упрекамъ, что логическимъ его слѣдствіемъ являются новые общіе выборы. Не говоря уже о томъ, что это обстоятельство вызываетъ новые расходы, новую затрату колосальной энергіи,—оно усиливаетъ то зло, о которомъ и теперь въ такомъ враждебномъ тонѣ говорятъ либералы, жалуясь на частые роспуски парламентовъ и на невозможность провести послѣдовательную законодательную програму и представить ее en bloc на судъ избирателей.

Но этотъ кажущійся выходъ приводитъ уже къ окончательному тупику, когда избиратели, сочувствуя общей линіи поведенія той партіи, отдѣльную мѣру которой они признали нецѣлесообразной, отдадутъ ей свои голоса на новыхъ выборахъ и снова призовутъ ее къ власти. Даже Бальфуръ считаетъ такое положеніе вещей возможнымъ, заявляя въ засѣданіи 20 апрѣля 1911 года: „Я глубоко убѣжденъ, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда плебисцитъ будетъ имѣть мѣсто, Вы найдете, что билль будетъ отвергнутъ, хотя избиратели готовы выбирать тѣхъ же депутатовъ, какъ и прежде“ [1]). Нельзя же въ такомъ (весьма вѣроятномъ) случаѣ снова и снова ad infinitum апеллировать къ избирателямъ и настойчиво добиваться отъ нихъ такого вотума, который бы, правда, возстановилъ нарушенное равновѣсіе между первичнымъ

---

[1]) „Parliamentary Debates“ vol. XXIV, p. 1859. Commons. 1911.

и вторичнымъ органами, но кореннымъ образомъ противорѣчилъ бы политическимъ симпатіямъ избирателей. Вѣдь это значило бы пересадить на англійскую почву въ нѣсколько измѣненномъ видѣ тѣ дуалистическіе роспуски, которые такъ удачно охарактеризовалъ Valbert. „Въ Германіи говоритъ онъ, обращеніе къ народу состоитъ въ томъ, чтобы вопрошать Пиѳію до тѣхъ поръ, пока она не скажетъ того, чего отъ нея добивается Филиппъ [1])“.

Правда, консерваторы отрицаютъ такой прогнозъ. Маркизъ Лэнсдоунъ утверждаетъ, что изъ пораженія министерства на референдумѣ вовсе не вытекаетъ („by no means follows“) отставка кабинета. Другое дѣло, если вопросъ, предложенный народу, составляетъ существенную часть министерской программы. Но тогда отставка кабинета только желательна, и, конечно, не приходится оплакивать паденіе министерства, не отвѣчающаго народнымъ воззрѣніямъ [2]). Соображеніе это слѣдуетъ признать явно несостоятельнымъ главнымъ образомъ потому, что согласно конструкціи Лэнсдоуна и Бальфура референдумъ будетъ примѣняться только при разногласіяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ („a great gravity“). Слѣдовательно пройстой и неизбѣжный логическій выводъ изъ ихъ же аргументаціи заставляетъ вопреки мнѣнію консерваторовъ признать необходимость выхода въ отставку министерства при каждомъ неудачномъ голосованіи. Какъ бы не увѣрялъ Бальфуръ, что задачей кабинета является не общее направленіе законодательства, а лишь управленіе страной,—въ англійскихъ условіяхъ болѣе справедливыми кажутся слова Асквита: „Я не знаю, какимъ образомъ то или другое правительство, не потерявъ чувства собственнаго достоинства, могло бы управлять страной, потерпѣвъ пораженіе... вслѣдствіе отклоненія мѣры“ [3]).

Такимъ образомъ, референдумъ разрѣшилъ бы, правда, конфликтъ между двумя палатами, но цѣною новой го-

---

[1]) g. Valbert „La dissolution du Reichstag et la campagne électrale en Allemagne“ (Revue des Deux Mondes 1 févr. 1887 г.).

[2]) „Parliam. Debates“ Lords, 1911, v. VII, p. 692 Такого же воззрѣнія держатся лордъ Бальфуръ (ib., p. 663), лордъ Уэрдель (ib., p. 748), Бальфуръ, Лоутеръ и др.

[3]) „Parlametary Debates“ v. XXIV, p. 1869 Commons. 1911.

раздо болѣе опасной коллизіи, возможной коллизіи между народомъ и его представителями, распространяющей конфликтъ и замѣшательство не только на область законодательства, въ концѣ концовъ всегда допускающую извѣстное промедленіе, но и на область управленія,—ранѣе свободную отъ недоразумѣній.

Единственная цѣль, которая могла бы хотя въ нѣкоторой степени оправдать внесеніе этого осложняющаго и дезорганизующаго элемента въ стройную систему парламентаризма, послѣдовательное проведеніе демократическаго принципа, предоставленіе послѣдняго слова націи.

Однако, при болѣе внимательномъ анализѣ возникаетъ серьезное сомнѣніе, точно ли въ такой полной мѣрѣ введеніе референдума является вѣнцомъ демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ, что за какую-либо мѣру голосуетъ 10.000.000 человѣкъ, а противъ нея 9.999.999 (цифры конечно преувеличенныя, но далеко не невѣроятныя, такъ какъ въ Англіи далеко не всегда одна изъ двухъ главныхъ конкурирующихъ партій побѣждаетъ другую значительнымъ большинствомъ голосовъ)[1]). Побѣждаетъ большинство, какъ бы не значительно оно ни было, и въ этомъ трагическій дефектъ референдума, какъ демократическаго par excellence института.

Дѣло въ томъ, что при конфликтѣ двухъ палатъ самая простая альтернатива, которая можетъ стоять передъ рѣшающимъ органомъ—народомъ: голосовать ли за билль, предложенный общинами, или, согласно мнѣнію палаты лордовъ,—противъ него.

Большинство избирателей желало бы компромисса, большинство избирателей настроено противъ билля, предложеннаго общинами, но разъ народу поставленъ вопросъ за билль или противъ него,—народъ, не желая полнаго сохраненія status quo, вынужденъ голосовать за законопроектъ, въ дѣйствительности не выражающій его мнѣній.

Это соображеніе (въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ,

---

[1]) Проектъ лорда Бальфура пытался исцѣлить этотъ недостатокъ путемъ признанія отклоненными всѣхъ биллей, не получившихъ при референдумѣ большинства въ 2%, но проектъ этотъ въ виду оппозиціи со стороны консерваторовъ взятъ авторомъ обратно, да и самъ по себѣ онъ дастъ только палліативное рѣшеніе вопроса. Ср. „Parliamentary Debates“ v. VII, p. 274. Lords.

что поставить на народное голосованіе одинъ вопросъ вовсе не значитъ изолировать избирателя отъ другихъ мотивовъ голосованія, какъ будетъ указано ниже) даетъ возможность уже въ этой стадіи изложенія съ нѣкоторой долей вѣроятности утверждать, что тотъ самый референдумъ, единственная цѣль котораго заключается въ твердомъ установленіи взгляда суверенной націи на какое-либо опредѣленное законодательное мѣропріятіе, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ извратить волю націи и подъ видомъ ея окончательнаго рѣшенія провести законъ, не отражающій цѣликомъ народныхъ воззрѣній.

Но въ дѣйствительности англійское законодательство знаетъ вовсе не такъ много конфликтовъ между нижней и верхней палатами, когда вопросъ могъ бы быть окончательно рѣшенъ голосованіемъ народа за билль или противъ него. Чаще всего мы имѣемъ два билля: одинъ, выработанный общинами, другой—лордами (Education Bill, Licensing Bill и т. д.), или такія дополненія (amendments) лордовъ, на которыя общины не могутъ согласиться.

Такія коллизіи очень трудно разрѣшить постановкой вопроса, допускающаго только положительный или отрицательный отвѣтъ, и несомнѣнно правъ Mac Kechnie, когда онъ говоритъ: „Для того, чтобы добиться дѣйствительнаго мнѣнія націи, необходимо предложить цѣлый рядъ серьезныхъ вопросовъ: Признаете ли Вы желательнымъ вообще билль такого рода? Да или нѣтъ? Если да, желаете ли Вы принять билль А? Да или нѣтъ? Желаете ли Вы принять билль В (лордовъ)? Да или нѣтъ? Желаете ли Вы принять нѣчто среднее мужду ними, т.-е. билль Х? Да или нѣтъ? Каковы точныя границы компромисса, на который Вы могли бы согласиться?—Вопросъ, на который нельзя дать простого отвѣта“.[1])

Неудобство альтернативной постановки вопроса сказывается какъ при разсмотрѣніи конкретныхъ законопроектовъ, вызывавшихъ сопротивленіе верхней палаты (напр., Education Bill 1906 г., относительно котораго было три пункта важныхъ разногласій), такъ и при попыткѣ формулировать для народнаго голосованія все сложное содержаніе современнаго конституціоннаго конфликта. Вѣдь для того, чтобы узнать съ полной точностью мнѣ

---

[1]) „The Reform of the House of Lords“ Mc. Kechnie, p. 86.

ніе народа относительно конституціоннаго конфликта послѣдняго времени, пришлось бы задать ему цѣлую серію вопросовъ: Желаетъ ли народъ сохранить status quo? Не желаетъ ли онъ вообще уничтожить верхнюю палату? Не желаетъ ли народъ преобразованія палаты лордовъ въ выборный Сенатъ? Желаетъ ли онъ введенія референдума для разрѣшенія конфликта между двумя палатами? Соединенныхъ засѣданій палатъ и при какомъ соотношеніи членовъ собранія? Считаетъ ли народъ достаточнымъ разрѣшеніемъ вопроса вето-билль Асквита, при чемъ въ этомъ обращеніи къ народу необходимо было бы различать три момента: передаетъ ли народъ въ руки палаты общинъ исключительное господство въ области финансовыхъ дѣлъ? Признаетъ ли онъ необходимымъ ограничить вето палаты лордовъ въ вопросахъ законодательныхъ и установить пятилѣтній срокъ депутатскихъ полномочій? Отдѣльная постановка на голосованіе послѣднихъ вопросовъ является необходимой потому, что въ довольно широкихъ кругахъ англійскаго населенія одни и тѣ же лица держатся діаметрально противоположныхъ воззрѣній по вопросу о необходимости ограниченія правъ верхней палаты въ законодательныхъ и финансовыхъ дѣлахъ.

Принимая во вниманіе, что подобная детализація пунктовъ голосованія является немыслимой вслѣдствіе угрожающаго раздробленія голосовъ и другихъ причинъ, что не подготовленные для рѣшенія законодательныхъ вопросовъ избиратели легко могутъ санкціонировать несовершенный законопроектъ (о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь ниже), — необходимо признать, что имѣются извѣстные шансы для наличности опасенія, что при системѣ референдума (какъ и при всякой другой законодательной системѣ) возможно изданіе закона, не отвѣчающаго требованіямъ жизни и идеаламъ законодателя.

Это предположеніе вызываетъ новыя опасенія. Вѣдь, на самомъ дѣлѣ, билль, санкціонированный самимъ народомъ, даже въ томъ случаѣ, если бы на практикѣ ярко сказалась его неудовлетворительность, оказался бы настолько прочно закрѣпленнымъ въ законодательствѣ, что потребовались бы чрезвычайныя усилія и сложная процедура (вплоть до новаго референдума) для того, чтобы вычеркнуть этотъ несовершенный законъ изъ Statute

Book. Большая грубость и фиксированность законодательства явилась бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ введенія референдума.

Дѣйствительно, въ 1906 году либеральный кабинетъ, очутившись у власти, выработалъ законопроектъ о народномъ образованіи (Education Bill) и внесъ его на обсужденіе законодательныхъ палатъ. Билль, пройдя Палату Общинъ, встрѣтилъ сопротивленіе верхней палаты и не получилъ силы закона. По этому поводу либералами была открыта сильнѣйшая агитація противъ упорствующихъ лордовъ, но впослѣдствіи либеральный кабинетъ, убѣдившись въ частичной нецѣлесообразности проектируемыхъ имъ мѣръ, внесъ второй, а затѣмъ и третій билли объ образованіи, довольно сильно отличающіеся отъ своего прототипа[1]).

При наличности референдума подобный отказъ отъ первоначальнаго проекта (или закона) являлся бы совершенно невозможнымъ. Со введеніемъ референдума исчезла бы гибкость, свойственная парламентарному режиму. Огрубѣніе парламентскаго механизма, огрубѣніе, недопустимое въ сложныхъ условіяхъ современной государственности, сказалось бы не только на періодѣ, непосредственно примыкающемъ къ самому моменту производства референдума, но распространилось бы и на самыя нѣдра парламентской жизни. Введеніе референдума не уменьшило бы количество конфликтовъ между палатами и не ослабило бы ихъ, но, наоборотъ, увеличило бы ихъ число и усилило ихъ остроту.

Референдумъ, который теперь по странному капризу исторіи выдвигается почти исключительно защитниками палаты лордовъ, на самомъ дѣлѣ свелъ бы ея роль къ еще болѣе скромной по сравненію съ настоящимъ ея положеніемъ. Палата лордовъ благодаря введенію референдума не пріобрѣтаетъ новаго права противиться законодательству общинъ или измѣнять нежелательные для нея пункты билля въ силу своихъ собственныхъ соображеній, — она продолжаетъ какъ и раньше жить въ отраженномъ свѣтѣ, оцѣнивая законы не съ точки зрѣнія своихъ личныхъ убѣжденій, а съ точки зрѣнія пылкости

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе рѣчь W. Anson. „Parliament. Debates„ Commons, 1910, v. XVI, p. 1497—1498.

народныхъ симпатій. Но такъ какъ ранѣе палата лордовъ могла на болѣе или менѣе продолжительное время затормазить законодательство и такъ какъ всестороннее обсужденіе вопроса иногда само по себѣ вело къ компромиссу, — голосъ лордовъ имѣлъ шансы быть услышаннымъ; теперь же общины могутъ сказать „мы идемъ къ народу“ и уже въ силу того, что было бы преступленіемъ часто вызывать референдумъ,—лорды часто должны были бы идти на уступки.

Практически Палата Общинъ была бы всемогуща, чувствуя за спиной избирателей, а палата лордовъ равнялась бы нулю. Но даже при самой благопріятной для палаты лордовъ коньюнктурѣ она въ случаѣ закрѣпленія юридическаго верховенства за народомъ никогда не была бы способна на ту миссію „охраны грядущихъ поколѣній отъ минутныхъ увлеченій населенія“, которую на нее возлагаетъ лидеръ уніонистовъ Бальфуръ и которой онъ оправдываетъ существованіе второй палаты.

Такимъ образомъ, если бы нижняя палата могла сказать верхней: „вотъ единственный билль, который вы получите отъ насъ: хотите—соглашайтесь съ нимъ,—въ противномъ случаѣ мы обойдемся безъ васъ[1])“,—палата лордомъ „умерла бы“ практически. Мѣсто второй палаты занялъ бы самъ народъ, но отсутствіе обсужденія, компромиссовъ, поправокъ, столь необходимыхъ при дѣятельности ревизіонной, не говоря уже о меньшей интеллигентности избирателей,—едва ли бы сдѣлало эту политическую метаморфозу благодѣтельной для законодательнаго творчества страны.

Но если введеніе референдума не сулитъ усиленія верхней палатѣ, то было бы ошибочно полагать, что другая палата выиграетъ что-нибудь отъ ослабленія конкуррирующаго законодательнаго фактора. Наоборотъ, сила и значеніе нижней палаты потерпѣли бы еще болѣе существенный ущербъ. Прежде всего пострадало бы чувство отвѣтственности и независимости нижней палаты. Въ этомъ утвержденіи сходятся почти всѣ авторитетные англійскіе политики.

Такъ, 29 марта 1910 года премьеръ Англіи Асквитъ, говоря въ Палатѣ Общинъ о разразившемся конститу-

---

[1]) „The Referendum“ The Edinburg Review, янв. 1910 г., p. 147—148.

ціонномъ конфликтѣ, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Референдумъ, какъ нормальная часть нашего конституціоннаго законодательства, по моему мнѣнію, мнѣнію моихъ коллегъ и, вѣроятно, значительнаго большинства на обѣихъ скамьяхъ этой палаты, въ сильной степени подточилъ бы (undermine) независимость и отвѣтственность нижней палаты... Отвѣтственность тогда лежала бы на избирателяхъ, и члены нижней палаты всегда могли бы сказать: „То, что мы дѣлаемъ, вовсе не очень важно, такъ какъ, въ концѣ-концовъ, оно всегда можетъ быть передано народу (it can always be referred to the people [1])". Впослѣдствіе Асквитъ еще разъ подтвердилъ опасность, представляемую референдумомъ съ этой стороны и назвалъ палату общинъ со времени введенія референдума простымъ „разсуждающимъ клубомъ" [2]), цѣлый рядъ либеральныхъ ораторовъ соглашается съ нимъ [3]); консерваторы отрицаютъ печальный прогнозъ Асквита, но одинъ изъ послѣднихъ (Guinnes), защищая референдумъ, неосторожно ставитъ ему въ заслугу экономію времени въ палатѣ общинъ благодаря тому, что нѣтъ надобности подробно обсуждать законодательно мѣропріятіе, относительно котораго высказался самъ народъ [4]).

Столь популярный въ настоящее время Черчилль писалъ въ 1907 г. въ „The Nation" (тотъ органъ, на страницахъ котораго обычно вѣщаютъ англійскіе министры, когда по какимъ-либо причинамъ не хотятъ развивать свои мысли по нѣкоторымъ вопросамъ съ парламентской трибуны): „Такъ какъ политическое преобладаніе палаты общинъ должно быть главной характерной чертой либеральной схемы, мы должны отбросить, съ сожалѣніемъ, но рѣшительно всѣ предположенія, дающія палатѣ лордовъ возможность подвергать какую-либо мѣру испытанію посредствомъ референдума. Такое предложеніе было бы противно духу британской конституціи. Оно разрушило бы цѣликомъ представительный характеръ членовъ

---

[1]) Hausard's „Parliamentary Debates" Commons 1910 г. v. XV, p. 1174.
[2]) „Parliament. Debates" vol. XXI, p. 1751. 1911.
[3]) „Parliament. Debates" Lords, v. VII, 1911. рѣчь лорда Морлея, 671—679, гр. Крю, („Parliam. Debates" Lords, vol. VI, p. 856), лордъ Лоребернъ („Parliam. Debates" v. VI, p. 933), Гербертъ Самуэль („Parliam. Debates" v. XXIV, p. 1827. Commons) и др.
[4]) „Parliam. Debates" vol. XXII, Commons, 1911, p. 314.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

палаты общинъ и отвѣтственность министровъ короны [1])".

Правда, ставшій теперь горячимъ защитникомъ референдума, Дайси утверждаетъ, что и теперь не видно въ законодателяхъ нижней палаты „остраго чувства отвѣтственности" („acute sense of responsibility"), но и онъ оказывается вынужденнымъ сдать въ этомъ пунктѣ свою позицію, признавъ, что „если бы референдумъ могъ повысить чувство отвѣтственности въ законодателяхъ, онъ былъ бы несказаннымъ благодѣяніемъ [2]).

Паденіе престижа представительныхъ учрежденій и формальное закрѣпленіе верховенства народа, несомнѣнно, самымъ сильнымъ образомъ измѣнило бы всю политическую физіономію Англіи, и этотъ результатъ провидѣлъ бывшій премьеръ Англіи Кэмбпелль-Баннерманъ, когда онъ въ 1907 г. (время, когда можно было трактовать вопросъ по существу, а не подъ вліяніемъ различнаго рода практическихъ соображеній) говорилъ въ палатѣ общинъ слѣдующее: „Здѣсь высказывалось чрезвычайно безплодное и, я думаю, не слишкомъ хорошо обдуманное предложеніе за иностранный институтъ, называемый референдумомъ, посредствомъ котораго билль могъ бы быть предложенъ на спеціальное голосованіе избирателей страны. Это предложеніе, согласно моему мнѣнію, несовмѣстимо съ парламентарной формой правленія и обладаетъ разрушительной по отношенію къ ней силой [3])".

Но въ связи съ этимъ возникаетъ другой еще болѣе серьезный вопросъ. Имѣетъ ли смыслъ защищать парламентарную форму правленія въ такомъ видѣ, въ какомъ мы наблюдаемъ ее въ Англіи, отъ вырожденія, если на смѣну ей идутъ новыя болѣе совершенныя формы. Если палата лордовъ, какъ говорятъ одни, извращаетъ волю націи, если члены нижней палаты, какъ говорятъ другіе,—„насмѣшка партійныхъ организацій", если самъ лидеръ партіи консерваторовъ, долженствующей стоять на

---

[1]) См. „The Main function of the House of Lords" The Quarterly Review, avr. 1907, p. 430—431.

[2]) Dicey „The Referendum and its critics" The Quarterly Review, avr. 1910, p. 550—551.

[3]) „Parliamentary Debates" Commons, 1907, vol. 176, p. 924.

Такого же мнѣнія держится и Atherly-Jones „The Liberal Party and the House of Peers" (Nineteenth Century, іюль 1907, p. 170).

стражѣ освященныхъ вѣками традицій утверждаетъ, наконецъ, что „только въ условно-техническомъ смыслѣ можно говорить, что англійская палата общинъ представляетъ англійскій народъ, а кабинетъ — палату“ и что „въ сущности, теперь трудно опредѣлить, въ чемъ заключается воля націи“,—то не лучше ли пожертвовать, казалось бы, никого не удовлетворяющей партійной системой для того, чтобы прочно установить волю и рѣшеніе націи по данному вопросу. Такая постановка вопроса должна была бы повлечь къ сравнительному изслѣдованію преимуществъ представительнаго и непосредственнаго строя, и отвѣтъ на него представлялся бы чрезвычайно сложнымъ, если бы весь вопросъ не рѣшался соображеніями другого рода.

Общее мнѣніе составляетъ то положеніе, что при системѣ общихъ выборовъ происходитъ смѣшеніе (log-rolling) вопросовъ и что только одинъ референдумъ способенъ изолировать вопросъ и дать ему вполнѣ соотвѣтствующее народнымъ желаніямъ рѣшеніе.

Но дѣло въ томъ, что англійскіе парламентаріи не вѣрятъ въ возможность изолировать вопросъ путемъ референдума. 29 марта 1910 г. Асквитъ говорилъ въ палатѣ общинъ по этому поводу слѣдующее: „Теперь я буду говорить о референдумѣ какъ о средствѣ избавиться отъ того, что я называю обычнымъ и ежедневнымъ затрудненіемъ нашей современной парламентской системы, и какъ орудіе для дѣйствія въ такой ситуаціи, я, признаюсь, считаю его совершенно не подходящимъ (altogether inadequate)... Говорятъ, что референдумъ дастъ возможность изолировать (disentagle) вопросъ при столкновеніи двухъ палатъ. Я не думаю, чтобы вы могли добиться чего-либо подобнаго; болѣе того, я увѣренъ, что вы не могли бы этого сдѣлать. Референдумъ могъ бы быть номинально и для вида пріуроченъ къ какому-нибудь отдѣльному вопросу (on some particular point), но каждый знаетъ, что все функціонированіе обѣихъ партій въ государствѣ зависѣло бы отъ рѣшенія такого вопроса. Вы имѣли бы тревогу, возбужденіе и большую часть расходовъ общихъ выборовъ, но такъ какъ я полонъ самаго глубокаго уваженія къ интеллигентности и политическому инстинкту моихъ согражданъ, — я не думаю, чтобы для нихъ было возможно отдѣлить отдѣль-

ный вопросъ, по поводу котораго производится референдумъ, и совершенно игнорировать все остальное на политическомъ поприщѣ (segregate the particular issue on which the Referendum took place, and entirely to ignore the whole of the rest of the field of politics)“ [1]).

Такого же воззрѣнія на этотъ вопросъ придерживается и Кэмпелль-Баннерманъ: „Необходимое изолированіе предмета отъ цѣлой массы политическихъ настроеній является въ Англіи совершенно невозможнымъ“ [2]), говорилъ бывшій премьеръ въ 1907 году.

Отъ приведенныхъ утвержденій только одинъ шагъ до уподобленія референдума общимъ выборамъ, и этотъ незначительный, съ логической точки зрѣнія, шагъ и сдѣлалъ популярный генеральный соллиситоръ Англіи Rufus Isaaks. 26 іюня 1907 года Isaacs въ Палатѣ Общинъ утверждалъ, что „референдумъ былъ бы подобіемъ миніатюрныхъ общихъ выборовъ. Можетъ ли кто-нибудь, кто знаетъ разумъ народа, представить себѣ на моментъ, что народъ можетъ рѣшить данный вопросъ безъ привнесенія другихъ, съ обсуждаемой темой совершенно не связанныхъ“ [3]).

Но если допустить, хотя бы на минуту, что референдумъ эквивалентенъ общимъ выборамъ, то придется признать, что онъ не только безполезенъ, но и пагубенъ для развитія демократическихъ началъ въ англійскомъ законодательствѣ.

Опасность частыхъ выборовъ для демократическихъ партій страны нашла себѣ наиболѣе полную характеристику въ рѣчи бывш. товарища министра внутреннихъ дѣлъ, теперь одного изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ кабинета Герберта Самуэля. „При референдумѣ, говоритъ онъ, преимущество получили бы богатство и тѣ люди, которые направляютъ прессу, не всегда въ интересахъ всей страны... Это отразилось бы на бѣдныхъ партіяхъ, прежде всего на рабочей... Для нихъ было бы невозможно при системѣ референдума изъ года въ годъ сражаться за свои принципы [4])“.

---

[1]) Hansard's „Parlamentary Debates“ Commons 1910 г. v. XV, p. 1174—1175.
[2]) „Parliam. Debates“ v. 176, p. 924.
[3]) Hansard's „Parliamentary Debates“ 1907 г., v. 176, p. 1494.
[4]) Hansard's „Parliamentary Debates“ v. 176, p. 1009. 24 іюня 1907 г.

Англійскіе парламентаріи опредѣляютъ расходы кандидатовъ и партійныхъ организацій на общіе выборы въ два милліона фунтовъ (около 20.000.000 р. на одни выборы) [1]), и мы не видимъ причинъ, которыя позволяли бы надѣяться, что устройство референдума потребуетъ меньшихъ затратъ.

Правда, защитники референдума говорятъ о второстепенности этого вопроса. Такъ, наприм., Edw. Sassoon заявляетъ въ Палатѣ Общинъ: „Я знаю, что референдумъ влечетъ за собой значительные расходы, но я думаю, что не можетъ быть слишкомъ большихъ затратъ и тревоги для того, чтобы узнать убѣжденія народа, когда предлагаются мѣры... широко измѣняющія конституцію [2])“.

Однако приведенная защита чуждаго Англіи института, какъ легко въ этомъ убѣдиться, представляетъ дефекты въ двухъ отношеніяхъ. Во-1) она предрѣшаетъ вопросъ о сферѣ примѣненія референдума. Разсужденіе, пригодное для оцѣнки института, долженствующаго быть верховнымъ судьей только въ остро поставленныхъ конституціонныхъ конфликтахъ, оказывается непригоднымъ, если смотрѣть на референдумъ какъ на ординарное средство разрѣшенія разногласій между двумя палатами. А во-2)—что самое главное—выясненіе истинной воли націи только тогда можетъ быть плодотворнымъ, если всѣ конкурирующія теченія будутъ поставлены въ относительно равныя условія. Если при частомъ повтореніи референдума, партіи, располагающія меньшимъ количествомъ средствъ, будутъ поставлены въ невозможность энергично развивать агитацію съ своей стороны,—можно ли тогда ожидать истинно демократическаго законодательства. Это послѣднее соображеніе имѣетъ немаловажную цѣнность. Въ „People's Charter“ демократическіе слои населенія Англіи первымъ пунктомъ поставили требованіе короткихъ парламентовъ. Прошло около столѣтія, и народныя симпатіи къ этому требованію охладѣли до такой степени, что предложеніе отдѣльнаго коммонера въ сессіи 1910 г. понизить срокъ легислатуры

---

[1]) См. Hansard's „Parliamentary Debates“ 1910 г. v. XVI, Commons, рѣчь Clough p. 1507.

[2]) Hansard's „Parliam. Debates“ v. 176, 1907 г., p. 1492.

даже до трехъ лѣтъ было встрѣчено общимъ смѣхомъ нижней палаты.

Несомнѣнное охлажденіе къ требованію, ранѣе считавшемуся краеугольнымъ камнемъ демократической политики, находитъ себѣ объясненіе не только въ усложненіи государственной жизни страны, но и въ опасности частыхъ общихъ выборовъ для демократіи [1]).

Сдѣлать референдумъ обычнымъ средствомъ разрѣшенія конфликтовъ между двумя палатами значитъ воплотить въ жизнь тѣ опасенія, которыя, несомнѣнно, имѣютъ извѣстный смыслъ въ отношеніи частыхъ общихъ выборовъ.

Къ категоріи такихъ же практическихъ соображеній слѣдуетъ отнести и общее утвержденіе Герберта Самуэля о невозможности всякой демократической работы при системѣ референдума, утвержденіе, подкрѣпленное ссылкой на долголѣтній опытъ Швейцаріи [2]).

На этомъ утвержденіи необходимо остановиться внимательнѣе, въ особенности, потому, что сторонники и противники введенія референдума, выхватывая изъ долголѣтней исторіи примѣненія въ Швейцаріи этого института отдѣльные факты, опираются въ проведеніи своихъ противорѣчащихъ другъ другу цѣлей на опытъ Швейцаріи.

Несомнѣнно, что нѣкоторыя основанія для пессимистическаго взгляда Самуэля на будущее демократическаго законодательства имѣются: нельзя закрывать глазъ на такіе факты изъ жизни Швейцаріи, какъ, напр., отклоненіе вопроса о пенсіяхъ чиновникамъ или отклоненіе пропорціональной системы представительства въ новѣйшее время.

Но никакія ссылки на опытъ Швейцаріи не могутъ быть признаны убѣдительными въ силу глубокаго различія главнѣйшихъ условій политической жизни Англіи и Швейцаріи [3]).

---

[1]) См. по этому поводу рѣчь W. Anson'a противъ уменьшенія легислатуры до пяти лѣтъ (Hansard „Parl. Debates" 1910 г., v. XVI, p. 1498—1499).

[1]) Брошюра приводится Dicey „The Referendum and its critics" въ „The Quarterly Review" № 423, avr. 1910, p. 551.

[2]) Hansard's „Parliam. Debates" v. 176, p. 1008.

[3]) Поэтому мы не видимъ надобности дѣлать подобно Mahalfy въ ст. „A poll of the People" (въ „The Law Magazine and Review" февр. 1911 г.) подробный анализъ исторіи института въ Швейцаріи. На безплодность параллелей въ этомъ вопросѣ указываетъ Вил. Энсонъ („Parliam. Debates" v. XXIV, p. 1831).

Въ Швейцаріи нѣтъ не только парламентскаго образа правленія, но въ высшей степени слабо и развитіе партій. Англія—государство централистическое, Швейцарія—федералистическое. Швейцарія—страна съ относительно однородными интересами, доступными полю зрѣнія каждаго средняго гражданина, Англія, въ противоположность ей, — страна, представляющая изъ себя сложный конгломератъ національностей, интересы которыхъ чужды среднему гражданину.

Наконецъ, преимущественное назначеніе референдума въ Швейцаріи (въ отклоненіе отъ точной буквы ст. 106 федеральной конституціи) заключается въ созданіи новаго третьяго законодательнаго фактора народа въ добавленіе къ двумъ палатамъ, а въ Англіи рѣчь идетъ только о референдумѣ, какъ о способѣ разрѣшенія конфликтовъ между двумя палатами.

Но если по всѣмъ приведеннымъ причинамъ нельзя признать убѣдительными ссылки на (по однимъ словамъ, удачный, по другимъ,—неудачный) опытъ Швейцаріи, то при ближайшемъ изученіи спеціально англійскихъ политическихъ условій возникаютъ новыя возраженія и осложненія.

Дѣло въ томъ, что введеніе референдума въ Англіи означаетъ въ то же время введеніе нѣкотораго подобія гомруля.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли представить на голосованіе всего электората сначала одинъ билль по какому-либо вопросу, затѣмъ основанный на отличномъ отъ перваго принципѣ, второй билль по тому же вопросу для другой части королевства. Сумѣетъ ли и сможетъ ли весь народъ, отвлекшись отъ личныхъ симпатій, разобраться въ особенностяхъ каждой части королевства и вынести въ зависимости отъ нихъ различныя по одному и тому же вопросу рѣшенія. Англійская и парламентская тактика знаетъ много такихъ прецедентовъ: два Small Holdings Acts (для Англіи одинъ, другой для Шотландіи), два Licensing Bill'я (одинъ для Англіи, другой для Ирландіи) и т. д.[1]).

Но кромѣ фактической невозможности для электората встать на двѣ различныя точки зрѣнія по отношенію

---

[1]) „The Edinburgh Review“ январь, 1910 г. „The Referendum“ см. p. 149.

къ одному вопросу, другая важная причина дѣйствуетъ въ томъ же направленіи раздробленія цѣлаго народа на отдѣльныя голосующія группы. Дѣйствительно, было ли бы *справедливо*, если бы положеніе пресвитеріанцевъ въ Шотландіи опредѣлялось большинствомъ англичанъ, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ англиканской церкви[1]).

Эти причины привели бы къ необходимости провести разграниченіе между имперскими и мѣстными биллями. Онѣ создали бы при функціонированіи референдума необходимость введенія особаго рода гомруля. Для либераловъ эта опасность не можетъ служить исчерпывающимъ аргументомъ противъ референдума (для нихъ рѣчь могла бы идти скорѣе о практическихъ трудностяхъ разграниченія биллей), но вѣдь не они являются сторонниками введенія референдума. Защитниками референдума являются маркизъ Салисбюри (противникъ самоуправленія) Лекки (противникъ демократіи), цѣлый рядъ правовѣрныхъ тори изъ палаты лордовъ, и наконецъ, въ самое послѣднее время Бальфуръ—лидеръ уніонистовъ. По отношенію къ нимъ этотъ аргументъ не можетъ не являться убійственнымъ, введеніе гомруля они считаютъ равносильнымъ разложенію государства, такъ какъ гомрулеровъ они считаютъ измѣнниками.

Извѣстное значеніе для консерваторовъ должно имѣть и окончательное съ момента введенія референдума уничтоженіе вето-короля, того вето, при помощи котораго королева Елизавета остановила 48 биллей изъ 91 [2]).

Вопросъ о неподготовленности широкихъ слоевъ населенія для законодательной работы пріобрѣтаетъ для Англіи особую остроту. Гербертъ Самуэль говорилъ въ Палатѣ Общинъ: „Также абсурдно предлагать билли народу, какъ техническіе юридическіе вопросы присяжнымъ[3])“; но если можно спорить съ такимъ категорическимъ утвержденіемъ вообще, то необходимо признать, что всего резоннѣе звучитъ оно все-таки въ Англіи, такъ какъ рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ, именно въ Англіи, требуетъ особенныхъ знаній, въ виду огромныхъ

---

1) См. Mc. Kechnie „The Reform of the House of Lords“ p. 93—94.

2) Zweikammer-und Zweiparteien System“ въ „Zeitschrift für Politik“, IV B., H. 1, s. 24 и „A poll of the People“ p. 209. См. также о вето Hatschek „Englisches staatsrecht“ s. 644—646, B. 1.

3) Hansard „Parliam. Debates“ v. 176, p. 1008.

размѣровъ ея территоріи и сложности возникающихъ отношеній (между колоніями).

Кромѣ того, въ виду громаднаго количества биллей, ежегодно проходящихъ черезъ англійскія законодательныя учрежденія, особенную важность пріобрѣтаетъ вопросъ о поводѣ, достаточномъ для примѣненія референдума. Вѣдь совершенно немыслимо и безцѣльно прибѣгать къ референдуму при всѣхъ многочисленныхъ разногласіяхъ, неизбѣжно возникающихъ при двухпалатной системѣ.

Очевидно сферу примѣненія референдума необходимо ограничить такими случаями, которые болѣе или менѣе глубоко волнуютъ общественное мнѣніе страны и имѣютъ то или иное принципіальное значеніе. Необходимость такого суженія сферы примѣненія референдума, не устраняя нѣкоторой части прежнихъ затрудненій, вноситъ въ вопросъ цѣлый рядъ новыхъ осложняющихъ моментовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая вопросъ по существу, необходимо отмѣтить, что и такое ограниченіе не представляетъ гарантій противъ слишкомъ частаго примѣненія референдума, такъ какъ количество разногласій серьезнаго характера между двумя палатами можетъ быть очень велико: въ 1906 году, напримѣръ, острые конфликты между палатой общинъ и палатой лордовъ имѣли мѣсто по пяти серьезнымъ вопросамъ (Education Bill, Plural Voting Bill, Provision Meals Bill для Шотландіи, Irish Town Tenants Bill и Agricultural Holdings Bill). Маркизъ Лэнсдоунъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что сила общественнаго мнѣнія такъ велика, что злоупотребленіе референдумомъ невозможно [1]), но большаго довѣрія заслуживаетъ мнѣніе лорда-канцлера Англіи Лореберна, утверждающаго, что ни одна изъ партій не упуститъ случая произвести путемъ референдума аттаку на министерство [2]). А съ другой стороны, кому можно предоставить рѣшеніе вопроса о томъ, когда надлежитъ при-

---

[1]) „Parliam. Debates“ Lords, 1910, v. VI, p. 845. Относительно общественнаго мнѣнія см. Дайси „Основы государств. права“ стр. 447—450 и въ особ. „The Law and Public Opinion“.

[2]) „Parliam. Debates“ v. VII, p. 285—286. Lords, 1911.

мѣнить референдумъ. Возможно предоставить это право или палатѣ общинъ, или палатѣ лордовъ, или правительству.

Первый случай сливается съ послѣднимъ, такъ что практически мы имѣемъ двѣ возможности: правительству, представляющему общины, или лордамъ. Но обѣ онѣ оставляютъ въ полной неприкосновенности главное зло англійской политической системы.

Основной недостатокъ этой системы, оказавшій громадное вліяніе на все англійское законодательство, заключается въ томъ, что палата лордовъ, оставаясь всегда и неизмѣнно консервативной, проявляетъ усиленную дѣятельность, когда у власти находится либеральный кабинетъ, и совершенно исчезаетъ съ политической арены, когда въ нижней палатѣ большинство составляютъ уніонисты.

Если бы примѣненіе референдума было поставлено въ зависимость отъ желанія правительства или палаты лордовъ, то создалось бы такое положеніе: во время господства либераловъ референдумы слѣдовали бы одинъ за другимъ, а во время господства консерваторовъ правительство могло бы провести любой законъ независимо отъ желанія народа и даже вопреки его желанію, такъ какъ въ этомъ случаѣ не было бы налицо силы, способной призвать къ жизни институтъ референдума [1]).

Такимъ образомъ референдумъ оказался бы въ рукахъ консерваторовъ тѣмъ же орудіемъ, какимъ теперь является роспускъ нижней палаты вслѣдствіе ея расхожденія съ верхней палатой парламента. Роспуски, которыхъ палата лордовъ требовала обычно въ виду невыясненности настроенія избирателей, большею частью преслѣдовали ту цѣль, чтобы „консерваторы могли свергать либераловъ разъ въ годъ, а либералы консерваторовъ—разъ въ шесть лѣтъ [2]).

Такой же результатъ получился бы и въ томъ слу-

---

[1]) На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Кэмпелль-Баннерманъ, который, не углубляя своей мысли, вскользь высказалъ въ Палатѣ Общинъ слѣдующее: „Референдумъ будетъ примѣняться только тогда, когда у власти будутъ либералы, и будетъ бездѣйствовать при консерваторахъ“. Ср. „La chambre des Lords“ Revue du Droit Public et de la Science politique. 1908 г. p. 124.

[2]) См. подтвержденіе „Parliam. Debates“ 1907 г., v. 176, p. 1010.

чаѣ, если бы примѣненіе референдума было предоставлено усмотрѣнію правительства или палаты лордовъ въ силу того, что либералы были бы вынуждены прибѣгать къ референдуму, а консерваторы проводили бы всѣ законы нормальнымъ порядкомъ. При наличности указанныхъ условій вполнѣ естественнымъ является, что представители демократическихъ теченій съ крайнимъ недовѣріемъ относятся къ предложенію нѣкоторыхъ консерваторовъ о референдумѣ. Слѣдующая сцена является показателемъ этого недовѣрія.

Въ 1907 году коммонеръ Робертсонъ, обращаясь къ стороннику введенія новаго института лорду R. Cecil'ю задалъ послѣднему вопросъ: „Можетъ быть лордъ хотѣлъ бы референдума при условіи сохраненія палаты лордовъ въ прежнемъ положеніи, такъ что референдумъ никогда не употреблялся бы противъ консервативнаго правительства?". Лордъ Cecil протестуетъ; ораторъ беретъ свои слова назадъ, но заявляетъ: „во всякомъ случаѣ, пока палата лордовъ существуетъ въ своемъ прежнемъ видѣ, референдумъ былъ бы чрезвычайно неудачнымъ институтомъ". [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ то положеніе вещей, которое создалось бы при условіи представленія права примѣненія референдума правительству или лордамъ, неизбѣжно привело бы къ новому ряду осложненій, удачно обрисованныхъ премьеромъ Асквитомъ. „Если мы будемъ имѣть референдумъ, когда обѣ палаты расходятся, говорилъ Асквитъ 29 марта 1910 года въ Палатѣ Общинъ, что будемъ мы дѣлать, когда обѣ палаты согласны? Это не такой нелѣпый вопросъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Представьте себѣ нижнюю палату, которая, какъ выяснится впослѣдствіи, не отражаетъ народныхъ мнѣній и которая въ данную минуту принимаетъ важныя мѣры значительнымъ большинствомъ, и уснувшую ревизіонную палату, „sub silentio" ихъ пропускающую... Можете ли вы не дать значительному большинству жителей нашей страны нѣкоторую власть, соотвѣтствующую референдуму, нѣкоторую власть инициативы" [2]). Съ логической точки

---

[1]) „Parliamentary Debates" 1907 г., v. 176, p. 1231.
[2]) Hansard's „Parliamentary Debates" 1910 г., Commons, p. 1173—1174.

зрѣнія, такое предоставленіе народу права proprio motu вызывать примѣненіе референдума могло бы, пожалуй, считаться выходомъ изъ того положенія, при которомъ демократическій институтъ является простымъ орудіемъ въ рукахъ консервативной партіи, но соображенія политико-юридическаго характера говорятъ категорическимъ образомъ противъ допущенія инициативы со стороны народа. Въ предѣлахъ нашей задачи достаточно будетъ указать, что введеніе инициативы совершенно выводитъ вопросъ изъ плоскости наиболѣе удобнаго и авторитетнаго разрѣшенія конфликтовъ между двумя палатами въ плоскость общей и радикальной реформы, сторонниковъ которой найдется немного и среди актуальныхъ защитниковъ референдума, какъ корректива къ двухпалатной системѣ [1]). Это вполнѣ понятно, такъ какъ при инициативѣ дѣло идетъ уже не объ обузданіи нижней палаты, извратившей волю націи, а, разсматривая вопросъ по существу, о ликвидаціи представительной системы.

При такихъ условіяхъ вытекающая изъ специфическихъ условій политической жизни Англіи необходимость [2]) введенія инициативы въ добавленіе къ референдуму является лишнимъ минусомъ при оцѣнкѣ возможныхъ его результатовъ.

Но можно, отказавшись отъ предоставленія права примѣненія референдума правительству или лордамъ, точно опредѣлить случаи его примѣненія путемъ спеціальнаго закона. Съ такимъ предложеніемъ и выступилъ въ послѣднее время Дайси. Дайси считаетъ необходимымъ издать особый Referendum Act, въ которомъ заключались бы двѣ части: въ первой — указывалось бы, что ни одинъ билль, который отмѣняетъ, измѣняетъ, дополняетъ или инымъ образомъ затрогиваетъ акты, перечисленные въ шедулѣ билля о рефендумѣ хотя бы и прошелъ обѣ палаты, не можетъ сдѣлаться закономъ, пока не получитъ спеціальной санкціи боль-

---

[1]) Мы не можемъ припомнить никого изъ парламентаріевъ, кромѣ лорда R. Cecil'я, кто предлагалъ бы инициативу. Cecil предлагалъ предоставить право инициативы $1/4$ части избирателей („Parliam. Deb." 1907 г., v. 176, p. 1182).

[2]) Соотвѣтствующая при томъ общей тенденціи, какъ это показалъ опытъ Швейцаріи и Соединеныхъ Штатовъ.

шинства избирателей. Эти акты—по мнѣнію Дайси—должны быть немногочисленны; къ ихъ категоріи должны быть причислены только акты высшаго политическаго значенія, какъ, напр., Act of Settlement (неудачно переводимый у насъ актомъ о престолонаслѣдіи), акты о соединеніи Англіи съ Шотландіей и Ирландіей, различные билли, относящіеся до реформы парламента и, наконецъ, проектъ о референдумѣ. Въ другой системѣ акта о референдумѣ должно быть выражено, что билль, затрогивающій вопросы, перечисленные въ шедулѣ, если получить согласіе обѣихъ палатъ парламента и короля, признается безъ референдума недѣйствительнымъ каждымъ судомъ Британской Имперіи [1]).

Съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса (референдумъ, какъ *средство* разрѣшенія конфликтовъ между двумя палатами) подобное предложеніе далеко нельзя признать удачнымъ. Вѣрнѣе, оно бьетъ мимо цѣли, непосредственно волнующей общественное мнѣніе Англіи. Референдумъ, который долженъ будетъ примѣняться къ опредѣленнымъ актамъ въ силу закона, хотя бы царствовала гармонія между всѣми законодательными факторами, пробиваетъ серьезную брешь въ положеніи представительныхъ учрежденій, но ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признанъ разрѣшеніемъ вопроса о конфликтѣ между двумя палатами. Дѣло въ томъ, что такое механическое примѣненіе референдума во 1) сводитъ на нѣтъ значеніе обѣихъ палатъ въ наиболѣе важныхъ вопросахъ и во 2) не даетъ способа разрѣшить конфликты, возникающіе по вопросамъ, не внесеннымъ въ шедулу.

Необходимо, кромѣ того, отмѣтить, что рефендумъ вообще не могъ бы быть примѣненъ, напр., къ наиболѣе жгучему вопросу англійской жизни: къ бюджету 1909 года, такъ какъ и конституціонная доктрина [2]) и конституціонная практика (Швейцарія) высказывается противъ представленія на народное голосованіе различныхъ финансовыхъ мѣръ.

Помимо тѣхъ послѣдствій, которыми чревато введе-

---

[1]) Dicey „The referendum and its critics“ p. 554. „The Quarterly Review“ v. 423, avr. 1910 г. Такого же мнѣнія держится Cave „Parliam. Debates“, v. XXIV, p. 1810.

[2]) „The Edinburgh Review“, янв. 1910 г. „The Referendum“ 151—153.

ніе референдума, необходимо отмѣтить еще то обстоятельство, что многіе англійскіе парламентаріи склонны смотрѣть на муссированіе консерваторами вопроса о референдумѣ, какъ на попытку отвлечь вниманіе народныхъ массъ отъ реформы отношеній между палатами и дождаться болѣе сочувственнаго для консервативной партіи настроенія избирателей. Этими соображеніями и продиктована рѣчь лидера ирландской партіи Джона Рэдмонда: „Если бы, говорилъ Рэдмондъ въ 1910 г., премьеръ-министръ сказалъ намъ, что вмѣсто обращенія къ трону за поддержкой и гарантіей въ томъ, что прерогатива будетъ использована,—онъ предложитъ референдумъ,—я, конечно, воспротивился бы такому ходу вещей (J certainly would oppose any such course), такъ какъ, замѣтьте, что бы такое направленіе дѣла значило. Оно означало бы отсрочку всего дѣла на значительное время. Вы не могли бы имѣть референдума по какому-либо вопросу, пока актъ о немъ не былъ принятъ парламентомъ. Вы должны были бы внести билль о референдумѣ, — провести его черезъ всѣ стадіи, послать его въ палату лордовъ; тамъ лорды отклонили бы билль, онъ былъ бы возвращенъ обратно въ общины и вы снова пришли бы къ вопросу о королевской прерогативѣ [9])“. Во всякомъ случаѣ, если лорды неискренни въ своемъ предложеніи,—демократическимъ партіямъ нѣтъ никакого смысла идти имъ навстрѣчу въ этой сложной политической игрѣ. Если же лорды, дѣйствительно, хотятъ ввести въ систему англійскихъ институтовъ новый и чуждый представительному образу правленія принципъ,—демократическимъ партіямъ слѣдуетъ очень многое взвѣсить прежде чѣмъ пойти на новшество, рѣзко отклоняющееся отъ вѣковыхъ англійскихъ традицій.

Что бы ни говорилъ авторитетный профессоръ оксфордскаго университета, какъ бы краснорѣчиво ни доказывалъ онъ, что „референдумъ можетъ быть (въ противоположность гомрулю) предметомъ реальнаго политическаго эксперимента [10]),—каждому ясно, что, давъ народу опредѣленную степень власти, нельзя будетъ вер-

---

[9]) Hansard „Parliamentary Debates“ Commons 1910 г., v. XVI, p. 1205.
[10]) Dicey „The referendum and its critics“, p. 558.

нуться къ прежнимъ образцамъ и безъ государственнаго переворота отнять у новаго суверена пріобрѣтенныя имъ права. Впитавъ въ себя новые элементы, государственныя учрежденія съ математической неизбѣжностью должны будутъ слѣдовать по новому пути: все большаго приближенія къ формамъ непосредственнаго народоправства. Защитники представительной идеи въ чистомъ ея видѣ, конечно, не могутъ содѣйствовать такой эволюціи.

Б. Е. Шацкій.

Объ изученіи преступника въ наукѣ уголовнаго права[1]).

III.

Переходя отъ исторіи возникновенія ученія о преступникѣ къ изложенію его, слѣдуетъ, прежде всего, выяснить тѣ задачи, которыя выпадаютъ на долю этого юнаго отдѣла науки. Опредѣленіе этихъ задачъ и будетъ служить исходной точкой при критическомъ разсмотрѣніи существующихъ въ современной литературѣ теорій. Анализъ послѣднихъ долженъ показать, насколько полно и правильно каждая изъ нихъ рѣшаетъ тѣ задачи, которыя должны получить свое рѣшеніе въ ученіи о преступникѣ.

Каковы же эти задачи?

Наказаніе должно предупреждать повтореніе у преступника того настроенія, которое выразилось въ совершенномъ имъ преступленіи. Для этой цѣли размѣры, характеръ и организація наказанія должны быть разсчитаны на всѣ тѣ черты личности преступника, отъ которыхъ можетъ зависѣть повторяемость преступнаго настроенія.

Важно выяснить не только, каково выразившееся въ преступленіи настроеніе, какова вина, но и каково соотношеніе между даннымъ преступнымъ настроеніемъ и нравственною личностью преступника. Изученіе преступника съ точки зрѣнія большей или меньшей вѣроятности или трудности повторнаго возникновенія у него того настроенія, которое выразилось въ его преступленіи, — и составляетъ задачу ученія о преступникѣ. Дополняя отдѣлъ науки, посвященный видамъ виновности, ученіе о преступникѣ должно выяснить, на какіе группы или типы слѣдуетъ подраздѣлить преступниковъ

---

[1]) „Вопросы права“, кн. VI (2), стр. 184—206.

съ указанной выше точки зрѣнія. Выработанная имъ классификація должна служить дополняющимъ виды виновности критеріемъ при опредѣленіи характера, размѣровъ и организаціи наказанія. Наказаніе должно соразмѣряться съ виною, это — несомнѣнно; но при этомъ слѣдуетъ индивидуализировать вину, слѣдуетъ, между прочимъ, считаться и съ тѣмъ мѣстомъ, которое занимаетъ субъектъ въ классификаціи преступниковъ; вина представителей разныхъ классовъ преступнаго люда различна, хотя бы она одинаково подходила подъ понятіе прямого или эвентуальнаго умысла, luxuria и т. д. Индивидуализація отвѣтственности и должна заключаться въ выборѣ такого наказанія, которое всего болѣе соотвѣтствовало бы данной конкретной винѣ и мѣсту, принадлежащему ея носителю среди совершителей извѣстныхъ преступленій, согласно выработанной наукой классификаціи.

Изъ указанной выше задачи ученія о преступникѣ вытекаютъ и его предѣлы: оно должно изучать лишь тѣ стороны личности преступниковъ, которыя необходимо изслѣдовать для рѣшенія упомянутой задачи и лишь поскольку это необходимо для данной цѣли.

Но каковы же должны быть пріемы изученія преступниковъ. Рѣшить этотъ вопросъ—значитъ, въ сущности, распутать главный узелъ, который мѣшаетъ развитію этого юнаго отдѣла науки и правильному опредѣленію его отношеній къ другимъ отдѣламъ.

Первый путь, которымъ пробовали идти, изучая преступниковъ и отъ котораго многіе не отказываются и теперь, заключается въ разыскиваніи въ тѣлѣ преступниковъ тѣхъ или иныхъ особенностей, по которымъ можно было бы отличать преступниковъ одной категоріи отъ другой и лицъ, наклонныхъ къ преступленію, отъ лицъ, не совершившихъ преступленій и не склонныхъ къ нимъ. Сторонники подобныхъ пріемовъ настаиваютъ на существованіи особаго антропологическаго типа преступника или, вѣрнѣе, нѣсколькихъ такихъ типовъ, и черты этихъ типовъ стараются уловить путемъ взвѣшиваній, разныхъ медицинскихъ изслѣдованій и т. д. Этими пріемами они надѣются создать антропологическую классификацію преступниковъ, которая дастъ въ руки правосудія надежные и легко распознаваемые внѣшніе признаки, отличающіе

отдѣльные типы преступниковъ. Начало разсматриваемому направленію, какъ показало предшествующее изложеніе, положило френологическое ученіе Галля, а позднѣйшее наиболѣе полное и яркое выраженіе оно получило въ ученіяхъ антропологической школы.

На взглядахъ этой школы необходимо сейчасъ нѣсколько остановиться для окончательнаго выясненія вопроса, можно ли, при изученіи преступника, идти означеннымъ выше путемъ разыскиванія въ тѣлѣ преступниковъ извѣстныхъ отличающихъ ихъ особенностей. Разумѣется, я остановлюсь лишь на наиболѣе характерныхъ и существенныхъ ученіяхъ этой школы.

Наиболѣе характерная черта ея, мѣтко схваченная однимъ изъ ея вождей,—Энрико Ферри—заключается въ томъ, что преступникъ, по ученію антропологовъ-криминалистовъ, не есть нормальный человѣкъ, обладающій такими же идеями и чувствами, какъ всякій другой человѣкъ, а вслѣдствіе своихъ органическихъ и психическихъ ненормальностей, наслѣдственныхъ и пріобрѣтенныхъ, составляетъ спеціальный классъ, особую разновидность человѣческаго рода [1]). Существуетъ, учатъ криминалисты - антропологи, особый антропологическій типъ или, вѣрнѣе, нѣсколько антропологическихъ типовъ преступниковъ, которые и должны быть установлены прежде всего наукой. Около 40% преступниковъ составляютъ преступники прирожденные [2]). Прирожденный преступникъ—человѣкъ не нормальный, но не сумасшедшій. Съ перваго изданія своего сочиненія о преступномъ человѣкѣ Ломброзо отчетливо отличаетъ его отъ душевнобольного. Прирожденный преступникъ это—особая разновидность рода человѣческаго.

Первоначально Ломброзо признавалъ одинъ общій типъ прирожденнаго преступника; теперь онъ признаетъ ихъ три: типы убійцы, вора и изнасилователя [3]). О тѣхъ

---

[1]) *Ферри*, Уголовная соціологія, стр. 37.

[2]) *Lombroso*, L'uomo delinquente (5 изд.) I, стр. VI (prefazione); также *его же*, Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ (перев. Раппопорта. 1892). стр. 13 сл. *Ферри*, Уголовная соціологія, стр. 86 сл: 158.

[3]) *Ломброзо*, Новѣйшіе успѣхи, стр. 22 сл. Въ L'uomo delinquente Ломброзо не выставилъ законченной классификаціи преступниковъ. Однако онъ говоритъ о тѣхъ же группахъ преступниковъ, которые указаны въ классификаціи Ферри, (ср. *Ферри*, Угол. соціологія, стр. 162). Но приведеніемъ своихъ взглядовъ въ логически законченныя и стройныя системы Ломброзо обык-

же трехъ типахъ говорятъ и два другихъ вождя антропологической школы—Энрико Ферри [1]) и баронъ Гарофало [2]).

Среди массы разнообразныхъ признаковъ, которыми характеризуется каждый изъ указанныхъ типовъ прирожденныхъ преступниковъ, антропологи-криминалисты придаютъ важное значеніе лицу. Ферри прямо заявляетъ, что это—признакъ рѣшающій.

„Я долженъ, впрочемъ, заявить по этому поводу, говоритъ онъ [3]), что антропологическій преступный типъ состоитъ изъ совокупности органическихъ признаковъ, но что самыми рѣшающими признаками являются черты и выраженіе лица. Аномаліи въ строеніи и въ костяхъ черепа и тѣла служатъ какъ бы дополненіемъ того центральнаго ядра, которымъ является лицо, а въ послѣднемъ, по крайней мѣрѣ, по моему опыту, особенно характерны нѣкоторыя черты, именно глаза и челюсть. По этимъ двумъ чертамъ, особенно въ болѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ, я могу отличить преступника, пролившаго кровь, отъ всякаго другого“. А немного ниже онъ продолжаетъ: „я настаиваю на преимущественномъ значеніи физіономіи при діагностикѣ преступнаго типа, потому что по однимъ аномаліямъ черепа или скелета можно отличить лишь дегенеранта, или вообще ненормальнаго человѣка отъ нормальнаго, но нельзя по однимъ этимъ признакамъ отличить преступника отъ другихъ дегенерантовъ“ [4]).

Ферри и не подозрѣваетъ, что въ послѣднихъ его словахъ заключаются такое признаніе, которое въ корнѣ уничтожаетъ уголовную антропологію.

новенно не занимался; отсюда нѣкоторая хаотичность и разбросанность содержанія его работы. Первый томъ L'Uomo delinquente трактуетъ объ эмбріологіи преступленія, изложеніе которой авторъ начинаетъ съ преступности у растеній и животныхъ (ч. I), о патологіи и антропологіи преступленія, (ч. II) и о прирожденномъ преступникѣ (ч. III). Второй томъ содержитъ въ себѣ отдѣлы: о нравственномъ помѣшательствѣ (ч. IV), о преступникѣ-эпилептикѣ (ч. V), о преступникѣ по страсти (ч. VI), о преступникѣ душевнобольномъ (ч. VII) и случайномъ (ч. VIII). Третій томъ имѣетъ самостоятельное дѣленіе на 3 части: первая часть носитъ названіе этіологіи преступленія, вторая—профилактики и терапіи преступленія, третья—посвящена „синтезу и практическимъ выводамъ“ (Sintesi ed applicazioni penali).

1) Уголовная соціологія, стр. 47, 58, 84 сл., 88 и др.

2) Criminologie, (5 изд. 1905), стр. 73 сл.

3) Уголовная соціологія, стр. 85.

4) Ibidem. Онъ приводитъ нѣсколько случаевъ, когда ему удавалось по внѣшнему виду узнать убійцъ. См. У. с., стр. 58.

Но каковы же характерные признаки лицъ преступниковъ? Вотъ главные изъ признаковъ, указываемые Ломброзо и его послѣдователями.

Убійцы отличаются обыкновенно стекляными, холодными глазами, налитыми кровью, большимъ, часто орлинымъ, загнутымъ внизъ носомъ, развитыми клыками, челюстями и скулами.

Про воровъ Ломброзо говоритъ, что у нихъ наблюдается особенная подвижность лица и рукъ, блуждающіе маленькіе глаза, сдвинутыя брови, рѣдкая борода, ушная раковина, оттопыренная, поставленная угломъ. кривые, впалые, иногда курносые носы. Преступники противъ половой нравственности, изнасилователи отличаются блестящими глазами, изнѣженными чертами лица, большими челюстями, вздутыми губами, женственными тѣлодвиженіями, разбитымъ или сиплымъ голосомъ [1]).

Было бы утомительно и трудно, да для нашей цѣли и излишне, перечислять признаки, которыми Ломброзо характеризуетъ прирожденнаго преступника. Онъ приписываетъ ему массу анатомическихъ, физіологическихъ и психическихъ особенностей. Я упомяну лишь о нѣкоторыхъ. Среди анатомическихъ особенностей прирожденнаго преступника Ломброзо и его сторонники отмѣчаютъ, прежде всего, разныя особенности черепа. Такъ, по свидѣтельству Ломброзо [2]), что касается вмѣстимости черепа, то размѣры черепа ниже нормальныхъ встрѣчаются у преступниковъ чаще, чѣмъ у непреступныхъ людей. Особенно часто встрѣчаются малые черепа у воровъ; у нихъ встрѣчаются даже такіе малые черепа, которые не встрѣчаются и у душевнобольныхъ. Размѣры черепа, превышающіе средніе, встрѣчаются у преступниковъ рѣдко, сравнительно чаще у убійцъ; наибольшая вмѣстимость черепа наблюдалась у нѣкоторыхъ совершителей подлога въ Италіи. По величинѣ окружности черепа, въ низшихъ величинахъ прирожденные преступники почти не отличаются отъ нормальныхъ людей, но уступаютъ имъ въ измѣреніяхъ

---

[1]) *Lombroso*, L'Uomo delinquente (5 изд.) I, 275 сл.

[2]) L' Uomo delinquente I, 138 сл. Ср. *Kurella*, Naturgeschichte des Verbrechers. 1893. Стр. 34 сл.

481—500. Въ величинахъ 501 — 510 преступники преобладаютъ надъ непреступными людьми; въ величинахъ 511 — 530 воры уступаютъ непреступнымъ людямъ, а убійцы превосходятъ послѣднихъ; въ величинахъ 531—540 воры даютъ такой же %, какъ непреступные люди, а убійцы—меньшій. Высшіе размѣры встрѣчаются у убійцъ чаще или столь же часто, какъ и у непреступныхъ людей [1]).

Прирожденные преступники отличаются, по ученію антропологовъ, относительно бо́льшими размѣрами лицевого скелета, въ чемъ усматривается одно изъ доказательствъ сравнительно низшаго органическаго строенія.

Извѣстно, говоритъ Ферри [2]), что отъ млекопитающихся до человѣка, а въ человѣчествѣ отъ низшихъ расъ до высшихъ наблюдается соотносительность въ развитіи черепа и лица, при чемъ лицевая часть (отъ бровей до подбородка) уменьшается при возрастаніи емкости черепа [2]). „Достаточно, напр., взглянуть на голову лошади и на голову человѣка, для того, чтобы увидѣть, что лицевая часть у первой занимаетъ двѣ трети и оставляетъ лишь одну треть для полости черепа, а у человѣка отъ бровей до самой верхней части головы мы наблюдаемъ почти такое же разстояніе, какъ отъ бровей до подбородка“. „У дикарей же наблюдается,—если оставить въ сторонѣ неизбѣжныя исключенія,—что развитіе лицевой части огромно по сравненію съ развитіемъ черепа; это наблюдается также у идіотовъ-микроцефаловъ, представляющихъ безспорно атавистическое возвращеніе къ низшимъ породамъ (чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно увидать хотя одного изъ нихъ, — я видѣлъ ихъ въ Туринѣ, — и не довольствоваться кабинетными разсужденіями)“. „У цивилизованныхъ расъ вообще, а въ предѣлахъ этихъ расъ у наиболѣе интеллигентныхъ и наиболѣе нравственно развитыхъ индивидовъ лицевая часть становится значительно меньше по сравненію съ черепомъ и, кромѣ того, уменьшается размѣръ“.

Какъ на черты прирожденнаго преступника, Ломброзо и его сторонники указываютъ, далѣе, на сравнительно чаще встрѣчающіеся у преступниковъ лобный

---

[1]) Ibidem I, 143.
[2]) Уголовная соціологія, стр. 64.

шовъ, т.-е. раздвоеніе лобной кости, чрезмѣрное развитіе надбровныхъ дугъ, малую зазубренность краевъ черепныхъ костей, присутствіе вставныхъ, такъ наз. ворміевыхъ косточекъ въ швахъ черепа, встрѣчающихся, по словамъ Ломброзо, у 23% преступниковъ [1]), существованіе на затылочной кости ямки, т. наз. червяковой ямки, которую Ломброзо называетъ, „наиболѣе, быть можетъ, характерной и атавистической“ аномаліей преступниковъ [2]).

Далѣе, указывается на частое преждевременное сращеніе черепныхъ костей [3]), на ассиметрію черепа и лица и на массу другихъ особенностей въ строеніи скелета и, въ частности, черепа. Изъ этихъ особенностей я упомяну еще лишь объ одной, которой Ломброзо и его послѣдователи склонны придавать большое значеніе,—о сравнительно будто бы меньшей величинѣ у преступниковъ лобной кости, именно той ея части, которая прикрываетъ лобную долю мозга.

Не мало особенностей антропологи - криминалисты находятъ и въ мозгу преступниковъ. Что касается вѣса мозга, то самъ Ломброзо и его ученики не производили изслѣдованій о вѣсѣ мозга преступниковъ. Единственное изслѣдованіе о вѣсѣ мозга преступниковъ принадлежитъ мюнхенскому анатому Бишофу (Bischoff), который сравнивалъ вѣсъ мозга 137 преступниковъ и 422 непреступныхъ людей. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, слѣдующіе: большинство преступниковъ имѣютъ мозгъ средняго вѣса такъ же, какъ и непреступники. Очень легкій мозгъ рѣдокъ и у тѣхъ, и у другихъ; очень тяжелый—такъ же рѣдокъ, но чаще встрѣчается у преступниковъ. Для теоріи [4]) Ломброзо такіе выводы, очевидно, не давали ничего. Ломброзо даже призналъ этотъ выводъ неблагопріятнымъ для себя и старался ослабить его значеніе указаніемъ, что преступники обыкновенно превышаютъ обыкновенныхъ людей ростомъ и что среди нихъ часто встрѣчается способъ самоубійства, содѣйст-

[1]) *Ломброзо*, Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ, стр. 42. L'Uomo delinquente, I, 159 сл.

[2]) Новѣйшіе успѣхи etc. стр. 41.

[3]) Новѣйшіе успѣхи, стр. 42.

[4]) См. *Д. Н. Зерновъ*, Критическій очеркъ анатомическихъ основаній криминальной теоріи Ломброзо.

вующій увеличенію вѣса мозга въ моментъ смерти— именно повѣшеніе.

Другой ученый—Фалло—также не нашелъ особенностей въ вѣсѣ мозга преступниковъ [1]). Въ числѣ особенностей мозга преступниковъ указываются далѣе: большое количество соединеній, т. наз. анастомозовъ мозговыхъ бороздъ, расщепленіе одной изъ бороздъ, такъ наз. роландовой борозды, отсутствіе этой борозды, атипія мозговыхъ бороздъ, т.-е. уклоненіе ихъ отъ типичныхъ формъ, увеличенный мозжечокъ и нѣк. др. признаки [2]). Но дальнѣйшія наблюденія показали, что всѣ эти признаки столь же часто встрѣчаются и у людей непреступныхъ, да и значеніе ихъ представляется весьма неяснымъ [3]). Самъ Ломброзо признаетъ, что послѣ основательнаго изслѣдованія итальянскаго ученаго Джіакомини различныя аномаліи мозговыхъ бороздъ утратили въ его глазахъ существенное значеніе.

Въ сферѣ физіологической Ломброзо отмѣчаетъ, прежде всего, притупленную воспріимчивость къ боли и вообще пониженную у преступниковъ чувствительность. Недостаточная чувствительность и бо́льшая острота зрѣнія сближаютъ преступниковъ съ дикарями. Онъ приводитъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ нечувствительности преступниковъ къ боли. Одинъ воръ перенесъ ампутацію ноги, не испустивъ никакого стона, и тотчасъ послѣ операціи сталъ играть съ отрѣзанной частью ноги. Одинъ убійца, выписанный за истеченіемъ срока наказанія изъ каторжной тюрьмы, просилъ директора оставить его еще на нѣкоторое время; когда его просьбу отклонили, онъ разорвалъ себѣ рукояткой большой ложки животъ, затѣмъ спокойно поднялся по лѣстницѣ, забрался на свою постель и, не издавъ стона, умеръ. Убійца Descourbes, желавшій избѣжать Кайенны, нарочно изранилъ себѣ ноги; излеченный отъ этихъ ранъ, онъ пропустилъ посредствомъ иглы черезъ колѣнную чашку волосъ и умеръ отъ этого [4]). Такими примѣрами старается Ломброзо доказать нечувствительность или малую чув-

---

[1]) *Лоранъ*, Тюремный міръ, русск. пер., стр. 225.
[2]) *Ломброзо*. L'Uomo delinquente, I, 191 сл. 205. Новѣйшіе успѣхи. стр. 40.
[3]) *Зерновъ*, ibid., стр. 30 сл.
[4]) Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ, стр. 63 сл. Ср. L'Uomo delinquente I, 389 сл.; II, 7.

ствительность преступниковъ къ боли. Онъ повѣрялъ эту притупленность чувствительности электрическимъ алгометромъ и убѣдился въ ея дѣйствительномъ существованіи. Этою аналгезіей, полагаетъ онъ, объясняются мучительные способы самоубійства, практикуемые въ тюрьмахъ (ibid). Ею Ломброзо и Ферри [1]), Угол. соціологія, стр. 48 объясняютъ, что преступники легко переносятъ раны и сравнительно долговѣчны. Ею же они объясняютъ и недоразвитіе у преступниковъ чувства состраданія. „Видя страданія другого, говоритъ Ломброзо, мы при помощи нашей памяти испытываемъ тѣ же ощущенія; въ насъ отражаются, такъ сказать, эти страданія". „Отсюда рождается состраданіе, которое мы считаемъ добродѣтелью". „Чѣмъ мы чувствительнѣе, тѣмъ болѣе склонны мы къ состраданію". „При врожденномъ пониженіи чувства боли и непріятныхъ ощущеній, склонности къ состраданію почти не замѣчается". Антропологи-криминалисты приводятъ массу примѣровъ этой черствости, огрубѣлости и жестокости преступниковъ. Вотъ нѣсколько случаевъ, сообщаемыхъ Havelock Ellis'омъ въ его книгѣ о преступникѣ. Въ Буэносъ-Айресѣ нѣкто убилъ своего отца съ цѣлью грабежа, но, не находя у него денегъ, клалъ на огонь ноги своей матери, съ цѣлью вымучить у нея признаніе, гдѣ деньги. Другой убилъ цѣлое семейство, забавлялся тѣлами убитыхъ дѣтей, подбрасывая и подхватывая ихъ поочередно. Третій, о которомъ сообщаетъ Ломброзо, при видѣ портрета убитой имъ жены удостовѣрилъ точность снимка, не моргнувъ глазомъ, и спокойно прибавилъ, что, нанеся ей ударъ, онъ извинился, но прощенія не получилъ. Одна нянька отравила двухъ дѣтей фосфорными спичками только для того, чтобы имѣть случай сбѣгать къ доктору и въ аптеку [2]).

Съ нравственной черствостью и нечувствительностью у прирожденныхъ преступниковъ соединяются непредусмотрительность, въ силу которой они недоступны вліянію угрозы уголовнаго закона, отсутствіе нравственнаго чувства, раскаянія и угрызеній совѣсти, а также сильно развитое тщеславіе, превосходящее даже тщеславіе арти-

---

[1]) Новѣйшіе успѣхи etc., стр. 66.

[2]) Havelock Ellis, Преступникъ, русск. пер., стр. 101; также Ломброзо, L'Uomo delinquente, I, 457 сл.

стовъ и литераторовъ, мстительность и особая гордость. Страсти прирожденныхъ преступниковъ—страсть половая, страсть къ игрѣ, къ лакомой ѣдѣ и т. д.—отличаются необузданностью, непостоянствомъ и насильственностью [1]). Даже чувства и влеченія благородныя у многихъ изъ нихъ принимаютъ болѣзненный характеръ и отличаются неустойчивостью. Кромѣ того, прирожденнымъ преступникамъ присуща наклонность татуироваться. По изслѣдованіямъ Severi, Lucchiani и Boselli, произведеннымъ надъ 4000 преступниками, число татуированныхъ среди преступниковъ въ 8 разъ больше, чѣмъ среди душевнобольныхъ той же страны. Особенно распространена татуировка среди несовершеннолѣтнихъ и военныхъ преступниковъ. „Кромѣ большой распространенности, говоритъ Ломброзо, поражаетъ и самый характеръ содержанія татуировокъ: безстыдство, хвастовство преступленіемъ и странный контрастъ дурныхъ страстей, наряду съ нѣжными чувствами“ [2]).

Прирожденный преступникъ представляется Ломброзо совершенно особеннымъ человѣкомъ; во всѣхъ частяхъ его тѣла и во всѣхъ сторонахъ его личности онъ находитъ извѣстныя отличительныя черты. Онъ доходитъ даже до того, что утверждаетъ, что выдѣленія организма прирожденнаго преступника иныя, чѣмъ у случайнаго преступника или у непреступнаго человѣка; первый выдѣляетъ меньше мочевины и больше фосфатовъ [3]). У прирожденнаго преступника преобладаетъ правое полушаріе мозга надъ лѣвымъ, а у непреступныхъ людей — наоборотъ [4]). Вообще у прирожденныхъ преступниковъ наблюдается нерѣдко преобладаніе моторныхъ процессовъ въ лѣвой половинѣ тѣла (манчинизмъ). Даже

---

[1]) См. L'Uomo delinquente, I, 445 сл.

[2]) Новѣйшіе успѣхи, стр. 71. Вотъ нѣкоторые изъ приводимыхъ имъ примѣровъ татуировки: нѣкто С., осужденный, по крайней мѣрѣ, 50 разъ за буйство, драки, нанесеніе ранъ и ударовъ людямъ и лошадямъ, написалъ на своемъ тѣлѣ исторію всѣхъ своихъ преступленій; у одной закоренѣлой преступницы по имени Rosny—все тѣло было покрыто эротическими изображеніями; здѣсь можно было прочесть имена всѣхъ ея возлюбленныхъ съ обозначеніемъ чиселъ, когда она ихъ покинула. Одинъ дезертиръ имѣлъ на груди изображеніе св. Георгія и ордена почетнаго легіона, а на правой рукѣ изображеніе нагой пьющей изъ бокала женщины съ надписью: „смочимъ немного внутренности“. (Ibid). О татуировкѣ преступниковъ см. также въ L'Uomo delinquente II, 9; 109.

[3]) Новѣйшіе успѣхи etc., стр. 66.

[4]) L'Uomo delinquente, I, 425 сл.

въ походкѣ прирожденнаго преступника онъ усматриваетъ характерную особенность: лѣвый шагъ у нихъ длиннѣе праваго и, кромѣ того, лѣвая ступня образуетъ съ осевой линіей большій уголъ, чѣмъ правая; тѣ же особенности встрѣчаются и у эпилептиковъ[1]). Среди прирожденныхъ преступниковъ часто встрѣчаются лѣвши. Словомъ, нѣтъ такого уголка организма, въ которомъ у прирожденнаго преступника не было бы какихъ-либо особенностей. Измѣряя преступниковъ буквально съ головы до пятокъ, Ломброзо рѣшительно вездѣ находитъ у нихъ тѣ или иныя отклоненія отъ нормальныхъ людей.

Несомнѣнно, что взглядъ на преступника, какъ на особенное существо, связывался у Ломброзо и со взглядомъ на преступленіе, какъ на какое-то особенное біологическое явленіе, отличное отъ всѣхъ другихъ явленій природы. Только держась такого взгляда на преступленіе и упуская изъ виду, что оно есть, такъ сказать, насквозь соціальное явленіе, мыслимое лишь въ общежитіи, Ломброзо могъ говорить о преступленіяхъ въ мірѣ растеній и животныхъ. А именно главой о преступленіяхъ у низшихъ организмовъ, у растеній и животныхъ и начинается его изслѣдованіе о преступномъ человѣкѣ. Въ этой главѣ онъ говоритъ о насѣкомоядныхъ растеніяхъ (dionea muscipula и др.) и различныхъ видахъ убійства, наблюдаемыхъ у животныхъ. Такимъ образомъ, прирожденный преступникъ не представляетъ типа, встрѣчающагося только у людей; это—міровое явленіе, извѣстное и животнымъ, и растеніямъ.

Первоначальный единый типъ прирожденнаго преступника Ломброзо впослѣдствіи разбилъ на три типа—убійцы, вора и изнасилователя,—и далъ три объясненія прирожденной преступности. Эти объясненія даны имъ не какъ альтернативныя, а какъ одно другое дополняющія. Согласно первому объясненію, прирожденная преступность есть проявленіе атавизма, т.-е. воскресенія въ преступникѣ чертъ отдаленнѣйшихъ нашихъ предковъ-дикарей, для которыхъ дѣянія, считающіяся въ настоящее время тяжкими преступленіями, были широко распространенными образами дѣйствій. Прирожденный

---

[1]) Новѣйшіе успѣхи, стр. 69—70.

преступникъ, своего рода дикарь въ современномъ обществѣ; и во внѣшнемъ видѣ и строеніи тѣла дикаря и преступника Ломброзо находитъ не мало общихъ чертъ (выпуклыя скулы, большія челюсти, торчащія уши, ямка на затылочной кости и т. п.). Прирожденный преступникъ кажется ему похожимъ на типъ монгола или лапландца[1]). Другое объясненіе прирожденной преступности у Ломброзо и его послѣдователей слѣдующее: прирожденный преступникъ—нравственно помѣшанный. Его не надо смѣшивать съ сумасшедшими въ тѣсномъ смыслѣ слова, но въ немъ есть и извѣстныя патологическія черты, именно: прирожденный преступникъ есть существо, страдающее нравственнымъ помѣшательствомъ, нравственно помѣшанный—pazzo morale, т. е. существо, лишенное нравственнаго чувства, чувства добра и зла, слѣпое въ нравственномъ отношеніи. Черты нравственнаго помѣшательства и прирожденной преступности, утверждаетъ Ломброзо, гораздо болѣе распространены у дѣтей, чѣмъ у взрослыхъ, такъ какъ затѣмъ у нѣкоторыхъ онѣ стушевываются подъ вліяніемъ воспитанія[2]). Вскорѣ Ломброзо надѣлилъ прирожденнаго преступника и еще одной чертой, въ которой онъ усматриваетъ корень наклонности къ преступленію, — эпилепсіей; прирожденная преступность и нравственное помѣшательство, говоритъ онъ, не что иное, какъ спеціальныя формы проявленія эпилепсіи (...la delinquenza nata e la pazzia morale non sono che forme speciali, che varianti dell'epilessia)[3]). Это дополненіе первоначальнаго взгляда совпадаетъ по времени съ однимъ надѣлавшимъ въ Италіи шума процессомъ о солдатѣ Misdea, который во время ссоры съ товарищами, въ первый день Пасхи 1884 г., когда никто не ожидалъ нападенія, вдругъ схватилъ ружье и сдѣлалъ въ товарищей 52 выстрѣла, которыми 7 убилъ, а 13 человѣкъ ранилъ. Ломброзо и Бьянки были экспертами защиты въ

---

[1]) L'Uomo delinquente I, 183 сл.; II, 62 сл.; III, 503 сл. Взглядъ Ломброзо на преступника, какъ на существо атавистическое, нашелъ себѣ сторонниковъ и за предѣлами уголовной литературы. См., напр., *А. Фулье*, La science sociale contemporaine, p. 287.

[2]) L'Uomo delinquente. II, 1. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ своего сочиненія о преступномъ человѣкѣ Ломброзо былъ противникомъ отождествленія понятій прирожденнаго преступника и нравственно помѣшаннаго. Но, начиная съ 3-го изданія, онъ высказался въ пользу такого отождествленія.

[3]) L'Uomo delinquente, II, 189, объ эпилепсіи см. ibid. II, 70 сл.

процессѣ Misdea и потомъ выпустили книгу: Misdea e la nuova scuola penale. Этотъ процессъ и далъ толчокъ къ новому объясненію прирожденой преступности[1]).

Данное Ломброзо объясненіе прирожденной преступности принимаетъ и Ферри, который замѣчаетъ, между прочимъ, что отождествленіе атавизма и нравственнаго помѣшательства, по почину Ломброзо, принято большинствомъ итальянскихъ психіатровъ[2]). Онъ соглашается и съ тѣмъ, что въ основѣ прирожденной преступности лежитъ эпилепсія, но добавляетъ, что такое объясненіе онъ считаетъ еще недостаточнымъ. Самъ Ферри полагаетъ, что біологическій факторъ преступленія представляетъ собою особый „преступный неврозъ", который можно было бы, вмѣстѣ съ Virgilio, назвать еще формой „психической тератологіи". Къ этому преступному неврозу и присоединяются у того или иного преступника, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, черты атавизма, остановки въ развитіи, неврастеніи или дегенераціи[3]). „Этотъ неврозъ и является самъ по себѣ тѣмъ специфическимъ факторомъ, въ силу котораго извѣстный индивидъ, обладающій данными біологическими чертами и находящійся въ опредѣленной физической и соціальной средѣ, совершаетъ данное преступленіе".

„Если бы я попытался пойти дальше въ объясненіи генезиса преступности, — продолжаетъ Ферри, — я могъ бы лишь повторить то, что уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, а именно, что физіопсихическая аномалія, поражая всю нервную систему и весь организмъ индивида, можетъ въ то же время задѣть по преимуществу интеллектъ, или чувство, или волю, и, въ зависимости отъ этого, въ первомъ случаѣ получится душевная болѣзнь, во второмъ — преступность, въ третьемъ — самоубійство, такъ какъ помѣшательство есть помраченіе интеллекта, преступность есть потеря или недоразвитіе нравственнаго или соціальнаго чувства, самоубійство есть банкротство воли въ ея борьбѣ за существованіе".

„Какъ бы то ни было, — добавляетъ онъ, — я желаю лишь указать, что преступленіе, какова бы ни была его форма и къ какой бы категоріи оно ни относилось,

---

[1]) Дѣло Misdea изложено въ L'Uomo delinquente, II, 138 сл.
[2]) Уголовная соціологія, стр. 103.
[3]) Ibidem, стр. 104, сл.; 110.

имѣетъ сложное происхожденіе и причину, какъ біологическую (въ вышеуказанномъ специфическомъ смыслѣ), такъ физическую и соціальную". „Въ самомъ дѣлѣ, біологическій факторъ, обусловливающій преступленіе, можетъ заключаться лишь въ томъ спеціальномъ и характерномъ состояніи, которое, за неимѣніемъ болѣе точнаго термина, приходится называть преступнымъ неврозомъ; однако ни одно преступленіе, какъ бы незначительно оно ни было, не можетъ быть вполнѣ объяснено, если его не разсматривать какъ результирующую не только біологическаго фактора, но и факторовъ физическихъ и соціальныхъ" [1]).

Третій вождь антропологической школы—баронъ Гарофало — также признаетъ существованіе трехъ типовъ прирожденнаго преступника: убійцы, вора и изнасилователя [2]). Но онъ признаетъ, что черты преступнаго типа далеко не всѣ раскрыты, и уголовной антропологіи еще много остается сдѣлать въ этомъ отношеніи [3]). Онъ приводитъ бѣгло нѣкоторыя изъ тѣхъ анатомическихъ, физіологическихъ и другихъ особенностей прирожденнаго преступника, которыя указываютъ Ломброзо, Ферри и др. сторонники антропологической школы [4]); между прочимъ, и онъ указываетъ на важное значеніе, въ качествѣ критерія, выраженія лица, и говоритъ, что ему не разъ удавалось узнавать убійцъ и воровъ уже по ихъ внѣшнему виду [5]). Однако Гарофало признаетъ, что не установлено еще такого постояннаго признака, по которому можно было бы отличать прирожденнаго преступника отъ честныхъ людей, и въ этомъ смыслѣ не установлено еще антропологическаго типа преступника; установлено, говоритъ онъ, лишь то, что у различныхъ классовъ преступниковъ неодинаково часто встрѣчаются извѣстныя черты [6]). Гарофало, въ отличіи отъ Ферри, характезируетъ состояніе преступника не какъ какой-либо особый неврозъ, а какъ болѣе или менѣе глубокую нравственную аномалію, какъ большее или меньшее пораженіе нрав-

---

1) Угол. соціол., стр. 110—111.
2) Criminologie (5 изд.), стр. 75.
3) Ibid., стр. 81.
4) Ibid., стр. 70.
5) У. с. стр. 75, 73.
6) У. с. стр. 72, 73.

ственнаго чувства. У преступниковъ прирожденныхъ или инстинктивныхъ это пораженіе глубже, у случайныхъ—меньше. Но Гарофало возражаетъ противъ отожествленія понятій прирожденной преступности и нравственнаго помѣшательства. Понятіе помѣшательства указываетъ на болѣзненное разстройство мышленія; поэтому терминъ „нравственное помѣшательство", при которомъ, въ сущности, не признается помѣшательства, неудаченъ и долженъ быть изгнанъ изъ науки. Несогласны другъ съ другомъ, полагаетъ онъ [1]), теорія атавизма и признаніе прирожденнаго преступника эпилептикомъ. Прирожденный преступникъ вовсе не больной и не помѣшанный [2]). Такова въ основныхъ чертахъ идея прирожденнаго преступника у главныхъ представителей новой школы.

Прирожденный преступникъ занимаетъ центральное мѣсто среди тѣхъ группъ преступниковъ, которыя различаются антропологами-криминалистами. Послѣднимъ, несомнѣнно, присуще даже стремленіе видѣть въ другихъ группахъ преступниковъ лишь какъ бы особыя разновидности прирожденнаго преступника, въ которыхъ черты прирожденнаго преступника проявляются слабѣе, въ меньшемъ числѣ или даже незамѣтны для глазъ, а находятся, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи. Такое тяготѣніе къ тому, чтобы всѣхъ преступниковъ подвести подъ типъ преступника прирожденнаго, не согласуется съ формальными заявленіями антропологической школы, но легко обнаруживается анализомъ выставляемыхъ представителями этой школы классификацій преступниковъ.

Изъ представителей антропологической школы особенно много занимался вопросомъ о классификаціи преступниковъ Энрико Ферри. Тѣ же группы, какъ Ферри, различаетъ въ послѣднемъ изданіи L'Uomo delinquente и Ломброзо [3]).

---

[1]) У. с. стр. 113. Противъ отождествленія прирожденной преступности съ нравственнымъ помѣшательствомъ и эпилепсіей Гарафало высказался недавно и въ статьѣ, посвященной памяти Ломброзо, въ № Nuova Antologia отъ 16 ноября 1909 года (Lombroso e l'anthropologia criminale).

[2]) У. с. стр. 104.

[3]) Гарофало выставляетъ особую классификацію. Настоящіе преступники, носители антропологическаго типа, дѣянія которыхъ заключаютъ въ себѣ не одно неподчиненіе закону (онъ называетъ ихъ: les simples révoltés), дѣлятся у него на 4 группы: 1) assassins-убійцы съ наиболѣе рѣзко выра-

Ферри еще въ 1880 году выставилъ пятичленную классификацію. Онъ разбиваетъ преступниковъ на 5 группъ: 1) преступники душевнобольные, 2) прирожденные, 3) привычные, 4) случайные и 5) преступники по страсти. [1]). Просматривая характеристики, которыя даетъ Ферри каждой изъ этихъ группъ, съ перваго взгляда можно подумать, будто онѣ отдѣляются другъ отъ друга достаточно глубокими и отчетливыми границами. Но, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ эти характеристики, тѣмъ болѣе расплывчатыми и неопредѣленными представляются отдѣляющіе ихъ признаки. Вся классификація, какъ около своей оси, вращается около идеи прирожденнаго преступника, отъ котораго всѣ другія группы очень неясно отграничены. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ первую группу—преступниковъ помѣшанныхъ. Не говоря уже о томъ, что, въ виду невмѣняемости душевнобольныхъ, этой группы совсѣмъ не должно бы быть въ классификаціи преступниковъ, помѣшанные преступники перепутываются у Ферри съ прирожденными. Такъ, онъ заявляетъ, что нравственно-помѣшанные преступники (они же и прирожденные) составляютъ разновидность преступниковъ помѣшанныхъ. [2]) А затѣмъ, нѣсколько ниже мы читаемъ: „кромѣ настоящихъ помѣшанныхъ, которые, какъ я указалъ впервые и какъ другіе подтвердили въ послѣдствіи, *являются просто крайнимъ выраженіемъ типа прирожденнаго преступника,* въ эту категорію должны быть также включены и тѣ преступники, которые, не будучи ни вполнѣ здоровыми, ни вполнѣ больными, принадлежатъ къ разряду, названному Maudsley „промежуточной зоной“; Ломброзо обозначилъ ихъ именемъ маттоидовъ, именемъ, которое уже получило право гражданства въ общеупотребительной терминологіи, такъ какъ оно, если и не въ тех-

---

женной нравственной аномаліей преступника, совершенно лишенные альтруистическихъ чувствъ благожелательности и состраданія. 2) violents—насильственники, къ которымъ принадлежатъ виновники эндемическихъ преступленій противъ личности, затѣмъ—совершившіе посягательство противъ личности по страсти; 3) improbes—посягнувшіе на чужое имущество, съ недоразвитымъ или ослабленнымъ чувствомъ честности; 4) cyniques—тѣ преступники противъ половой нравственности, которые не принадлежатъ къ двумъ первымъ группамъ и дѣяніе которыхъ вызвано одною похотью. Criminologie, стр. 120—143.

[1]) Уголовная соціологія, стр. 136 сл.

[2]) Уголовная соціологія, стр. 137.

нической, то въ популярной формѣ выражаетъ неоспоримый фактъ“ [1]). Къ этимъ полупомѣшаннымъ онъ относитъ разныхъ субъектовъ, которые совершаютъ преступленія, и иногда очень тяжкія и жестокимъ образомъ, безъ мотивовъ или по мотивамъ явно недостаточнымъ, просто въ силу животной разнузданности, изъ человѣконенавистничества, по сумасбродству. Иногда ихъ преступленіе носитъ политическую окраску. Иногда эти лица пишутъ массу работъ; у нихъ положительно развивается какая-то манія писательства, и въ сочиненіяхъ своихъ, несмотря на крайне элементарное образованіе, они трактуютъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ.

Слѣдующую за прирожденными преступниками группу составляютъ привычные преступники. Про нихъ Ферри говоритъ [2]), что у этихъ преступниковъ антропологическіе признаки прирожденныхъ преступниковъ не выражены или выражены въ менѣе рѣзкой формѣ, т.-е., значитъ, опять-таки между прирожденными и привычными преступниками разница лишь количественная. Характерными признаками привычныхъ преступниковъ Ферри считаетъ раннюю преступность и рецидивъ. Привычные преступники это—люди нравственно слабые, которые, совершивъ въ раннемъ возрастѣ преступленіе, обыкновенно имущественное, затѣмъ уже остаются на преступной дорогѣ [3]). Но тѣ же признаки—ранняя преступность и рецидивъ—присущи, по словамъ автора, и преступникамъ прирожденнымъ [4]). Правда, ниже Ферри указываетъ [5]), что прирожденный преступникъ неисправимъ и рецидивъ у него неизбѣженъ; рецидивъ же привычнаго преступника можно предупредить посредствомъ улучшенія условій жизни въ тюрьмѣ и на волѣ. Но никакого разграничительнаго признака, отдѣляющаго прирожденныхъ и привычныхъ преступниковъ, въ характеристикахъ, даваемыхъ Ферри, уловить нельзя.

Посмотримъ теперь на случайныхъ преступниковъ. Случайныхъ преступниковъ Ферри характеризуетъ, какъ людей, которые совершаютъ преступленіе подъ вліяніемъ

---

[1]) Ibidem, стр. 138—139.
[2]) Ibidem, стр. 142.
[3]) Уголовная соціологія, стр. 142—143.
[4]) Ibidem, стр. 144.
[5]) Ibidem, стр. 145.

соблазновъ, обусловливаемыхъ либо ихъ личнымъ положеніемъ, либо физической или соціальной средой, ихъ окружающей, и которые не повторяютъ преступленія, если устранены эти соблазны [1]). Однако и у нихъ преступленіе обусловливается извѣстными антропологическими причинами. „Несомнѣнно, говоритъ Ферри, что и у случайныхъ преступниковъ преступленіе опредѣляется отчасти антропологическими причинами, такъ какъ однихъ внѣшнихъ стимуловъ было бы недостаточно, если бы имъ не содѣйствовало нѣкоторое внутреннее предрасположеніе". „Это, несомнѣнно, вѣрно; такъ, напр., во время голода или очень суровой зимы далеко не всѣ занимаются воровствомъ; но одни предпочитаютъ бѣдствовать, оставаясь честными, другіе, самое большее, пойдутъ просить милостыню; и даже среди тѣхъ, кто рѣшается на преступленіе, одни ограничиваются простымъ воровствомъ, а другіе доходятъ до кражи съ насиліемъ и съ оружіемъ". „Но, хотя въ природѣ и не встрѣчается абсолютно различныхъ явленій, однако между случайнымъ и прирожденнымъ преступникомъ все-таки есть то основное различіе, что для послѣдняго внѣшнія причины являются стимуломъ второстепеннымъ по сравненію съ внутренней склонностью къ преступному поведенію, заставляющей его искать случая совершить преступленіе и совершать послѣднее; между тѣмъ у первыхъ наблюдается скорѣе слабая сопротивляемость внѣшнимъ стимуламъ, которые вслѣдствіе этого пріобрѣтаютъ значеніе главной опредѣляющей силы [2])". Изъ двухъ характерныхъ свойствъ преступника — непредусмотрительности и нравственной нечувствительности—случайные преступники дѣйствуютъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ первой, а прирожденные и привычные главнымъ образомъ подъ вліяніемъ послѣдней [3]). Но нельзя сказать, чтобы всѣми этими замѣчаніями устанавливались точныя границы группы случайныхъ преступниковъ; и самъ авторъ вынужденъ признать, что разница между прирожденнымъ и случайнымъ преступникомъ—лишь въ степени [4]).

---

[1]) Ibidem, стр. 151.
[2]) У. с., стр. 152.
[3]) У. с., стр. 153.
[4]) Ibidem.

Слѣдуя Ломброзо [1]), Ферри дѣлитъ случайныхъ преступниковъ на 2 разряда: на *псевдо-преступниковъ*, т.-е. нормальныхъ людей, совершающихъ неумышленные проступки, виновниковъ чисто политическихъ преступленій или преступленій, не требующихъ для своего совершенія никакой испорченности, и на другую группу — *криминалоидовъ*, совершающихъ обыкновенныя преступленія. Не говоря уже о нѣкоторомъ противорѣчіи (что псевдо-преступники — вполнѣ нормальные люди, т.-е. люди безъ антропологическихъ клеймъ), нельзя признать это различіе удачнымъ, такъ какъ одинъ характеръ совершеннаго деликта, по собственному признанію автора [2]), не можетъ опредѣлить принадлежность преступника къ той или иной антропологической группѣ. Самое выраженіе „псевдо-преступники", несомнѣнно, весьма неудачно и, если понимать его въ смыслѣ отсутствія у данныхъ лицъ особыхъ антропологическихъ чертъ, противорѣчитъ общему положенію итальянской школы, будто эти черты присущи всякому преступнику и образуютъ во всякомъ преступленіи существующій біологическій факторъ. Итакъ, и группа случайныхъ преступниковъ представляется расплывчатой и неясно отграниченной отъ остальныхъ группъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о преступникахъ по страсти. Ферри характеризуетъ ихъ какъ людей, „неспособныхъ противиться своимъ страстямъ". Хотя онъ и заявляетъ, что этихъ преступниковъ, *являющихся особенно рѣзко выраженной разновидностью случайныхъ преступниковъ* [3]), легко отличить по ихъ особенностямъ отъ остальныхъ преступниковъ, однако въ даваемой имъ характеристикѣ никакихъ разграничительныхъ признаковъ не содержится. Онъ самъ заявляетъ, что они составляютъ разновидность случайныхъ преступниковъ. А нѣсколько ниже говоритъ, что преступникъ по страсти приближается, по своему истерическому, эпилептоидному или маттоидному характеру, къ преступнику помѣшанному, и иногда сходство бываетъ такъ велико, что ихъ бываетъ трудно отличить одного отъ другого [4]).

---

[1]) L'Uomo delinquente II, 491, сл.
[2]) Угол. соціологія, стр. 148.
[3]) У. с., стр. 149.
[4]) У. с., стр. 155.

Соединяя все сказанное о классификаціи Ферри вмѣстѣ, мы можемъ сказать, что отдѣльныя группы у автора не разграничены сколько-нибудь точными признаками. Это онъ, въ концѣ-концовъ, и самъ признаетъ, утверждая, что различіе между 5 группами — *лишь въ степени*, носитъ лишь количественный характеръ, и это, говоритъ онъ, можно сказать въ одинаковой мѣрѣ какъ о психическихъ и физическихъ особенностяхъ, такъ и о вліяніи физической и соціальной среды [1]). Но Ферри не видитъ въ этомъ недостатка своей классификаціи. Въ природѣ, говоритъ онъ, нѣтъ абсолютныхъ различій между группами явленій, но наблюдается постепенный переходъ отъ неорганическаго міра къ органическому и, затѣмъ, въ предѣлахъ послѣдняго, отъ однихъ формъ и видовъ къ другимъ. Однако это обстоятельство врядъ ли что говоритъ въ пользу классификаціи автора. Дѣло въ томъ, что степени выраженія извѣстнаго признака могутъ представлять цѣлую цѣпь непрерывныхъ переходовъ, но признаки все-таки могутъ и должны быть указаны точные и ясные. Въ классификаціи же Ферри мы не находимъ этихъ ясныхъ, хотя бы и допускающихъ различныя по силѣ выраженія, признаковъ. Съ другой стороны, классификація преступниковъ создается для цѣлей практическихъ; съ отнесеніемъ преступника къ той или другой группѣ связывается примѣненіе къ нему тѣхъ или иныхъ мѣръ, иногда весьма различныхъ по своей тяжести. Необходимо установить точные и ясные признаки, которыми можно было бы пользоваться на практикѣ.

Обрисовавъ наиболѣе существенные пункты ученія антропологической школы о преступникѣ и пріемы изслѣдованія, ею предлагаемые, перейду теперь къ оцѣнкѣ ихъ.

---

1) У. с., стр. 154, 155. Тѣ же неясности въ разграниченіи отдѣльныхъ группъ, какъ у Ферри, встрѣчаются и у Ломброзо. Такъ, напр., Ломброзо говоритъ, что криминолоиды, составляющіе у него подвидъ случайныхъ преступниковъ, „проявляютъ свойства прирожденныхъ преступниковъ, правда, въ смягченной, но, однако, вполнѣ явственной формѣ". Новѣйшіе успѣхи etc., стр. 77. Въ другомъ мѣстѣ (ibid., стр. 78) онъ говоритъ, что случайность не порождаетъ вора; она лишь пробуждаетъ его, по удачному выраженію Гарофало". Онъ повторяетъ, далѣе, дословно разграниченіе, проводимое Ферри между прирожденнымъ и привычнымъ преступникомъ (ibid., стр. 78).

IV.

Не отрицая талантливости построеній антропологовъ-криминалистовъ и признавая большую заслугу этой школы въ томъ, что она заставила признать научное значеніе за изученіемъ преступника и необходимость его, нельзя, однако, не отмѣтить весьма крупныхъ ея недостатковъ.

Главныя возраженія, которыя ей можно сдѣлать, сводятся къ слѣдующему.

1) Сочиненія антропологовъ пестрятъ цифрами, указывающими, какъ часто тотъ или иной признакъ встрѣчается у преступниковъ. Въ сочиненіяхъ Ломброзо, напр., эта масса цифровыхъ данныхъ положительно подавляетъ остальное содержаніе его книги, все время мелькая передъ читателемъ. Какое же значеніе можно придавать этимъ даннымъ? Не разбирая ихъ детально, я укажу лишь на то, что нѣтъ *ни одного* внѣшняго признака, который встрѣчался бы *только* у преступниковъ и у этихъ послѣднихъ былъ бы сколько-нибудь постояненъ. Это дѣлаетъ, конечно, невозможнымъ признавать какой-либо изъ этихъ признаковъ специфической принадлежностью прирожденнаго преступника.

Далѣе, нѣтъ ни одной комбинаціи признаковъ, про которую сами антропологи могли бы сказать, что она постоянно присуща преступникамъ и только преступникамъ. Про каждый признакъ они говорятъ, что онъ встрѣчается у извѣстнаго % преступниковъ, совершившихъ такія-то преступленія, и не встрѣчается, или встрѣчается рѣже у совершившихъ другія преступленія. Такъ, у убійцъ, по ихъ словамъ, наблюдаются толстыя и короткія руки, а у другихъ преступниковъ длинныя руки [1]), у убійцъ—большія челюсти, а у бродягъ этого не наблюдается [2]), умственное развитіе понижено у преступниковъ противъ личности и повышено у преступниковъ противъ собственности, у воровъ и мошенниковъ [3]) и т. д. и т. д. Хотя теперь антропологи признаютъ три типа прирожденнаго преступника, однако и для каждаго изъ трехъ группъ преступниковъ не найдено постоянныхъ призна-

---

[1]) Ломброзо, Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ, стр. 46.
[2]) Ibid., стр. 45.
[3]) Ibid., стр. 46.

ковъ, которые не измѣнялись бы у отдѣльныхъ ея представителей. Такъ, не всѣ же убійцы имѣютъ, напр., стеклянный взглядъ или большія челюсти, не всѣ воры имѣютъ маленькія головы и т. д. Лишь извѣстный, будто значительный % ихъ отмѣченъ этими признаками. Но разъ существуютъ убійцы, воры и т. д., не имѣющіе данныхъ признаковъ, и разъ существуютъ не-убійцы или не-воры, имѣщіе ихъ, то ясно, что признаки эти перестаютъ быть отличительными признаками данныхъ категорій преступниковъ.

Притомъ, существуетъ очень мало признаковъ, по поводу которыхъ изслѣдователи, сторонники школы, не расходились бы между собою. Такъ, напр., Ломброзо утверждаетъ, что преступники вообще большого роста, а Вильсонъ и Томсонъ утверждаютъ обратное. Ломброзо утверждаетъ, что прирожденный преступникъ менѣе воспріимчивъ къ боли, какъ ему удалось убѣдиться съ помощью алгометра. А тюремный врачъ Лоранъ утверждаетъ обратное, и такихъ разногласій можно насчитать сколько угодно [1]).

2) Далѣе, психологическое значеніе тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, которые указываются антропологами-криминалистами, неизвѣстно; то же значеніе, которое они имъ склонны придавать, произвольно и возвращаетъ насъ къ ошибкамъ старой френологіи [2]). Такъ же, какъ френологи, антропологи-криминалисты грубо понимаютъ идею локализаціи мозговыхъ функцій и придаютъ ей преувеличенное значеніе. Такъ, напр., они взвѣшиваютъ части мозга (полушарія, мозжечекъ и т. д.), стараясь уловить различія, утверждаютъ, что у преступниковъ меньше, чѣмъ у остальныхъ людей, та часть лобной кости, которая при-

---

[1]) Изслѣдователи же, не принадлежащіе къ антропологической школѣ, рѣшительно отвергаютъ большинство признаковъ, приписываемыхъ антропологами преступникамъ. Такъ, напр., проф. Зерновъ (У. с. стр. 12) говоритъ, что въ результатѣ изслѣдованія онъ пришелъ къ выводу, что черепа преступниковъ по большинству своихъ признаковъ не отличаются отъ череповъ людей непреступныхъ.

[2]) Насколько произвольно значеніе, приписываемое Ломброзо и его учениками отдѣльнымъ признакамъ можно видѣть, напр., изъ того, какіе выводы они связывали съ сравнительно будто бы меньшей величиной у преступниковъ лобной кости.

Они утверждаютъ, что эти заключенія произвольны. Проф. Зерновъ съ помощью своего энцефалометра убѣдился, что величина этой кости вовсе не стоитъ въ непремѣнномъ соотвѣтствіи съ величиной лобной доли мозга (У. с. стр. 23—30).

крываетъ лобную долю мозга и отсюда дѣлаютъ выводъ, что и доля эта у преступниковъ меньше, а отсюда, далѣе, уже заключаютъ о пониженности интеллектуальныхъ силъ преступниковъ. Но для психической работы, повидимому, большее значеніе имѣетъ составъ мозга, чѣмъ его вѣсъ и объемъ[1]). Вѣсъ мозга не выражаетъ высоты развитія интеллекта. Во всякомъ случаѣ связывать съ вѣсомъ мозга, мозжечка и т. п. приписываемое ими значеніе совершенно произвольно.

3) Тѣ объясненія, которыя даетъ Ломброзо прирожденной преступности, также не могутъ быть приняты и, притомъ, не согласуются другъ съ другомъ. Такъ, мысль, что прирожденный преступникъ—низшее, атавистическое существо, похожее на дикаря, не выдерживаетъ никакой критики[2]). Приписывая дикарю особую наклонность къ преступленію, Ломброзо имѣетъ совершенно неправильное представленіе о психикѣ дикаря. Дикарь—вовсе не нравственно помѣшанный, и что-нибудь изъ двухъ: или преступникъ — похожъ на дикаря, тогда онъ не нравственно помѣшанный, или онъ нравственно помѣшанный, и тогда между нимъ и дикаремъ—коренное различіе.

Дикарь мстителенъ и кровожаденъ, но его месть есть священный обычай и имѣетъ свои границы; онъ мститъ по извѣстному основанію, потому что обиженъ чужеродцемъ, и мститъ, какъ велитъ ему священый голосъ обычая. Дикарь убиваетъ отца, но не всякаго отца и не по инстинктивной злобѣ и кровожадности, а отца престарѣлаго, который не можетъ уже носить оружія и наслаждаться жизнью, какъ велитъ голосъ религіи, можетъ быть, подсказываемый суровыми жизненными условіями. Да и не одною грубостью и звѣрствами полна жизнь

---

[1]) Самый перечень признаковъ у антрополого-криминалистовъ отличается хаотичностью. „Перечисляя и описывая признаки установленнаго имъ типа, онъ (т.-е. Ломброзо), говоритъ проф. Зерновъ, перемѣшиваетъ и ставитъ рядомъ признаки совершенно различнаго біологическаго значенія, не заботясь осмыслить сколько-нибудь ихъ выборъ и, видимо, стремясь импонировать читателю только численностью ихъ. Тотъ же упрекъ можно дѣлать и большинству его послѣдователей, которые, предпринимая свои изслѣдованія, шли большею частью наугадъ, стараясь отыскать какія бы то ни было анатомическія, физіологическія или патологическія особенности въ организаціи преступниковъ, при чемъ нерѣдко выходили за предѣлы своей компетенціи". (У. с. стр. 8—9).

[2]) Вѣрныя замѣчанія объ атавизмѣ, какъ вѣроятномъ корнѣ преступности, см. у *joly*, Le crime, стр. 5, сл. *Proal*, Le crime et la peine (2 изд., 1899), ch. I; также *Dallemagne*, Théories de la criminalité, стр. 57, сл.

дикарей. Свѣдѣнія о самыхъ отдаленнѣйшихъ эпохахъ уже указываютъ на зачаточныя формы религіозныхъ вѣрованій, на извѣстное различіе между добромъ и зломъ, между тѣмъ, что надо дѣлать и чего дѣлать нельзя, и на строгое подчиненіе этимъ представленіямъ. Извѣстны религіозность дикарей и ихъ преданность своимъ священнымъ обычаямъ. Мстя, дикарь выполняетъ священную обязанность. У дикаря есть извѣстныя моральныя сдержки, но иныя, чѣмъ у насъ, и часто странныя съ нашей точки зрѣнія. Но, именно, этой преданности долгу, добру, какъ онъ его понимаетъ, и нѣтъ у прирожденныхъ преступниковъ, какими ихъ рисуетъ Ломброзо. Ломброзо игнорируетъ громадное различіе въ условіяхъ жизни дикарей и современнаго общества и вытекающее отсюда громадное различіе въ понятіяхъ дозволеннаго и недозволеннаго тогда и теперь.

Другое положеніе теоріи атавизма—будто примитивные люди вообще отличались тѣми внѣшними чертами, которыя Ломброзо приписываетъ прирожденнымъ преступникамъ, это положеніе также не доказано. Такъ, существуютъ весьма компетентныя свидѣтельства, что черепа дикарей не отличаются существенно отъ череповъ современныхъ людей; такое свидѣтельство принадлежитъ, напр., двумъ такимъ крупнымъ авторитетамъ въ антропологіи, какъ Катрфажъ и Брока [1]). Зерновъ, повѣряя указываемыя Ломброзо атавистическія аномаліи, нашелъ, что онѣ очень непостоянны у преступниковъ и не имѣютъ атавистическаго характера [2]). Во всякомъ случаѣ наши современныя антропологическія свѣдѣнія о дикаряхъ не приводятъ къ тому мнѣнію, что указываемыя Ломброзо аномаліи были общимъ правиломъ у дикарей. Да даже если и допустимъ, что удалось бы установить во внѣшней формѣ черепа дикарей всѣ указываемыя Ломброзо для прирожденныхъ преступниковъ особенности, это мало что дало бы теоріи Ломброзо.

Во-первыхъ, нельзя было бы приравнивать на этомъ основаніи преступниковъ дикарямъ, потому что особенности эти встрѣчаются у части преступниковъ и никогда всѣ вмѣстѣ, а порознь или группами, въ разныхъ соче-

---

1) Ср. *Proal*, У с., стр. 23.
2) У. С., стр. 19.

таніяхъ. А какое психологическое значеніе имѣетъ каждая отдѣльная особенность и каждая данная группировка ихъ — мы не знаемъ; всѣ они могутъ значить одно, одна часть ихъ другое, третья группа — совсѣмъ иное и т. д.

Во-вторыхъ, какъ сказано выше, и психологическое значеніе этихъ внѣшнихъ признаковъ неизвѣстно.

Наконецъ, зачѣмъ, спрашивается, прибѣгать къ такому искусственному объясненію, какъ атавизмъ, разъ преступность можетъ быть объяснена гораздо проще условіями жизни и чертами психики современнаго человѣка. „Зачѣмъ предполагать, говоритъ Жоли, какіе-то спеціальные инстинкты, перепрыгнувшіе черезъ дюжины и сотни поколѣній или пробуждающіеся непонятнымъ образомъ послѣ того, какъ они спали въ теченіе вѣковъ [1])?“

Что касается другого корня прирожденной преступности—нравственнаго помѣшательства, то, во-первыхъ, сходство съ дикаремъ (атавизмъ) и нравственное помѣшательство, какъ сказано выше, другъ друга исключаютъ, и, слѣдовательно, между ними приходится выбирать, а во-вторыхъ, анатомическіе и физіологическіе признаки, приписываемые прирожденнымъ преступникамъ, встрѣчаются и у не преступныхъ людей и у случайныхъ преступниковъ, которые нравственнымъ помѣшательствомъ не страдаютъ и по взгляду Ломброзо.

Трудно признать и третій корень прирожденной преступности. Во-первыхъ, среди эпилептиковъ много совершенно не склонныхъ къ преступленію. Во-вторыхъ, у многихъ очень тяжкихъ, закоренѣлыхъ преступниковъ не обнаружено признаковъ эпилепсіи. Но, если они не эпилептики, то эпилептоиды, говоритъ Ломброзо. Но при такихъ условіяхъ все объясненіе преступности эпилепсіей становится въ высшей степени неопредѣленнымъ. Притомъ, эпилептики вовсе не нравственно-помѣшанные. Вотъ что по поводу даннаго взгляда Ломброзо говоритъ тюремный врачъ Лоранъ. „По моему мнѣнію, говоритъ онъ, Ломброзо заходитъ слишкомъ далеко; я думаю, что эпилептики и нравственно-помѣшанные значительно отличаются другъ отъ друга“. „Дѣйствительно, нравствен-

---

[1]) Le crime, стр. 7.

но-помѣшанный—это существо всегда одинаково злое и испорченное: у него нѣтъ моментовъ, когда бы онъ былъ болѣе доступенъ добрымъ и мягкимъ чувствамъ". „Сегодня онъ такой же, какимъ былъ вчера: онъ никогда не мѣняется и всегда остается другомъ зла и врагомъ добра". „У эпилептиковъ, наоборотъ, бываютъ періоды, когда они и добры, и сострадательны, и способны на великодушные поступки, періоды, во время которыхъ они плачутъ, страдаютъ отъ угрызеній совѣсти и проклинаютъ свое печальное прошлое". „Характеръ эпилептиковъ—цѣлое собраніе противорѣчій; циникъ иногда превращается на день въ религіознаго человѣка; вчерашній тиранъ своей жены сегодня лежитъ у ея ногъ". „Вотъ въ этомъ-то, на мой взглядъ, и заключается главное различіе между эпилептиками и нравственно-помѣшанными [1])".

„Преступный неврозъ", о которомъ говоритъ Ферри, также не можетъ быть признанъ удачнымъ объясненіемъ преступности уже по своей неопредѣленности. Что это за неврозъ, единственнымъ симптомомъ котораго является выраженіе лица, такъ какъ по остальнымъ признакамъ, какъ говоритъ Ферри, преступника нельзя отличить отъ дегенеранта?

4) Идея прирожденнаго преступника несостоятельна по существу и должна быть рѣшительно оставлена.

Въ самомъ дѣлѣ, преступленіе всегда есть проявленіе извѣстнаго настроенія человѣка, въ которомъ находятъ выраженіе различныя черты его характера. Можно допустить прирожденность чертъ характера и ихъ отраженіе въ лицѣ человѣка, но нельзя, разумѣется, допустить прирожденность извѣстныхъ проявленій характера.

Далѣе, преступленія вовсе не образуютъ въ совокупности какой-то особый родъ человѣческой дѣятельности, который могъ бы имѣть свои специфическіе психо-физическіе корни. Преступленіе не есть какое-то особое біологическое явленіе; его природа — соціальная въ томъ смыслѣ, что кругъ дѣяній, считающихся въ тотъ или иной моментъ преступными, опредѣляется общественными условіями и потребностями. Дѣйствіе, въ одну эпоху считающееся преступнымъ, въ другую не счи-

---

1) „Тюремный Міръ". стр. 152—153; ср. также *Dallemagne*, У. с., ch. III.

Юридическій кабинетъ В. Ж.

тается таковымъ, и, наоборотъ, списокъ преступленій пополняется новыми членами. Область преступнаго отдѣляется отъ сферы непреступнаго извилистой и измѣнчивой чертой, которая опредѣляется наличными культурными и общественными условіями. Рядомъ съ различными видами преступнаго поведенія стоятъ родственные имъ по своимъ психологическимъ корнямъ виды непреступнаго поведенія, т. е. такія дѣятельности, которыя служатъ формами выраженія для тѣхъ же психологическихъ чертъ. Одна и та же страсть можетъ сдѣлать человѣка и энергичнымъ добровольцемъ пожарной команды и поджигателемъ, содержателемъ дозволенной ссудной кассы и укрывателемъ краденаго и т. д. Такихъ психическихъ чертъ, которыя влекли бы человѣка именно къ преступленію, нѣтъ. А равно не существуетъ и преступленій, которыя возникали бы лишь на почвѣ извѣстныхъ психическихъ качествъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ уже логическую несостоятельность идеи прирожденнаго преступника. Прирожденная наклонность къ преступленію—психологически и логически невозможна. Нельзя отрицать, что среди преступниковъ существуетъ значительный $^0/_0$ лицъ съ болѣе или менѣе ясною печатью вырожденія, неуравновѣшанности, недоразвитія и духовнаго оскудѣнія. Но всѣ эти черты не уравновѣшанности и вырожденія—обычныя черты вырожденія, а не какіе-либо специфическіе корни или клейма преступности.

Существуютъ профессіональный, національный, расовый типы. Профессіональный отпечатокъ можетъ лежать и на нѣкоторыхъ преступникахъ[1]). Но нѣтъ антропологическаго типа преступника.

5) Идея прирожденнаго преступника пережила поучительную эволюцію. Сначала единый типъ прирожденнаго преступника раскололся позднѣе на три. А еще позднѣе измѣнилось существенно и значеніе самого понятія прирожденнаго преступника. Именно, еще на амстердамскомъ конгрессѣ уголовной антропологіи, устами Ферри[2]), антропологическая школа заявила, что

---

[1]) О профессіональномъ типѣ см. у Тарда, La criminalité comparée, стр. 51; такъ же въ главѣ о преступникѣ въ La Philosophie pénale. *Принсъ*, Новыя доктрины уголовнаго права, стр. 19 сл. (Перев. Н. Р. СПБ. 1897).

[2]) Тотъ же взглядъ выраженъ Ферри и въ его Уголовной соціологіи.

человѣкъ, обладающій всѣми признаками прирожденнаго преступника, можетъ и не совершить преступленія. Вотъ что пишетъ по этому поводу Дриль въ своей статьѣ объ амстердамскомъ конгрессѣ. Отступленіе было совершено Ферри съ достоинствомъ въ формѣ объясненія, какъ должно понимать названіе „прирожденный преступникъ". „Онъ указываетъ, что въ понятіи этомъ не заключается понятія о неизбѣжности (какъ бы слѣдовало по точному смыслу выраженія *прирожденный преступникъ*) и что человѣкъ, представляющій всѣ признаки преступнаго типа, установленнаго проф. Ломброзо, можетъ и не совершать преступленій въ точномъ смыслѣ послѣдняго слова, тогда какъ другой, проявляющій въ своей жизненной дѣятельности всѣ признаки прирожденной преступности, напротивъ, можетъ почти не имѣть внѣшнихъ признаковъ типа". „Преступленіе—а слѣдовательно и преступники—по мнѣнію Ферри, не есть продуктъ только однѣхъ особенностей „психофизической организаціи". „Оно продуктъ равнодѣйствующей многихъ разнообразныхъ факторовъ — космическихъ, органическихъ, экономическихъ и вообще соціальныхъ". „Поэтому даже натуры, предрасположенныя къ преступленію и представляющія всѣ особенности преступной натуры, могутъ не совершить преступленій, если не окажется налицо предрасполагающихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ личности съ такими особенностями наталкиваются на совершеніе преступленій". „Но, очевидно, что при такомъ пониманіи выраженія „прирожденный преступникъ" отъ дѣйствительнаго содержанія послѣдняго понятія не остается ничего, исключая вполнѣ несоотвѣтствующаго названія, способнаго вводить только въ совершенное заблужденіе большую публику, незнакомую съ спеціальными сочиненіями, въ которыхъ, путемъ поясненій, могутъ вноситься нужныя поправки" [1]).

„Очевидно такъ же, добавляетъ Дриль въ примѣчаніи [2]), что при пониманіи термина „прирожденный преступникъ" въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ проф. Ферри, ничего не остается и отъ прежняго взгляда

---

[1]) Дриль, Уголовная антропологія въ 1901 г. Журн. Мин. Юст. 1901 г. № 5, стр. 93.

[2]) Ibidem.

Ломброзо, который видѣлъ въ преступникахъ какую-то какъ бы особую расу, отмѣченную вполнѣ стойкими, въ теченіе поколѣній вырабатывавшимися, а потому и неисправимыми, органическими дефектами, роковымъ образомъ наталкивавшими ихъ на преступленіе".

Идея прирожденнаго преступника умираетъ, это—несомнѣнно. Антропологическая школа покинула свои прежнія позиціи. Существенно измѣнилось и ученіе этой школы объ отличительныхъ признакахъ прирожденнаго преступника. Прежде указывался цѣлый рядъ такихъ признаковъ, за которыми, по крайней мѣрѣ, при извѣстномъ стеченіи ихъ, признавалось болѣе или менѣе рѣшающее значеніе. Теперь же оказывается, что рѣшающимъ признакомъ является лицо, такъ какъ всѣ другіе признаки недостаточно ясно и надежно отличаютъ прирожденнаго преступника отъ дегенеранта. Но въ даваемыхъ антропологами описаніяхъ лицъ преступниковъ также нельзя уловить ничего специфическаго. Холодный, стеклянный взглядъ убійцъ! Подвижность глазъ и рукъ воровъ! Изнѣженныя, женственныя черты преступниковъ противъ половой нравственности. Какъ все это растяжимо и мало опредѣленно! Какое неисчерпаемое богатство оттѣнковъ допускаетъ каждый изъ этихъ признаковъ! И какъ часто приходится встрѣчать ихъ у людей безупречного поведенія. Да и кому же не извѣстно, какъ вообще обманчива наружность! Можно ли правосудію предлагать такіе шаткіе критеріи!

Каковы же выводы изъ изложенной оцѣнки антропологической школы для ученія о преступникѣ?

Съ крушеніемъ идеи прирожденнаго преступника падаетъ и антропологическая школа, падаетъ и самая возможность уголовной антропологіи, потому что, если нѣтъ антропологическаго типа преступника, то не можетъ быть и особой науки о немъ. Вмѣстѣ съ этимъ падаютъ и всѣ требованія, которыя выставлялись криминалистами-антропологами относительно самаго строенія науки уголовнаго права. И классификація преступниковъ, предложенная этой школой, какъ всецѣло покоящаяся на идеѣ прирожденнаго преступника, такъ же должна быть отвергнута со всѣми практическими выводами, на ней основанными. Между прочимъ, падаетъ и то обоснованіе, которое получала у антропологовъ идея неисправимаго преступника. Мысль о неисправимости нѣкоторыхъ пре-

ступниковъ высказывалась и задолго до антропологической школы. Но ни до, ни послѣ появленія этой школы она не получала такого, казалось бы, яснаго и полнаго выраженія. Въ самомъ дѣлѣ, писатели, утверждающіе существованіе неисправимыхъ преступниковъ, не указываютъ обыкновенно надежныхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ неисправимаго можно было бы съ увѣренностью отличить отъ исправимаго. И, хотя въ ихъ теоріяхъ категорія неисправимыхъ преступниковъ играла существенную роль, всѣ ихъ разсужденія были обыкновенно расплывчаты и представляли собою или брошенныя вскользь замѣчанія, или не мотивированныя утвержденія существованія подобныхъ преступниковъ. Антропологи-криминалисты указали внѣшніе признаки неисправимаго преступника и, если бы ихъ указанія были вѣрны, они имѣли бы серьезное практическое значеніе. Идея неисправимаго преступника пріобрѣла у нихъ, казалось, самый прочный фундаментъ. Теперь, когда этотъ фундаментъ лежитъ въ обломкахъ, мы съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ когда-либо прежде, можемъ сказать, что для признанія неисправимыхъ преступниковъ нѣтъ достаточныхъ основаній, что наука уголовнаго права не знаетъ неисправимыхъ преступниковъ, а знаетъ только неисправленныхъ.

Итакъ, нѣтъ прирожденнаго преступника, нѣтъ и неисправимаго преступника. Нѣтъ вообще антропологическаго типа преступника. Это—очень важные выводы, предохраняющіе ученіе о преступникѣ отъ многочисленныхъ ошибокъ. Ихъ надо дополнить такъ же очень важнымъ методологическимъ указаніемъ: ученіе о преступникѣ не должно идти, при построеніи классификаціи, путемъ измѣренія преступниковъ съ головы до пятокъ, взвѣшиванія ихъ или какихъ-либо частей ихъ тѣла; словомъ, не слѣдуетъ стремиться къ открытію какихъ-либо специфическихъ особенностей въ тѣлѣ преступниковъ и на этихъ признакахъ основывать дѣленіе преступниковъ на группы. Несмотря на отрицательный характеръ этого положенія, изъ него вытекаютъ весьма важные выводы. Изъ него слѣдуетъ, прежде всего, что ученіе о преступникѣ должно носить психологическій характеръ; иными словами, его путь лежитъ не черезъ анатомію и физіологію, а черезъ психологію.

Слѣдовательно, тѣ классификаціи преступниковъ, въ

выработкѣ которыхъ и заключается главное содержаніе даннаго отдѣла науки, должны опираться не на внѣшнія, физическія различія между преступниками, а на различія чисто психологическія. Этотъ выводъ подтверждается и разсмотрѣніемъ самой природы преступленія. Преступленіе, говоря вообще, представляетъ собою болѣе или менѣе сложное и длительное поведеніе человѣка, носящее или активный характеръ (delicta commissionis), или характеръ бездѣйствія. Внутренней стороной этого поведенія является извѣстное настроеніе, которое и находитъ въ немъ свое внѣшнее выраженіе. Главнымъ элементомъ этого настроенія является рѣшимость поступить извѣстнымъ образомъ. Выяснить, какимъ образомъ у человѣка сложилось данное рѣшеніе, какія психическія силы содѣйствовали, а какія—противодѣйствовали его образованію, значитъ проникнуть до самыхъ глубокихъ корней преступленія, изучить этого человѣка вполнѣ со стороны представляемой имъ опасности повторной преступной дѣятельности. Надо помнить, что съ увѣренностью приписать человѣку извѣстныя психическія черты, признать его способнымъ рѣшиться на тотъ или иной поступокъ, мы можемъ, лишь основываясь на фактѣ, что эти черты уже заявили себя опредѣленнымъ образомъ, что способность эта обнаружена имъ и, притомъ, не при какихъ-либо исключительныхъ условіяхъ, при которыхъ обнаруженіе ея не могло бы быть принято въ качествѣ показателя состоянія личности. Съ другой стороны, разъ извѣстныя черты фактически заявили себя, разъ рѣшимость дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ дѣйствительно созрѣла у человѣка, и не при какихъ-либо исключительныхъ условіяхъ, мы въ правѣ считать вѣроятнымъ и повторное ея возникновеніе у этого лица, потому что поводы къ преступной дѣятельности и соблазновъ преступленія много, и, разъ у человѣка есть отзывчивость на нихъ, при относительной слабости противодѣйствующихъ имъ силъ, то повторная преступная дѣятельность его болѣе или менѣе вѣроятна.

Изучая преступниковъ съ точки зрѣнія представляемой ими большей или меньшей вѣроятности повторной преступной дѣятельности, слѣдуетъ придавать особенное значеніе тому, какъ образовалась у нихъ рѣшимость совершить данное преступленіе, при какихъ обстоятельствахъ, какія психическія силы вложились въ эту рѣши-

мость и содѣйствовали ея росту, а какія, напротивъ, противодѣйствовали ей. Тѣ различія, которыя существуютъ въ этомъ отношеніи между преступниками, и должны имѣть опредѣляющее значеніе при дѣленіи преступниковъ на классы.

Но какимъ же путемъ можно выяснить, при какихъ условіяхъ и какъ образовалась у человѣка рѣшимость совершить преступленіе? Путемъ изслѣдованія факторовъ преступленія. Здѣсь неожиданно открывается глубокая внутренняя связь между ученіями о преступникѣ и о факторахъ преступности. Эти ученія оба появились недавно въ наукѣ, оба мало еще разработаны, но разрабатываются независимо одно отъ другого. Связи между ними и не подозрѣваютъ, а между тѣмъ несомнѣнно, что ученіе о факторахъ преступности неразрывно связано съ ученіемъ о преступникѣ. Конечно, съ общимъ ученіемъ о преступникѣ, излагаемымъ въ общей части науки уголовнаго права, нераздѣльно лишь общее ученіе о факторахъ преступности, а не изслѣдованія факторовъ отдѣльныхъ видовъ преступленій.

Выяснить ближе связь ученій о преступникѣ и факторахъ преступности и построить классификацію на основаніи данныхъ о факторахъ преступности, и составитъ задачу дальнѣйшаго изложенія. Теперь же, въ заключеніе настоящей главы, замѣчу, что изъ всего сказаннаго выше, между прочимъ, вытекаетъ, что несмотря на крайности и недостатки, теорія прирожденнаго преступника сыграла большую роль въ исторіи развитія ученія о преступникѣ. Новая научная мысль на первыхъ порахъ часто облекается въ крайнія, преувеличенныя формы и получаетъ одностороннее развитіе. Антропологическая школа была, именно, такимъ одностороннимъ, полнымъ увлеченій выраженіемъ ученія о преступникѣ. Но крайнія, одностороннія теоріи часто бываютъ очень полезны новымъ отдѣламъ науки тѣмъ, что вызываютъ ожесточенную борьбу въ литературѣ и, развивая извѣстную точку зрѣнія до ея послѣднихъ выводовъ, ярко освѣщаютъ ту или другую сторону проблемы. Черезъ такія крайности наука находитъ свой настоящій путь.

С. В. Познышевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Политическій судъ въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка.

I.

Политическая расправа въ эпоху Грознаго.

Прежде чѣмъ обратиться къ непосредственному предмету нашего изслѣдованія—изслѣдовать нормы политическаго судопроизводства въ московскомъ государствѣ, приходится поставить одинъ предварительный вопросъ, да примѣнялись ли въ эту эпоху какія-либо опредѣленныя судебныя формы въ дѣлахъ по политическимъ обвиненіямъ; не оставалось ли все дѣло политической расправы, стянутое въ сильныхъ рукахъ московскаго самодержца, за предѣлами всякихъ процессуальныхъ порядковъ, всякаго формально-судебнаго разбирательства, хотя бы несовершеннаго и зачаточнаго, но все-таки удовлетворяющаго основнымъ требованіямъ судебнаго процесса; не регулировалось ли оно простымъ и властнымъ усмотрѣніемъ верховной власти и не воспроизводятся ли въ немъ поэтому картины первобытной мести [1]), тѣмъ болѣе безудержной, что суровые удары ея направляются сильнѣйшимъ противъ слабаго? Если эти предположенія

---

[1]) Относительно политической расправы въ до-московскія времена встрѣчаемъ у Сергѣевича слѣдующее замѣчаніе: „Слабое при своемъ возникновеніи государство не успѣло еще прійти къ сознанію своихъ спеціальныхъ интересовъ и подумать объ установленіи особыхъ мѣръ для ихъ охраненія; съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ того, какъ развивалась идея государственныхъ преступленій и опредѣлилась мѣра ихъ наказуемости, князья наказываютъ преступниковъ этого рода по усмотрѣнію; здѣсь господствуетъ такой же произволъ, какъ въ былыя времена въ частной мести; по этимъ преступленіямъ и судъ не всегда имѣлъ мѣсто, дѣло нерѣдко рѣшалось безъ всякихъ формъ—князь опалялся и назначалъ по произволу своему наказнаіе“.

соотвѣтствуютъ исторической истинѣ, если преслѣдованіе и наказаніе за политическія преступленія практиковалось въ московскомъ государствѣ исключительно въ формахъ внѣ-судебныхъ, тогда историку-юристу не оставалось бы никакой работы около этого вопроса, и только историкъ-бытописатель могъ бы вырисовывать яркими мазками картину произвольной политической расправы, то умѣренной то жестокой, картину истребленій и пощадъ, продиктованныхъ политическимъ гнѣвомъ или политической дальновидностью.

Этотъ скептическій вопросъ тѣмъ необходимѣе поставить на первую очередь, что стоитъ намъ отъ XVII вѣка, съ которымъ связывается основной интересъ нашей работы, сдѣлать шагъ назадъ и остановиться около эпохи Грознаго, какъ мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ такой именно картиной безудержной политической расправы, которая въ конецъ отрицаетъ всякую видимость суда и судебныхъ формъ.

Для иллюстраціи этого намъ нѣтъ нужды обращаться къ шумному и кровавому походу царя Ивана на Новгородъ Великій: тамъ нѣтъ налицо элементовъ судебнаго наказанія, а есть карательная экспедиція, которая, не разбирая праваго отъ виноватаго, задавалась единственной цѣлью истребить и обезсилить противника, представлявшаго въ массѣ своей опасную и подозрительную силу; да и причиной такой расправы было, въ сущности, не столько конкретное политическое обвиненіе, выдвинутое противъ новгородцевъ и по происхожденію своему слишкомъ сомнительное и недостовѣрное [1]), сколько неопредѣленная „шатость“ новгородскаго населенія,—что на языкѣ московскихъ уловителей крамолы означало безпокойное состояніе умовъ, противоправительственное настроеніе, скрывающее возможность измѣнныхъ умысловъ и тревожныхъ смутъ. Такъ именно характеризуетъ и тогдашній лѣтописецъ это предпріятіе московскаго царя: по его словамъ, царь Иванъ Васильевичъ отправился въ походъ, чтобы непокорную отчину свою, Новгородъ Великій, „казнить войной“.

---

[1]) „Бродяга Петръ донесъ царю, что новгородцы хотятъ предаться польскому королю, что у нихъ уже написана и грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ... Говорятъ, что этотъ бродяга, наказанный новгородцами, самъ сочинилъ грамоту и необыкновенно искусно подписался подъ руку архіепископа и другихъ гражданъ“. Соловьевъ, Исторія, VI, 204

Поучительнѣе, чѣмъ этотъ образецъ массовой расправы, такіе случаи изъ практики Грознаго, когда противъ опредѣленнаго лица или опредѣленной группы лицъ болѣзненная подозрительность царя вчинала опредѣленное политическое обвиненіе. Въ такихъ случаяхъ вся произвольность подчасъ очень суровой расправы, ея сверхсудебный характеръ выступаетъ съ драматической ясностью. По разсказу Курбскаго, князь Воротынскій былъ поставленъ связанный передъ царемъ, и сказалъ ему царь: „свидѣтельствуетъ на тя слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровать"; Воротынскій отвергнулъ обвиненіе и объяснилъ, что „клеветникъ есть рабъ и утече, окравши"; вслѣдъ затѣмъ—никакого сыска и никакихъ доказательствъ, и на основаніи непровѣреннаго и ничѣмъ не подтвержденнаго извѣта обвиняемаго пытаютъ жестокими пытками и ссылаютъ въ заточеніе на Бѣлоозеро (Устряловъ, сказанія Курбскаго, 87). Противъ такой, именно, практики вооружается Уложеніе царя Алексѣя, запрещая отъ холопа и крестьянина принимать извѣтъ на господина, если извѣтъ этотъ не сопровождается ни ссылкой на свидѣтелей ни иными доказательствами. Ерлезунда, иностранный писатель XVII вѣка, разсказываетъ о такой расправѣ царя Ивана: 150 дворянъ задумали бѣжать въ Польшу, но были пойманы и умерщвлены; жены ихъ и дѣти и служители были также умерщвлены безъ всякаго милосердія, хотя вовсе не знали про замыселъ своихъ мужей и господъ (Ерлезунда, исторія о великомъ княжествѣ московскомъ, 144). Послѣ возвращенія изъ Аелксандровской слободы были казнены князь Горбатый-Шуйскій съ сыномъ, родственники ихъ Ховрины, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Дмитрій Шевыревъ; можно предполагать, что былъ противъ нихъ неопредѣленный извѣтъ, но не было во всякомъ случаѣ ни провѣрки этого извѣта, ни сыска, ни очной ставки, ни суда боярской думы; вся виновность казненныхъ опиралась на простую подозрительность царя (Соловьевъ, исторія Россіи, VI, 197). Въ 1567 году конюшій бояринъ Иванъ Петровичъ Ѳедоровъ получилъ грамоту отъ польскаго короля Сигизмунда съ увѣщаніемъ измѣнить царю, и самъ представилъ эту грамоту на распоряженіе Грознаго съ просьбой указать ему содержаніе отвѣта; все поведеніе боярина свидѣтельствовало объ отсутствіи всякихъ измѣн-

ныхъ умысловъ съ его стороны; тѣмъ не менѣе онъ былъ собственноручно и безъ предварительнаго сыска казненъ царемъ (Сергѣевичъ, лекціи, 1899, 121).

Отвлекаясь отъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ суровой политической расправы, важно отмѣтить тотъ общій „знакъ", подъ которымъ она протекаетъ и который превращаетъ эти отдѣльные акты изъ болѣзненныхъ и случайныхъ эксцессовъ испуганной власти въ проявленіе одной законченной системы, опирающейся почти-что на правовое основаніе; вся карательная дѣятельность царя Ивана совершалась подъ знаменемъ чрезвычайной карательной власти, которую онъ выговорилъ себѣ, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства [1]), послѣ демонстративнаго отъѣзда своего въ Александровскую слободу. Это событіе, сильно всколыхнувшее умы современниковъ, изображается въ источникахъ слѣдующими чертами. 3-го декабря 1564 года, въ воскресенье, царь со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ село Коломенское; выѣздъ этотъ не былъ похожъ на прежніе, когда царь отправлялся на богомолье или какія-нибудь потѣхи; на этотъ разъ онъ взялъ съ собой иконы и кресты, деньги и всю казну, а боярамъ, дворянамъ и ближнимъ людямъ, которымъ велѣлъ ѣхать съ собой, приказалъ захватить женъ и дѣтей. Изъ Коломенскаго царь отправился въ село Тайнинское, изъ Тайнинскаго къ Троицѣ, а оттуда въ Александровскую слободу. Изъ слободы царь прислалъ митрополиту грамоту, въ которой объявилъ, что онъ гнѣвъ свой положилъ на духовенство, бояръ и на всѣхъ приказныхъ и служилыхъ людей за многія ихъ измѣны, лиходѣйства и расхищеніе казны; а къ гостямъ, купцамъ и ко всему православному христіанству города Москвы царь прислалъ другую грамоту: въ ней онъ писалъ, чтобы они „себѣ никакого сомнѣнія

---

[1]) „Послѣ отца его бояре и всѣ приказные люди его государства людямъ много убытковъ дѣлали и казны его государскія расхитили, земли его государскія себѣ разобрали, друзьямъ своимъ и родственникамъ роздали; держа за собою помѣстья и вотчины великія, получая жалованья государскія, собравши себѣ великія богатства, о государѣ, государствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ не желая радѣть и отъ недруговъ оборонять, вмѣсто того христіанъ притѣсняли и сами отъ службы начали удаляться. А захочетъ государь бояръ своихъ или приказныхъ или служивыхъ людей понаказать—духовенство, сложась съ боярами и со всѣми приказными людьми, государю по нихъ же покрываетъ. И царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство". Соловьевъ, тамъ же, 195—196.

не держали, гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ". Когда эти грамоты были прочтены, рѣшено было, послѣ „многихъ рыданій и воплей", просить царя умилостивиться, вернуться на прародительскій престолъ и править и владѣть народомъ, какъ ему угодно; *„а государскихъ лиходѣевъ, виноватыхъ въ измѣнѣ, вѣдаетъ Богъ да государь, въ животѣ и въ казни его государская воля"* (Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 195—196). Царь Иванъ Васильевичъ сдался на челобитье населенія и согласился вернуться къ власти, но при этомъ „приговорилъ", что ему „своихъ измѣнниковъ, которые измѣны ему дѣлали и въ чемъ ему, государю, были непослушны, на тѣхъ опалы своя класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати, а архіепископы и епископы, и архимандриты, и игумны, и весь освященный соборъ да и бояре и приказные люди *то все положити на его государской волѣ"* (Русская историческая библіотека, III, 258). Этотъ царскій приговоръ, какъ ни сдержанно передаетъ о немъ лѣтопись, есть, въ сущности, прокламація о той чрезвычайной карательной власти, которую царь намѣренъ впредь примѣнять въ борьбѣ съ окружающей его измѣной: своихъ измѣнниковъ и непослушниковъ онъ будетъ казнить и опалы на нихъ класть безъ всякаго вмѣшательства духовенства и бояръ, которые раньше, „сложась другъ съ другомъ, государю по нихъ покрывали"; это значитъ, что дума боярская устраняется отъ участія въ политической расправѣ царя, а у духовенства отнимается древнее право печалованія за политическихъ осужденныхъ. Все это вмѣстѣ должно было обезпечить царю полную безконтрольность въ преслѣдованіи людей, заподозрѣнныхъ въ политическомъ преступленіи, полную свободу отъ судебныхъ формъ и судебныхъ учрежденій; однимъ словомъ, все дѣло политической расправы полагалось „въ его государской волѣ"; поэтому, выговаривая себѣ право „казнить и опалы класть", царь ничего не упоминаетъ о „судѣ и сыскѣ".

II.

Идея закономѣрнаго политическаго суда въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени.

Царь Иванъ Васильевичъ широко использовалъ свою чрезвычайную карательную власть, которую онъ посред-

ствомъ ловкаго политическаго маневра обезпечилъ какъ бы всенароднымъ согласіемъ. Ближайшіе преемники его практиковали такую же суровую внѣ-судебную расправу уже какъ привычное злоупотребленіе своей власти. Но въ населеніи московскаго государства не угасала мысль, что личный царскій судъ (а такимъ, именно, былъ судъ политическій) долженъ протекать въ прочныхъ судебныхъ формахъ, издавна установившихся, издавна знакомыхъ населенію и потому кажущихся ему единственно законными и правильными. Въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени эта черта народнаго правосознанія сказывается съ выразительной ясностью.

Древнѣйшей изъ нихъ и наиболѣе опредѣленной по содержанію является крестоцѣловальная запись Василія Ивановича Шуйскаго, въ которой новоизбранный царь принимаетъ на себя слѣдующее обязательство: „поволилъ есми язъ царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ, великому государю, всякаго человѣка, не *осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими*, смерти не предати и вотчинъ, и дворовъ, и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отъимати, будетъ которые съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертныя вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, будетъ съ ними они въ той винѣ невинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіанство безвинно не гибло; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его, что былъ взвелъ неподѣлно, тѣмъ самъ осудится; на томъ на всемъ, что въ сей записи писано, язъ царь и великій князь цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ крестьяномъ, что мнѣ ихъ, жалуя, *судити истиннымъ праведнымъ судомъ* и безъ вины ни на кого опалы своей не класти“ (Памятники исторіи смутнаго времени, 1909, 18—19).

Вдумываясь въ содержаніе этой записи, нужно отмѣтить, прежде всего, что она, какъ это указалъ еще Ключевскій (Боярская дума, 377), относится именно къ *суду по преступленіямъ политическимъ*. Это подтверждается характеромъ наказаній здѣсь упоминаемыхъ, смертная

казнь и конфискація; послѣдняя, въ особенности, стала со временъ Грознаго неизмѣннымъ спутникомъ осужденія за политическую вину; да и вся запись есть несомнѣнная реакція противъ суровой практики Грознаго и Годунова [1]), а ихъ суровыя расправы почти цѣликомъ замыкались въ кругу политическихъ преступленій; важнѣйшія постановленія изъ записи повторены во второй главѣ Уложенія царя Алексѣя и тамъ прямо и опредѣленно пріурочены къ посягательствамъ государственнымъ. Какое же обязательство принимаетъ на себя царь по дѣламъ политическихъ обвиненій? оно заключается въ рядѣ процессуальныхъ правилъ, которыя запись возводитъ на степень обязательныхъ нормъ въ производствѣ личнаго царскаго суда: 1) не распространять прямыхъ послѣдствій обвинительнаго приговора на неповинную семью осужденнаго, т.-е. не карать членовъ семьи безъ „сыска“ и „безъ вины“; 2) провѣрять извѣты всякими сысками накрѣпко; 3) устраивать очныя ставки извѣтчика съ обвиняемымъ; 4) наказывать за ложный извѣтъ „по винѣ“; 5) опалы своей ни на кого „не класти безъ вины“. Всѣ эти правила не есть какая-либо новизна, порожденная броженіемъ политической мысли: они выражаютъ собой издавна установившіяся нормы судебнаго разбирательства, цѣлью которыхъ является не столько успѣшное обличеніе виновныхъ, сколько гарантія и защита для невинныхъ; такъ, именно, запись и объясняетъ ихъ смыслъ: „сыскивать всякими сыски и ставить съ очей на очи, *чтобы православное христіанство безвинно не гибли*“.

Изслѣдователи, подходившіе къ этой записи съ мѣркой современныхъ намъ конституціонныхъ и политическихъ понятій, характеризуютъ содержаніе ея, какъ „бѣдное и скудное“ (Дьяконовъ, Очерки общественнаго и государственнаго строя, 433). Съ такимъ мнѣніемъ мы никакъ не можемъ согласиться. Правда, нельзя въ полной мѣрѣ отрицать политическое значеніе записи: она есть обязательство, скрѣпленное публичной присягой представителя верховной власти; содержаніе ея обнародовано во всеобщее свѣдѣніе, въ ней упоминается о думѣ боярской,

---

[1]) Эта черта „записей“—ихъ связь съ суровыми расправами Грознаго,—подчеркивается Котошихинымъ: „какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ иманы записи“.

какъ обязательной участницѣ верховной власти. Но при всемъ томъ, основное значеніе записи Шуйскаго кроется не въ политической ея сторонѣ, *а въ судебно-процессуальной.* И съ этой точки зрѣнія ее нельзя упрекнуть ни въ неполнотѣ, ни въ отрывочности, ни въ „бѣдности“ содержанія. Наоборотъ, запись имѣетъ принципіальную полноту, такъ какъ въ ней заключено указаніе на общій принципъ, придающій единство ея отдѣльнымъ постановленіямъ и заполняющій видимые пробѣлы, въ ней оставленные. Этотъ общій принципъ, мимо котораго изслѣдователи, разсматривавшіе запись, проходили до сихъ поръ безъ должнаго вниманія, выраженъ въ обязательствѣ царя — „всякаго человѣка судить *судомъ истиннымъ* съ бояры своими“. Подъ „судомъ истиннымъ“ отнюдь не слѣдуетъ разумѣть судъ, сообразный съ моральными и религіозными нормами: это было бы требованіе малоопредѣленное и потому неумѣстное и излишнее въ политико-юридическомъ документѣ, каковымъ является запись; слово „судъ“ на языкѣ московскихъ всякаго чину людей имѣло вполнѣ опредѣленный юридическій смыслъ: имъ обозначалась совокупность процессуальныхъ правилъ, издавна установившихся и въ полной мѣрѣ знакомыхъ населенію, унаслѣдованныхъ московской судебной практикой отъ временъ безраздѣльнаго господства состязательныхъ началъ въ процессѣ. Слѣдовательно, „судъ истинный“ — это судъ, протекающій съ соблюденіемъ всей совокупности этихъ правилъ [1]). Такимъ образомъ, царь Василій Ивановичъ принималъ на себя опредѣленное и вполнѣ ясное обязательство—въ сферѣ своего личнаго царскаго суда соблюдать искони установившіяся судебныя формы. А такъ какъ формы эти были прочно укрѣплены обычаемъ, жили въ правосознаніи народа и въ судебной практикѣ, то не было нужды излагать ихъ въ подробности, и все, что содержится въ записи вслѣдъ за провозглашеніемъ принципа „истиннаго суда“, есть лишь перечисленіе наиболѣе жгучихъ и важныхъ пунктовъ, которые систематически попирались суровыми распра-

[1]) Совершенно неправильное толкованіе выраженію „истинный судъ“ даетъ Строевъ: „сей истинный судъ... есть не что иное, какъ для всѣхъ справедливый судъ или тоже, что современная идея гражданскаго равенства“ (Строевъ, Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, 37).

вами прежнихъ лѣтъ и о которыхъ поэтому казалось полезнымъ упомянуть особо.

Съ судебно-процессуальной же точки зрѣнія должно быть оцѣниваемо и упоминаніе о *„судѣ съ бояры“*. Какъ Грозный, желая обезпечить себѣ произволъ и безконтрольность въ дѣлахъ политической расправы, „приговорилъ“ объ устраненіи думы боярской отъ участія въ политическомъ судѣ, такъ царь Василій Ивановичъ, обѣщая, наоборотъ, судъ истинный и праведный, призываетъ думу быть участницей въ его личномъ судѣ. Традиціи и привычки этого стараго учрежденія, коллегіальный строй его, наконецъ, меньшая заинтересованность въ суровости политической расправы—все обезпечивало думѣ боярской плодотворную роль хранительницы судебныхъ формъ, блюстительницы принциповъ „истиннаго суда“ отъ княжескаго произвола и княжескаго гнѣва [1]).

Такъ какъ дума была издавна неизмѣнной участницей текущей дѣятельности князей, то упоминаніе записи о ней никакъ не можетъ служить доказательствомъ что все предпріятіе, связанное съ этой записью, отразило на себѣ лишь узкіе интересы и классовые взгляды небольшой группы боярства, задавшагося цѣлью такимъ способомъ обезпечить свою личную и имущественную неприкосновенность. Московское боярство—вообще говоря—не чуждо всѣхъ грѣховъ, свойственныхъ правящему и экономически-сильному классу. Но если *его* вдохновеніемъ и руководствомъ направлялось дѣло записи Шуйскаго (а это естественно предположить, такъ какъ, именно, изъ среды боярства выхватывали суровыя расправы Грознаго и Годунова наибольшее число жертвъ),—то мы должны признать, что въ этомъ случаѣ боярство московское возвысилось надъ узкимъ кругомъ классовыхъ интересовъ и классовой охраны, такъ какъ въ запись царя Василія оказались включенными *общенародныя, а не исключительно боярскія гарантіи*. Новоизбранный царь цѣлуетъ крестъ „всѣмъ православнымъ крестьянамъ“; обязательства свои онъ принимаетъ на себя ради того, чтобы все „православное христіанство безвинно не гибло“; самыя

---

[1]) „Судъ бояръ существовалъ одинаково во всѣ времена московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, 301“.

обязательства эти формулированы такъ, что подъ охрану ихъ ставятся широкіе круги московскаго населенія: царь обязуется судить судомъ истиннымъ „всякаго человѣка“; не довольствуясь этой формулой достаточно общей, запись упоминаетъ дальше особенно о гостяхъ, о торговыхъ и *черныхъ людяхъ* [1]).

Итакъ, запись царя Василія выражаетъ здравую правовую идею, вскормленную народнымъ правосознаніемъ,— что личный царскій судъ вообще и судъ политическій въ особенности, представляющій наибольшую сумму соблазновъ для торжества силы надъ правомъ, долженъ совершаться не въ видѣ произвольной расправы, суровость которой диктуется подчасъ чувствомъ гнѣва и подозрительностью, а въ видѣ „истиннаго, праведнаго суда“ съ соблюденіемъ всѣхъ выработанныхъ вѣковой практикой судебныхъ гарантій и формъ. Этой чертѣ народнаго правосознанія отнюдь не противорѣчитъ повально замѣчаемое у московскихъ всякаго чину людей тяготѣніе къ личному царскому суду, связанное съ обходомъ посредствующихъ учрежденій и приказныхъ людей [2]). И въ кругу политическихъ дѣлъ мы сталкиваемся съ такимъ же тяготѣніемъ: политическій обвиняемый и извѣтчикъ, замѣнявшій публичнаго обвинителя, съ одинаковой настойчивостью бьютъ челомъ, чтобы государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ дѣло взять къ Москвѣ и доложить себя, государя (Акты московскаго государства, III, 527). Это стремленіе запало въ душу московскаго обывателя отъ тѣхъ далекихъ временъ, когда древній князь-рюриковичъ, внукъ или правнукъ Ярослава, въ строгомъ согласіи съ народнымъ обычаемъ и подъ бдительнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія творилъ судъ и расправу въ небольшой

---

[1]) По мнѣнію Богословскаго, гости и торговые люди упоминаются въ записи Шуйскаго потому, что среди нихъ была популярна фамилія Шуйскихъ, и они „поддерживали эту фамилію и выдвигали кандидатуру Василія на престолъ“. Если бы гости и торговые люди были единственными, о которыхъ упоминаетъ запись, то это соображеніе можно было бы считать справедливымъ; но такъ какъ наряду съ ними запись упоминаетъ и „черныхъ людей“, а выше говоритъ о „всякихъ людяхъ“,—то ясно, что гости и торговые люди попали въ запись просто какъ дань старой московской привычкѣ перечислять всѣ разряды населенія вмѣсто того, чтобы охарактеризовать ихъ однимъ общимъ наименованіемъ.

[2]) Послѣ Уложенія, какъ и до Уложенія, „личную расправу московскихъ государей и народъ и они сами продолжали считать наилучшей“. Сергѣевичъ, Древности, II, 414.

волости, отмежеванной ему счетами родового старшинства или призывомъ населенія. Сохранивъ въ своемъ правосознаніи этотъ пережитокъ старыхъ временъ, московскій обыватель не отрекся и отъ другого убѣжденія, тѣсно съ нимъ связаннаго, что судъ московскаго самодержца, по строгому соблюденію судебныхъ формъ, и стародавнихъ обычаевъ, есть все тотъ же судъ древняго князя. Запись Шуйскаго иллюстрируетъ какъ нельзя лучше это согласіе двухъ правовыхъ устремленій народнаго духа: отъ царя не требуется отреченіе отъ его личной юрисдикціи (путь, которымъ шли французскіе парламенты начиная съ XIV вѣка и отчасти литовскіе сеймы); вся область непосредственнаго суда остается попрежнему за московскимъ царемъ, но „поволилъ“ онъ всему православному христіанству крестъ цѣловать на томъ, что это личное правосудіе свое будетъ онъ творить въ строгомъ согласіи съ началами „суда истиннаго“, т.-е. всѣхъ опытомъ выработанныхъ и обычаемъ укрѣпленныхъ стародавнихъ судебныхъ формъ.

И въ документахъ XVII вѣка проблескиваютъ слѣды этой правовой идеи. Когда политическое дѣло, пройдя долгія стадіи „сыска“, выписывается въ докладъ для государева разсмотрѣнья, то выписка изъ протоколовъ дѣла, изъ обыскныхъ, распросныхъ и пыточныхъ рѣчей, дополняется выпиской изъ Уложенія (Русская историческая библіотека, XI, 223); стало-быть, предполагается, что и царскій приговоръ будетъ постановленъ въ согласіи въ нормами закона. И въ мѣстническихъ дѣлахъ, гдѣ царь выступаетъ, какъ рѣшающая инстанція, — въ отвѣтъ на челобитья сторонъ (о безчестьи и объ обороні) онъ указываетъ „дать судъ и розыскать“, предоставляя такимъ образомъ сторонамъ возможность вести судебный споръ въ предѣлахъ и формахъ, охватываемыхъ московскимъ понятіемъ „суда“ [1]).

---

[1]) Мысль, что расправа, чинимая верховной властью, не должна быть произволомъ, а должна, какъ и расправа всякаго другого судьи, протекать въ законныхъ формахъ судебнаго процесса,—выражена также и въ приговорѣ Ляпуновскаго ополченія отъ 30 іюня 1611 года: „смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора бояромъ не по винѣ не казнити и по городомъ не ссылати... а кто учнетъ ходити скопомъ и заговоромъ или на кого кто скажетъ измѣнное земское дѣло,—и просто сыскивать въ правду, а по сыску смертную казнь и наказанье чинить бояромъ, поговоря со всей землей, смотря по винѣ“. Памятники исторіи смутнаго времени, 69.

Что запись Шуйскаго не была плодомъ случайной интриги, небольшой кучки лицъ, а выражала собой прочную черту народнаго правосознанія, это лучше всего подтверждается тѣмъ, что основное содержаніе ея воспроизводится съ неизмѣннымъ постоянствомъ всѣми другими „записями“ той же эпохи. Такъ, въ договорныхъ статьяхъ Сигизмунда III съ московскими боярами по поводу избранія сына его Владислава на московскій престолъ 14 февраля 1610 года повторяется существенное требованіе изъ записи Шуйскаго: „естли ся хто въ чомъ провинитъ зъ якого-кольвекъ стану и каранье заслужитъ въ господарскихъ и земскихъ дѣлѣхъ, того господаръ его милость водлугъ вины и выступку карати маетъ, *осудивши первѣй справедливо съ бояры* и съ думными людьми; а жоны, дѣти, братья, которые того учинку не помогали и не вѣдали, альбо не призволяли, казнены быть не маютъ, и овшемъ при своихъ отчизнахъ и помѣстьяхъ и маетностяхъ зоставати маютъ; а не дошедши выступку и не осудивши судомъ съ бояры всими, никого не карати, чести зъ нихъ не брати, на вязенье не засылати, помѣстья и отчизны не отыймовати“ (Памятники исторіи смутнаго времени, 48). Здѣсь расширена только область наказаній, для примѣненія которыхъ требуется „справедливый судъ съ бояры“: смертная казнь и конфискація дополняется упоминаніемъ о ссылкѣ и объ отнятіи чести. Весь этотъ пунктъ повторяется съ буквальной точностью въ договорной записи, данной по этому же поводу съ россійской стороны (Памятники, 55). Наконецъ, среди извѣстій, характеризующихъ содержаніе не дошедшей до насъ записи царя Михаила, мы улавливаемъ отголосокъ все той же правовой идеи, что власть Великаго государя, функціонируя какъ непосредственная власть судебнаго органа, должна осуществляться въ искони установившихся формахъ „истиннаго суда“. „Какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство—и на нихъ были иманы письма, что имъ быть не жестокимъ и непальчивымъ, *безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что*“ — разсказываетъ Котошихинъ, подчеркивая дальше, что изъ этого списка обиранныхъ царей онъ не исключаетъ и Михаила Ѳеодоро-

вича (Латкинъ, Земскіе соборы древней Руси, 145) [1]. Фокеродтъ утверждаетъ, что среди ограниченій, подписанныхъ Михаиломъ, фигурировало обязательство „никого не судить и не осуждать высочайшей властью“; эти слова нужно понимать такъ, что царь Михаилъ далъ обязательство никого не наказывать единоличной властью, не осудивши первѣе съ боярами.

Итакъ, все существенное, что сказано нами объ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени, сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: а) содержаніе записей и обстоятельства, имъ предшествовавшія (по крайней мѣрѣ, первой изъ нихъ (свидѣтельствуютъ о томъ, что постановленія, въ нихъ занесенныя, имѣютъ прямое отношеніе къ суду политическому; б) всѣ записи выражаютъ потребность внести законность и твердость судебныхъ формъ въ сферу личной царской юрисдикціи; в) ради этого судъ царя осложняется участіемъ боярской думы, хранительницы судебныхъ формъ, блюстительницы началъ „истиннаго суда“; г) такъ какъ начала эти опирались на старый обычай и жили въ судебной практикѣ, то записи не нуждались въ многословномъ исчисленіи отдѣльныхъ обязательствъ, чѣмъ и объясняется ихъ видимая „бѣдность содержанія“; д) обще-сословный характеръ гарантій, предоставляемыхъ записями, и неизмѣнность ихъ основного содержанія указываютъ на то, что идеи, въ нихъ выражаемыя, занимали прочное мѣсто въ правосознаніи широкихъ круговъ московскаго населенія.

III.

Политическій судъ въ Уложеніи царя Алексѣя. Основные фазисы политическаго судопроизводства и связь между ними.

Тѣ правовыя требованія, которыя выразились въ ограничительныхъ записяхъ Смутнаго времени, Уложеніе

---

[1]) По мнѣнію Ключевскаго, свидѣтельство Котошихина о записи царя Михаила заслуживаетъ довѣрія потому, что „покинувъ Москву 19 лѣтъ спустя по воцареніи второго государя новой династіи, онъ могъ по личнымъ воспоминаніямъ или по свѣжему преданію помнить все время Михаила“ (Ключевскій, курсъ, III, 94).

царя Алексѣя Михайловича претворило въ положительный законъ. Это не значитъ, что оно, хотя бы въ части своей, было основнымъ закономъ, формально связывавшимъ государеву власть; это не значитъ также, что въ статьяхъ своихъ оно повторило съ точностью всѣ постановленія записей Смутнаго времени. Но все-таки—въ одной изъ своихъ главъ Уложеніе остановилось на томъ самомъ вопросѣ, изъ котораго выросли эти плоды политической мысли смутной эпохи, — на вопросѣ о политическихъ преступленіяхъ и политическомъ судѣ, и остановившись на немъ, воспроизвело не всѣ, но очень многія существенныя постановленія изъ „записей“ и „договорныхъ статей“. Можно утверждать, что глубокая внутренняя связь объединяетъ вторую главу Уложенія съ ограничительными записями Смутнаго времени.

Прежде всего, Уложеніе заполнило одинъ существенный пробѣлъ, оставленный записями: въ послѣднихъ содержалось обязательство царя „безъ суда и безъ вины никого не казнити“, но если понятіе „суда“ опредѣлялось при этомъ хотя бы указаніями на нѣкоторыя его нормы, чаще другихъ нарушаемыя, сильнѣе другихъ вопіявшія о защитѣ и охранѣ, то вопросъ о томъ, за какія же „вины“ можно казнить, съ бояры осудя, оставался въ записяхъ совсѣмъ безъ опредѣленія. Уложеніе очертило во второй главѣ систему государственныхъ преступленій, описало ихъ юридическій составъ съ достаточной подробностью и точностью и этимъ отвѣтило на вопросъ, оставленный въ записяхъ безъ разъясненія. Правда, система второй главы не исчерпала всего разнообразія политическихъ посягательствъ, извѣстныхъ московской практикѣ: какъ бы сообразуясь съ „записями“ начала XVII вѣка, московскій кодексъ предусмотрѣлъ лишь такія „вины“, за которыя полагалось „смертію казнить, вотчины и животы отнимать“, и не коснулся менѣе тяжелыхъ. Но и этимъ сдѣланъ былъ крупный шагъ на пути ограниченія суровостей и произвола въ политическихъ дѣлахъ, такъ какъ болѣе или менѣе точно опредѣлялась область законнаго примѣненія двухъ тягчайшихъ каръ за политическія преступленія—смертной казни и общей конфискаціи.

Но опредѣленіями матеріальнаго права не исчерпывается вторая глава Уложенія, и даже не въ нихъ скрывается ея важнѣйшее содержаніе, ея наиболѣе цѣнный

историко-юридическій смыслъ. Уже изъ самаго заглавія— „о государьской чести и какъ его государьское здоровье оберегать“ — можно сдѣлать безошибочный выводъ, что здѣсь законодатель предполагаетъ изложить не только систему государственныхъ преступленій, но и дать судебную инструкцію насчетъ порядка ихъ преслѣдованія и наказанія („какъ государьское здоровье оберегать“). При бѣгломъ же чтеніи самой главы отчетливо вскрывается ея двойственный — процессуальный и матеріальный—составъ: сначала идутъ подрядъ статьи, описывающія разнообразные виды политическихъ преступленій и устанавливающія наказуемость ихъ (ст. 1—6); а за ними слѣдуетъ сплошной рядъ процессуальныхъ постановленій, которыя тянутся почти до самаго конца главы (ст. 7—17); только въ двухъ послѣднихъ статьяхъ законодатель снова возвращается къ описанію юридическаго состава преступленій (скопъ и заговоръ) и, притомъ, въ одной изъ нихъ опредѣленія матеріальнаго права опять-таки дополняетъ нормами права процессуальнаго (ст. 22 о производствѣ повальнаго обыска по извѣту въ скопѣ и заговорѣ). Такимъ образомъ, объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича никакъ нельзя сказать, что оно только „сгруппировало вмѣстѣ нѣкоторыя преступныя дѣянія политическаго характера, но не создало для нихъ ни особаго процесса, ни особой юрисдикціи“ (Юридическій вѣстникъ, 1880, XI, 335). Относительно юрисдикціи политическихъ дѣлъ Уложеніе, дѣйствительно, не даетъ прямыхъ указаній (оно не чуждо, однако же, указаній косвенныхъ); но зато нормы процессуальныя въ узкомъ смыслѣ слова, т.-е. съ исключеніемъ нормъ судоустройства, занимаютъ едва ли не большую половину главы, спеціально посвященной государственнымъ преступленіямъ.

Среди процессуальныхъ постановленій этой главы мы улавливаемъ черты, знакомыя намъ изъ обзора ограничительныхъ записей Смутнаго времени: запрещается произвольная расправа съ родственниками политическаго преступника, если „сыскомъ“ не подтверждена ихъ виновность (ст. 7—10); повторяется изъ записи Шуйскаго постановленіе о необходимости очной ставки (ст. 12 и 16), благодаря которой весь политическій розыскъ окрашивается чертами судебнаго состязанія извѣтчика съ обви-

няемымъ; повторяется также суровая угроза извѣтчику за опровергнутый и злостный извѣтъ (ст. 17), угроза, построенная по принципу, провозглашенному въ записи Шуйскаго: „что былъ взвелъ неподѣльно, тѣмъ и осудится самъ“.

Обобщая всѣ указанія, которыя улавливаются въ этихъ и остальныхъ статьяхъ второй главы, можно установить, что все движеніе политическаго процесса, по мысли составителей Уложенія, должно совершаться въ *трехъ основныхъ и равно необходимыхъ фазисахъ*: а) извѣтъ, б) сыскъ и в) приговоръ. „Извѣтъ“ есть необходимое начало процесса, настолько необходимое, что законодатель не предусмотрѣлъ никакого иного способа возбужденія политическихъ обвиненій; такое значеніе извѣта основывается на томъ, что онъ, по Уложенію, является не дѣломъ свободнаго усмотрѣнія, а публично-правовой обязанностью, за неисполненіе которой законодатель угрожаетъ тягчайшимъ изъ наказаній — смертной казнью. За „извѣтомъ“ слѣдуетъ „сыскъ“ противъ „извѣту“—настолько необходимый моментъ въ нормальномъ теченіи процесса, что отсутствіе его вызываетъ всегда протестъ обвиняемыхъ (Акты юго-западной Россіи, VIII, 19: извѣтная челобитная іеромонаха Анатолія); средства и пріемы „сыска“ вторая глава, впрочемъ, оставляетъ безъ подробныхъ опредѣленій; послѣднія сгруппированы, правда, въ одной изъ самыхъ содержательныхъ главъ Уложенія (гл. XXI-я: о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ), но она не можетъ дать представленія объ особенностяхъ политическаго розыска, которыми, несомнѣнно, осложнилась его общая организація въ богатой практикѣ „государевыхъ дѣлъ“ XVII вѣка, и особенности эти приходится изучать по самой этой практикѣ, въ ея отрывочныхъ слѣдахъ и неполныхъ документахъ. Наконецъ, за „сыскомъ“ слѣдуетъ приговоръ, что на московскомъ языкѣ именуется—„указъ учинить“; приговоръ могъ быть не только обвинительнымъ или оправдательнымъ—два исхода, единственно возможные въ нашемъ процессѣ — но мыслимъ былъ и третій родъ приговора, скрывающійся въ Уложеніи подъ неопредѣленной формулой: „указъ учинить по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ“ (II, 12).

Всѣ три стадіи, въ которыхъ замыкается движеніе политическаго процесса, объединены между собой *необхо-*

димой связью. „Извѣтъ“ предшествуетъ „сыску“ и его опредѣляетъ; извѣтчикъ изображаетъ преступленіе и приводитъ доказательства; стало-быть, извѣтной челобитной опредѣляется направленіе „сыска“ въ данномъ дѣлѣ, его средства, границы и цѣли. Эта связь извѣта съ сыскомъ всюду подчеркивается въ Уложеніи: „по извѣту сыщется“, „противъ извѣту сыскивать“—неоднажды повторяетъ законодатель (II, 1, 2, 12, 16, 17, 22). Приговоръ же слѣдуетъ за „сыскомъ“ и основывается на его результатахъ; эта процессульная связь выражается Уложеніемъ въ такихъ оборотахъ: „да будетъ про него сыщется допряма, и ему указъ учинить“ или „по сыску такому указъ учинить, казнить смертью“ (ibidem).

Отъ этихъ общихъ началъ, отъ этой стройной послѣдовательности трехъ основныхъ моментовъ политическаго разбирательства вторая глава допускаетъ одно важное уклоненіе, формулированное въ ст. 12: „А будетъ кто на кого учнетъ извѣщати великое государево дѣло, а свидѣтелей на тотъ свой извѣтъ никого не поставитъ, и ни чимъ не уличитъ, и сыскати про такое государево великое дѣло будетъ нѣчимъ: и про такое великое дѣло указъ учинить по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ“. Съ этой статьей въ Уложеніе входитъ изъ XVI вѣка тотъ призракъ произвольной, лишь на подозрѣніяхъ основанной расправы, который подъ суровыми руками Грознаго получилъ реальную форму жестокихъ казней и повальныхъ истребленій. Чтобы объяснить происхожденіе и смыслъ этой статьи, нужно обратить вниманіе на предусматриваемые Уложеніемъ возможные результаты политическаго извѣта. Если извѣтчикъ сопровождалъ свой извѣтъ ссылкой на доказательства, то Уложеніе допускаетъ одинъ изъ двухъ исходовъ: доказательства, представленныя извѣтчикомъ, подтвердили справедливость извѣта—тогда обвиняемому чинится указъ по Уложенію; если же доказательства, на которыя онъ ссылался, не подтвердили его извѣта, а контръ-доказательства, представленныя обвиняемымъ, изобличили извѣтчика во лжи—тогда наказывается извѣтчикъ за то, что „затѣялъ напрасно“ (II, 17); въ обоихъ случаяхъ исходъ дѣла представляется яснымъ и безспорнымъ. Но если извѣтчикъ не приводилъ вообще никакихъ доказательствъ, ограничившись голословнымъ заявленіемъ, тогда могло сло-

житься такое положеніе дѣла: обвиняемый упорно стоялъ на своей невиновности, но не располагалъ средствами изобличить извѣтчика во лжи; а извѣтчикъ, въ свою очередь, поддерживалъ свой извѣтъ, но не подкрѣплялъ его никакими доказательствами; нельзя наказать по всей строгости обвиняемаго, такъ какъ онъ не изобличенъ въ преступленіи; но нельзя покарать и извѣтчика, такъ какъ онъ не изобличенъ въ затѣйномъ извѣтѣ. Такими положеніями пестритъ московская практика государевыхъ дѣлъ: доноситель, напримѣръ, утверждаетъ, что онъ слышалъ отъ обвиняемаго „невмѣстимое слово" на великаго государя, но онъ, обвиняемый, сказалъ ему это слово „наодинѣ" [1]). Самымъ естественнымъ выходомъ при такомъ положеніи сторонъ было бы оправданіе обвиняемаго. Но Уложеніе, по политическимъ и полицейскимъ соображеніямъ, предпочитаетъ оставить просторъ усмотрѣнію. При этомъ неопредѣленность формулы—„учинить указъ по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ"—отнюдь не исключаетъ возможности примѣнить карательную угрозу. Такъ можно заключить изъ сопоставленія ст. 12 со слѣдующей за ней, гдѣ сказано, что бездоказательному извѣту, сдѣланному холопомъ или крестьяниномъ противъ господина, „не вѣрить" (ст. 13); слѣдовательно, если бездоказательный извѣтъ принесенъ не холопомъ и не крестьяниномъ или не противъ того, отъ кого холопъ и крестьянинъ зависитъ,—то онъ можетъ имѣть для обвиняемаго карательныя послѣдствія. Такимъ образомъ, кромѣ „указа по сыску", т.-е. нормальной формы приговора, вторая глава Уложенія вводитъ еще „указъ по разсмотрѣнію", т.-е. приговоръ, которому не предшествуетъ „сыскъ".

Впрочемъ, сыскныя дѣйствія не безусловно отсутствуютъ въ такихъ процессуальныхъ положеніяхъ. Очная ставка во всякомъ случаѣ должна быть устроена, такъ какъ обязательность ея при всѣхъ условіяхъ прямо утверждается Уложеніемъ; да и въ ст. 12, описывающей эту форму „указа по разсмотрѣнію", содержится указаніе на

---

[1]) Въ 1645 году „привели въ стрѣлецкій приказъ караульные стрѣльцы человѣка Пушкина Ивашку Ушакова, который пришелъ къ нимъ пьяный и сказалъ за собой государево великое дѣло: говорилъ-де бояринъ его Пушкинъ, что великій государь учинился на московскомъ государствѣ не по ихъ выбору, и то непристойное слово онъ съ нимъ, Ивашкой, говорилъ наединѣ". Акты московскаго государства, II, 167.

очную ставку въ словахъ „будетъ онъ (извѣтчикъ) ничѣмъ его не уличитъ“—уличеніе же есть аттрибутъ очной ставки. А практика дополняла очную ставку „разспросами“ всякаго рода до „распроса и пытки“ включительно, т. е. допроса, предшествующаго пыткѣ, но сопровождаемаго угрозами пытки (Архивъ Калачова, 1859, III, 31; Русская историческая библіотека, II, 176).

Въ дѣлахъ не-политическихъ Уложеніе въ одномъ только случаѣ допускаетъ такое исключительное разбирательство—приговоръ безъ „сыска“: кто вопреки государеву указу возьметъ со служилаго человѣка мытъ, перевозъ или мостовщину, на томъ „*по сказкѣ*“ того служилаго человѣка доправить взятое втрое да ему же учинить наказанье — бить кнутомъ [1]). Въ процессѣ по „разбойнымъ и татинымъ дѣламъ“ законодатель со всѣмъ не предусматриваетъ такого положенія, когда „сыскать было бы нѣчимъ“ и приходилось бы указъ учинить не по сыску, а по „разсмотрѣнію“; это объясняется тѣмъ, что въ тяжкихъ обще-уголовныхъ преступленіяхъ, по Уложенію, совсѣмъ не пріемлется извѣтъ, не сопровождаемый доказательствами, и не имѣетъ для того, противъ кого онъ направленъ, никакихъ уголовныхъ послѣдствій: если челобитчикъ, приведя кого съ поличнымъ, не учнетъ вскорѣ искать и челомъ бить объ указѣ, то ему черезъ двѣ недѣли отказывать и приведеннаго съ поличнымъ человѣка освобождать (XXI, 30); обвиненіе въ порядкѣ розыскного процесса по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ оставляется безъ послѣдствій также въ томъ случаѣ, если челобитчикъ не сослался на поличное, на язычную молку или на лихованный обыскъ (XXI, 49). Въ сферѣ гражданскихъ правонарушеній, разбираемыхъ „судомъ“, (что отнюдь не исключаетъ элементовъ „сыска“), Уложеніе въ десятой главѣ предусматриваетъ такой случай, когда „сыскать нѣчимъ“, и ставитъ исходъ дѣла въ зависимость отъ крестнаго цѣлованія: если служилый человѣкъ, будучи на госуда-

---

[1]) IX, 2. Въ другомъ случаѣ Уложеніе допускаетъ присужденіе убытковъ „по сказкѣ“, но при томъ условіи, чтобы самый фактъ, изъ котораго проистекаетъ обязанность возмѣстить убытки, былъ установленъ „по суду и по сыску“: „кто у кого въ саду съ яблоней яблока ощиплетъ насильствомъ или ночью покрадетъ, и съ суда сыщется про то допряма—и на немъ взять истцу убытки по его сказкѣ“ (X, 221).

ревѣ службѣ въ полку или въ городѣ, отдалъ свою рухлядь на сохраненіе тѣмъ людямъ, у кого онъ стоялъ, то ему на тѣхъ людей судъ давать и безъ письма, а что по суду и по сыску доведется взяти, то на отвѣтчикахъ доправить и отдать истцу; „а будетъ сыскать нечѣмъ, и въ томъ истцу съ отвѣтчикомъ дать вѣра—крестное цѣлованіе (X, 190). Другой случай, почти аналогичный этому, знаменателенъ тѣмъ, что законодатель, ставя исходъ гражданской тяжбы въ зависимость отъ крестнаго цѣлованія, въ категорическихъ, однако же, словахъ, освобождаетъ отвѣтчика отъ всякихъ *уголовныхъ послѣдствій* по этому дѣлу: „будетъ кто нибудь на государевѣ или на вотчинниковѣ или на помѣщиковѣ землѣ писцовую межу испортитъ... а по суду и по сыску про то сыщется допряма, и тѣхъ людей на спорныхъ межахъ бити кнутьемъ нещадно и, бивъ кнутомъ, вкинути въ тюрьму на недѣлю; а *будетъ про такое дѣло сыскать будетъ нечѣмъ, и въ томъ учинити вѣра—крестное цѣлованіе*, и будетъ въ томъ дѣлѣ крестъ поцѣлуетъ истецъ, и ему велѣти на отвѣтчикѣ за всякую грань доправить по пяти рублевъ, *а наказаніе ему не чинити*“ (Уложеніе, X, 231 — 232). Между тѣмъ, въ главѣ второй законодатель, изображая случай, когда въ политическомъ обвиненіи „сыскать нѣчимъ“, не устанавливаетъ такого опредѣленнаго результата, а прибѣгаетъ къ туманной формулѣ: „учинить указъ по разсмотрѣнію, какъ государь укажетъ“,—оставляя такимъ образомъ затушеванную возможность для суровыхъ, можетъ-быть, карательныхъ послѣдствій...

Но какъ бы то ни было, приговоръ безъ „сыска“ есть только исключеніе, устанавливаемое второй главой на тотъ случай, когда не представлены доказательства и, стало быть, „сыскать нѣчимъ“. Этимъ косвенно подтверждается то основное правило, что всякій разъ, какъ доказательства указаны, политическое обвиненіе обязательно провѣряется „сыскомъ“; даже совершенная очевидность преступленія и преступника не упраздняетъ необходимости „сыска“ (III, 2: „*тутъ же изымаючи* его и не отпускаючи про тотъ его бой *сыскать*“). Такимъ образомъ, нормальный ходъ политическаго судопроизводства включаетъ въ себя, какъ было сказано, три существенныхъ момента: а) извѣтъ, б) сыскъ и в) приговоръ.

Устанавливая эти три фазиса политическаго процес-

са и необходимую связь между ними, Уложеніе выводило политическую расправу на путь закономѣрнаго политическаго суда; этимъ московскій кодексъ осуществлялъ ту самую задачу, которой служили (хотя бы отчасти) ограничительныя записи Смутнаго времени. Если фазисы политическаго процесса, описываемые во второй главѣ (извѣтъ, сыскъ и приговоръ), совпадаютъ съ основными моментами разбирательства по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, описаннаго въ XXI главѣ, то отсюда никакъ нельзя заключить, что „вся процедура политическаго преслѣдованія и суда ничѣмъ не отличалась отъ обычнаго порядка преслѣдованія вообще всѣхъ лихихъ людей ни отъ общаго производства губныхъ дѣлъ „Юридическій вѣстникъ, 1880, XI, 335). Различіе заключалось прежде всего въ неодинаковомъ значеніи каждаго изъ основныхъ моментовъ, характеризующихъ процессъ политическій и процессъ общеуголовный: въ послѣднемъ, напримѣръ, извѣтъ далеко не играетъ той исключительной роли, какая приписывается ему второй главой Уложенія; XXI глава Уложенія не упоминаетъ объ извѣтѣ, какъ о поводѣ къ возбужденію уголовнаго обвиненія, а вторая глава, наоборотъ, не знаетъ иныхъ поводовъ, кромѣ извѣта; „сыскъ“, составляющій истинную душу процесса по разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ, утрачиваетъ долю такого значенія въ процессѣ политическомъ, такъ какъ вторая глава, сохраняя за нимъ значеніе момента существеннаго и важнаго, предусматриваетъ все-таки знаменательное исключеніе, когда приговоръ произносится безъ предварительнаго „сыска“ (см. выше); самые пріемы сыска характеризуются въ процессѣ политическомъ обязательностью очной ставки извѣтчика съ обвиняемымъ, а въ процессѣ разбойно-татебномъ очная ставка представляетъ элементъ случайный и второстепенный. Такимъ образомъ, при совпаденіи основныхъ фазисовъ судопроизводства, описаннаго въ XXI главѣ, и судопроизводства, очерченнаго въ главѣ второй, отдѣльнымъ процессуальнымъ моментамъ каждаго изъ нихъ свойственно неодинаковое значеніе. Что законодатель не отождествляетъ этихъ двухъ формъ судопроизводства, видно хотя бы изъ того, что постановленія, къ нимъ относящіяся обособлены въ двухъ различныхъ главахъ.

Но и помимо законодательныхъ опредѣленій, обиль-

ная практика политическихъ дѣлъ создавала благопріятную почву для углубленія и поселенія существенныхъ различій между двумя формами розыскного процесса. Уложеніе намѣтило только общіе контуры политическаго суда, занесло во вторую главу лишь такія общія нормы, которыя настойчиво подсказывались голосомъ общественнаго мнѣнія, памятью о недавнихъ „записяхъ“ да, можетъ-быть, таинственнымъ обязательствомъ царя Михаила. Практика „государевыхъ дѣлъ“ заполняла пробѣлы, оставленные законодателемъ, вкладывала *свое* содержаніе въ начала, имъ провозглашенныя, конструировала *по-своему* институты, имъ намѣченные. Поэтому извѣтъ, сыскъ и приговоръ—три едва очерченныхъ законодателемъ фазиса политическаго судопроизводства—получили на практикѣ своеобразныя очертанія, яркіе характерные признаки, которыми они рѣзко обособляются отъ соотвѣтствующихъ имъ моментовъ процесса общеуголовнаго.

Изъ всего сказаннаго подчеркнемъ двѣ основныхъ мысли: 1) въ эпоху Уложенія можно говорить о политическомъ *судѣ*, такъ какъ Уложеніе установило нормы этого суда, сосредоточивъ ихъ въ особой главѣ; 2) и нормы эти, по мысли законодателя и по духу практики, не могли совпадать съ нормами процесса общеуголовнаго [1]).

IV.

Дозволенное самоуправство въ преслѣдованіи политическихъ преступленій.

Итакъ, были установлены нормы политическаго суда. Но судъ, регламентированный закономъ, ни въ какомъ кодексѣ не исключаетъ въ полной мѣрѣ самоуправства; а судъ политическій, для котораго Уложеніе царя Алексѣя было только первымъ опытомъ законодательной регламентаціи, не долженъ исключать его тѣмъ болѣе. Подъ самоуправствомъ мы понимаемъ вмѣшательство *частныхъ лицъ* въ розыскную и карательную дѣятельность власти надъ политическими обвиняемыми, при

[1]) Подробному выясненію различій и особенностей процесса политическаго на основаніи изученія практики „государевыхъ дѣлъ“ будетъ нами посвящена отдѣльная статья.

чемъ насъ интересуетъ, разумѣется, не самоуправство, какъ преступленіе, какъ дѣятельность наказуемая, а самоуправство, терпимое и поощряемое властью, самоуправство, дозволенное и регламентированное закономъ.

Наиболѣе слабой формой такого самоуправства является *задержаніе* человѣка, подозрѣваемаго въ политическомъ преступленіи, задержаніе, происходящее безъ участія органовъ власти и предшествующее, обыкновенно, всякимъ розыскнымъ дѣйствіямъ. Такое задержаніе, согласно подкрестнымъ записямъ XVII вѣка, составляло общую обязанность всѣхъ подданныхъ московскаго государя, присягавшихъ на томъ, что имъ „измѣнниковъ имать и приводить къ государю"; но Уложеніемъ оно санкціонируется лишь въ двухъ случаяхъ. На помѣщикахъ и вотчинникахъ пограничныхъ городовъ лежитъ обязанность „людей своихъ и крестьянъ приводить" въ съѣзжую избу къ воеводамъ, если они „почаютъ въ нихъ какое дурно или измѣну". VI, 6. Основаніемъ этой обязанности служитъ принадлежащая помѣщику господская власть надъ холопами и нѣкоторая полицейская власть надъ живущими за нимъ крестьянами; эта же власть обезпечиваетъ помѣщику и вотчиннику фактическую возможность во-время задержать и „привести" своего холопа или крестьянина. Почему законодатель пріурочиваетъ эту обязанность къ порубежнымъ городамъ? это объясняется слѣдующими соображеніями: а) близость границы обезпечивала всякому, чающему измѣнный умыселъ, быструю и легкую возможность скрыться отъ судебнаго преслѣдованія; поэтому въ случаѣ возникшихъ подозрѣній важенъ былъ не столько извѣтъ, сколько немедленное задержаніе; б) жителямъ пограничныхъ мѣстностей „для того, что они съ литовскими и нѣмецкими людьми живутъ смежно", разрѣшенъ былъ, по Уложенію, свободный, безъ проѣзжей грамоты, переходъ черезъ рубежъ [1]); заурядность и многочисленность

---

[1]) „А которыхъ порубежныхъ городовъ въ уѣздехъ государевы дворцовыя села и черныя волости и всякихъ чиновъ людей вотчины и помѣстья сошлися съ литовскими и нѣмецкими порубежными землями... а государевыхъ дворцовыхъ и черныхъ волостей крестьяне и помѣщики и вотчинники и ихъ люди и крестьяне черезъ тѣ порубежныя земли ѣздятъ изъ города въ городъ безъ проѣзжихъ грамотъ,—и имъ того въ вину не ставити для того, что они съ литовскими и съ нѣмецкими порубежными людьми живутъ смежно". Уложеніе, VI, 5.

такихъ переходовъ, облегчавшая исполненіе измѣнныхъ умысловъ, требовала поэтому особеннаго наблюденія и немедленной провѣрки каждаго подозрительнаго случая; в) наконецъ, исполненіемъ этой обязанности—„приводить людей и крестьянъ“ — пограничный помѣщикъ освобождалъ себя отъ тѣхъ подозрѣній, которыя неукоснительно обращало противъ него московское правительство въ такихъ случаяхъ, когда его холопъ или крестьянинъ благополучно отъѣзжалъ за рубежъ; такъ какъ среди служилыхъ людей пограничныхъ городовъ не рѣдкостью былъ отъѣздъ на службу въ Польшу и Литву и всякія „ссылки“ съ государевыми недругами, то въ удачномъ бѣгствѣ холопа за рубежъ правительство московское всегда склонно было усматривать симптомы измѣнныхъ умысловъ самого господина. По этимъ соображеніямъ общая всѣмъ людямъ московскаго государства обязанность „извѣщать“ властямъ объ измѣнѣ и о зломъ умыслѣ на царское величество осложнялась для пограничныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ обязанностью задерживать и передавать въ распоряженіе власти людей, отъ нихъ зависимыхъ, если они почаютъ въ нихъ измѣнный умыселъ (VI, 6). Съ этой статьей Уложенія въ точности совпадаетъ и практика, Уложенію предшествовавшая (Акты московскаго государства, I, 271). Между тѣмъ по общимъ уголовнымъ преступленіямъ на помѣщикахъ и вотчинникахъ не лежала такая обязанность: даже въ томъ случаѣ, если бы на ихъ „людей и дворниковъ языки говорили въ разбоѣ и татьбѣ“, они обязаны были, не представляя ихъ въ губу, дать на себя лишь поручную запись, что имъ тѣхъ людей и дворниковъ поставить къ языкамъ на очную ставку [1]).

Въ случаѣ бѣгства измѣнника Уложеніе предусматриваетъ возможность его „поиманія“ частными лицами, но не для расправы по своему усмотрѣнію, а чтобы

---

[1]) Уложеніе, XXI, 45. Сибирскимъ ясачнымъ инородцамъ, за благонадежностью которыхъ трудно было установить дѣйствительный и постоянный надзоръ, правительство московское также стремилось навязать обязанность „имать и приводить“: „сказать ленскимъ ясачнымъ людямъ, чтобъ они, въ комъ почаютъ шатость и воровство, не укрывали, а имая приводили къ воеводѣ“. Дополненія къ актамъ историческимъ, IV, 155. Табунуцкіе саиты и улусные люди, перешедшіе въ подданство Россіи въ 1689 году, обязаны были по договору о подданствѣ „хватать“ тѣхъ, въ комъ „свѣдаютъ измѣнный умыселъ или о воинскихъ поведеній скопъ“. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV 598.

„привести къ государю“. Впрочемъ, право „поиманія“ не обращается Уложеніемъ въ обязанность, хотя поощряется наградой: „кто измѣнника, поимавъ, приведетъ къ государю, тому дати изъ его животовъ государево жалованье, что государь укажетъ“ (II, 15). Поимка измѣнника предусматривалась въ подкрестныхъ записяхъ первой половины XVII вѣка и обставлялась въ нихъ такими условіями: „у кого послышу какое лихое дѣло и умышленье и ссылку, чтобы иного государя хотѣти и обрати, и мнѣ такого лихого человѣка не покрыти и его поимати и приводити къ бояромъ и воеводомъ и къ приказнымъ людямъ, а не будетъ моей силы его поимати, на него извѣщать бояромъ и воеводамъ“ (Дополненія къ актамъ историческимъ, II, 1). Въ этомъ пунктѣ обнаруживается знаменательная разница между Уложеніемъ и крестоцѣловальными записями: въ послѣднихъ выдвигается на первый планъ обязанность „поимать и приводить“ измѣнниковъ и только при невозможности поймать наступаетъ обязанность „извѣщать“; а Уложеніе—наоборотъ—ставя всюду предѣлы самоуправства, подчеркиваетъ и выдвигаетъ на первое мѣсто обязанность *извѣта* (распространяя ее на всѣ политическія преступленія, угрожая за неисполненіе ея суровымъ наказаніемъ), а „поиманію“ измѣнника отводитъ лишь значеніе права поощряемаго, но не общей и непремѣнной обязанности.

Поощреніе поимки выражалось въ „государевомъ жалованьи“, источникомъ котораго Уложеніе признаетъ „животы“ захваченнаго измѣнника, а практика расточаетъ это „жалованье“ въ весьма разнообразныхъ формахъ и размѣрахъ: такъ, встрѣчаемъ награду поимщикамъ—„изъ пошлиныхъ денегъ съ судныхъ дѣлъ два рубля“ (Акты московскаго государства, I, 171); примѣнялось также назначеніе опредѣленной денежной суммы въ государевыхъ грамотахъ о бѣгствѣ важныхъ преступниковъ (Русская историч. библіотека, II, 981); а иногда, наоборотъ, эти грамоты ограничивались неопредѣленнымъ посуломъ „милости и жалованья великаго государя“ (Акты археографической экспедиціи, III, 396). Но во всѣхъ этихъ случаяхъ выдача награды обставлялась условіемъ не „поиманія“ только, а „поиманія и привода“, т.-е. отъ поимщиковъ требовалась немедленная пе-

редача задержаннаго въ распоряженіе правительственной власти.

Любопытно, наконецъ, отмѣтить права, выговоренныя малороссійской старшиной въ случаѣ политическаго преступленія гетмана: „буде гетманъ какую проступку учинить, *опричь измѣны*, и его безъ указа великаго государя не перемѣнять; а укажетъ великій государь сыскать, и по сыску указъ учинить по ихъ праву“ (Полное собраніе законовъ, I, 815). Отсюда слѣдуетъ, что въ случаѣ измѣны гетмана или, лучше сказать, по подозрѣнію въ измѣнѣ онъ можетъ быть смѣщенъ съ должности самоуправнымъ дѣйствіемъ малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ. Этотъ пунктъ повторенъ и въ переяславскихъ статьяхъ 1674 года. Въ реальной обстановкѣ, при которой осуществляется это право, смѣщеніе съ должности дополняется немедленнымъ заарестованіемъ гетмана по произволу тѣхъ же чиновъ: въ 1672 году „обозный и судьи генеральные войска запорожскаго, остерегаючи своей присяги, абы за однымъ его измѣнникомъ не розливалася кровь, у середу средь полночи“ взяли подъ стражу гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, который „до турецкаго султана хотѣлъ поддаться“ [1]).

Болѣе рѣзкой формой самоуправства представляется внѣ-судебный захватъ частными лицами движимаго имущества политическаго осужденнаго или политическаго обвиняемаго. Это захватное право было введено, повидимому, какъ случайная мѣра, въ годы, предшествовавшіе Уложенію. Отъ 1639 года сохранилось слѣдующее любопытное дѣло, напечатанное въ Актахъ московскаго государства (II, 111): привели двое дѣтей боярскихъ въ съѣзжую избу бѣглаго мужика — пишетъ брянскій воевода въ разрядъ — и сказали, что поимали его на литовскомъ рубежѣ съ женой и дѣтьми; и я велѣлъ мужика передъ собою распросить, какъ зовутъ, изъ-за кого бѣжитъ, куда идетъ; а мужикъ сказалъ, что онъ бѣглый, побѣжалъ было за рубежъ, а близъ рубежа изымали его

---

[1]) Однако, въ 1687 году малороссійская старшина вынуждена уже практиковать другой порядокъ: „Били намъ челомъ запорожскіе старшины въ измѣнѣ и во многомъ неистовствѣ къ намъ, великому государю, гетмана Самойловича; и по тому ихъ челобитью мы, великій государь, указали — буде онъ имъ негоденъ, войсковые клейноды отобрать и послать его въ наши великороссійскіе городы за крѣпкой сторожей“. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, IV, 542.

эти двое и ограбили; и я велѣлъ тѣхъ дѣтей боярскихъ съ очей на очи поставить и распросить, имали ль они тѣ его животы; дѣти боярскія повинились, и я велѣлъ мужика вкинуть въ тюрьму до твоего государева указу... Помѣта: государь указалъ—мужика съ женой прислать къ Москвѣ, а что дѣти боярскія, которые животы взяли и въ томъ они не виноваты, *и впередъ кто побѣжитъ, а кто его поймаетъ, тому и животы*". Изъ этого отрывка можно усмотрѣть, 1) что произвольный захватъ животовъ человѣка, заподозрѣннаго въ измѣнѣ, не представлялся воеводѣ дѣломъ законнымъ, такъ какъ онъ началъ сыскъ по челобитью ограбленнаго мужика и допрашивалъ о томъ дѣтей боярскихъ съ очей на очи; 2) что, однакоже, такой *захватъ былъ узаконенъ* общей нормой, высказанной въ государевомъ указѣ по этому дѣлу— „впредь кто побѣжитъ, а кто его поймаетъ, тому и животы". Эта захватная практика рѣзко противорѣчила интересамъ казны, въ пользу которой должны были поступать животы осужденнаго измѣнника, составлявшіе предметъ конфискаціи (II, 5); поэтому Уложеніе внесло въ эту практику существенныя измѣненія: захватъ измѣнничьихъ животовъ оно преобразовало въ выдачу ихъ тому, кто измѣнника поймаетъ и приведетъ къ государю, а самый размѣръ выдачи поставило въ зависимость отъ „государева жалованья"; такимъ образомъ, въ переходѣ движимыхъ имуществъ отъ политическаго осужденнаго къ поимщику утратился характеръ произвола и самоуправства.

Но самымъ важнымъ и рѣзкимъ проявленіемъ самоуправства въ сферѣ преслѣдованія политическихъ преступленій представляется *право убить* бѣжавшаго измѣнника, устанавливаемое цитированной уже нами ст. 15 второй главы: „будетъ кто измѣнника, догнавъ на дорогѣ, убьетъ... тому дати государево жалованье изъ его животовъ, что государь укажетъ". На этой статьѣ не однажды останавливалось вниманіе изслѣдователей, подступавшихъ къ Уложенію съ проблемами уголовнаго права, и первый же вопросъ, который вставалъ передъ изслѣдователемъ, былъ *вопросъ объ основаніи*, на которомъ опирается это суровое право. Одни пытались объяснить его ссылкой на то, что „измѣнникъ лишался общаго покровительства законовъ" (Линовскій, изслѣдованіе началъ уго-

ловнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича). Но московскому праву неизвѣстно такое состояніе — лишеніе покровительства законовъ, и въ источникахъ той эпохи нельзя отыскать слѣдовъ понятія, выражаемаго этими словами; къ тому же, Уложеніе оправдываетъ убійство измѣнника лишь въ томъ случаѣ, если оно происходитъ въ погонѣ, „на дорогѣ", а убійство измѣнника, уже захваченнаго, обсуждается и разсматривается, какъ преступленіе (см. ниже); слѣдовательно, личность измѣнника не безусловно „лишается покровительства законовъ". Другіе объясняютъ эту форму узаконеннаго самоуправства слѣдующимъ соображеніемъ: преступленіе измѣны, „по составу своему нарушая разомъ право цѣлаго общества, нарушаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право каждаго отдѣльнаго гражданина... отсюда какъ для перваго, такъ чрезъ посредство его и для послѣднихъ образуется противъ преступника состояніе необходимой обороны, гдѣ дозволяется отражать нападеніе всѣми средствами" (Колосовскій, вмѣненіе смертоубійства по Уложенію, въ Архивѣ Калачова, 1859, III, 97). Но оцѣнивая это разсужденіе опять-таки съ точки зрѣнія его соотвѣтствія духу и постановленіямъ московскаго права, приходится сопоставить его съ тѣмъ, что измѣна въ Уложеніи выступаетъ исключительно, какъ измѣна Великому государю, какъ нарушеніе государевыхъ интересовъ (сдача государевыхъ городовъ, помощь государеву недругу, отъѣздъ на службу къ иному государю); притомъ же, „состояніемъ необходимой обороны" оправдывается лишь убійство измѣнника нападающаго, а разбираемая статья Уложенія не содержитъ такой оговорки. Но сверхъ того, оба эти предположенія не могутъ быть приняты потому, что ими оставляется безъ объясненія самая характерная и своеобразная черта, которую вплетаетъ въ этотъ видъ суроваго самоуправства московскій законодатель XVII вѣка: убійство измѣнника объявляется въ Уложеніи не только дѣяніемъ ненаказумымъ, но и подвигомъ поощряемымъ, такъ какъ за исполненіе его выдается государево жалованье; притомъ статья, узаконяющая это право, формулирована такъ, что моментъ поощренія выдвинутъ въ ней на первый планъ, а самое право на убійство задѣвается лишь вскользь и именно по поводу награды: „кто убьетъ, тому дати государево жало-

ванье изъ животовъ". Ближе къ истинѣ можно считать такое объясненіе, которое связываетъ законность этой расправы съ отсутствіемъ „общественной власти" и съ наличностью „исключительныхъ обстоятельствъ": „частная расправа"—говоритъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, уже однажды нами цитированный—„допускается въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, которые находятся внѣ круга общественной власти... въ настоящемъ случаѣ это можетъ произойти при бѣгствѣ измѣнника" (Колосовскій, тамъ же). Этимъ объясненіемъ, однако, не все еще сказано, такъ какъ непонятно, почему право лица, случайно замѣняющаго общественную власть, доходитъ до права убить. Поэтому, въ концѣ концовъ, наиболѣе пріемлемое объясненіе заключается въ мысли, высказанной Чебышевымъ-Дмитріевымъ: „право убивать измѣнника основывается на томъ же, на чемъ и право убивать вора", а послѣднее допускается Уложеніемъ по тому расчету, чтобы „воръ не скрылся и этимъ не избѣжалъ наказанія" (Ученыя записки Казанскаго университета, 1862, I, 236). Возводя это положеніе къ болѣе общему принципу, приходимъ къ выводу, что настоящимъ основаніемъ права убить измѣнника является *государственный интересъ или государственная необходимость*, обусловленная исключительными обстоятельствами: а) человѣкъ, за которымъ предполагаются или признаны враждебныя интересамъ государства намѣренія, находится въ такомъ состояніи, что легко можетъ ускользнуть отъ власти; б) отсюда возникаетъ необходимость, ради государственныхъ интересовъ, обезвредить его какимъ бы то ни было способомъ; в) между тѣмъ нѣтъ на-лицо органа власти, законно къ тому управомоченнаго. Такимъ образомъ, лицо, случайно замѣняющее власть дѣйствуетъ въ государственномъ интересѣ, оказываетъ услугу государству, а не просто убиваетъ человѣка, „лишеннаго покровительства законовъ"; этимъ объясняется и награда, выдаваемая ему государственной властью [1]).

Любопытно сопоставить разбираемую статью Уложе-

---

[1]) Правительство „цѣнитъ въ частномъ человѣкѣ особенную тонкость сочувствія къ государственному началу и живое участіе въ предупрежденіи общественной опасности, съ другой стороны... опредѣляетъ награду въ видахъ политической цѣли". Колосовскій, Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію, въ Архивѣ Калачова, 1859, III, 98.

нія съ крестоцѣловальными записями начала XVII вѣка: въ нихъ содержалась обязанность „*биться съ измѣнники*“ (Памятники исторіи смутнаго времени, 19; Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, III, 421 и 15); Уложеніе упоминаетъ о правѣ „*убить измѣнника*“, но не превращаетъ это право въ обязанность. Однако историческая связь его съ обязанностью проявляется въ томъ, что осуществленіе этого права покровительствуется и и поощряется властью.

Впрочемъ, это самоуправство надъ жизнью политическаго преступника санкціонируется Уложеніемъ не безусловно; въ самомъ кодексѣ и въ московской практикѣ, къ нему примыкавшей, можно уловить два основныхъ условія, ограничивавшихъ это суровое право: одно относится къ обстановкѣ убійства, другое—къ самой личности убиваемаго.

а. Разрѣшается лишь убійство измѣнника, находящагося въ состояніи бѣгства: въ погонѣ, на дорогѣ—какъ выражается Уложеніе (II, 15). Убійство же измѣнника, уже захваченнаго, разсматривается какъ преступленіе—правда, не какъ преступленіе противъ жизни, а скорѣе какъ проступокъ по должности: въ 1676 году якутскій воевода приговорилъ — казака Стенку Лаврентьева бить кнутомъ на козлѣ за то, что онъ, будучи въ посылкѣ по измѣнниковъ, измѣнниковъ Байгу да Айгу, *поиманныхъ и связанныхъ*, безъ государева указу самовольствомъ убилъ до смерти“ (Дополненія къ актамъ историческимъ, VII, 24). Слѣдовательно, то, что было проявленіемъ дозволеннаго самоуправства во время преслѣдованія политическаго преступника, становится актомъ самоуправства наказуемаго, когда преслѣдованіе окончено. Впрочемъ, если грозила опасность упустить изъ рукъ важнаго политическаго преступника, уже благополучно захваченнаго, правительство московское не только не останавливалось передъ разрѣшеніемъ его убить, но прямо вмѣняло это въ обязанность: „Маринку съ сыномъ и Заруцкаго“—говорится въ наказной памяти 1614 года—„везти съ великимъ береженьемъ скованныхъ и остерегаться, чтобъ на нихъ воровскіе люди не пришли; а придутъ воровскіе люди и будетъ не подъ силу противъ нихъ стоять, Маринку съ выблядкомъ и Заруцкаго побить до смерти“ (Акты историческіе, III, 34). Впрочемъ этой инструкціей не

столько освѣщается самоуправная раздѣлка съ политическимъ преступникомъ, сколько дается низшимъ исполнительнымъ органамъ власти исключительное полномочіе, объясняемое важностью политическихъ преступниковъ, ими охраняемыхъ, и неспокойнымъ состояніемъ страны; исключительность этого полномочія слѣдуетъ изъ того, что, неоднократно повторяя въ позднѣйшіе годы и по самымъ различнымъ политическимъ дѣламъ инструкцію „везти съ великимъ береженьемъ", правительство ни разу, однако, не упоминаетъ о правѣ „побить до смерти".

б. Кого же, именно, разумѣетъ Уложеніе подъ „измѣнникомъ" въ этой статьѣ: преступника ли, уже изобличеннаго и осужденнаго, или человѣка, лишь подозрѣваемаго въ измѣнѣ? ст. 15-ая не даетъ прямого указанія на этотъ счетъ, но изъ сопоставленія ея со слѣдующей статьей той же главы можно сдѣлать такой выводъ: простое отсутствіе человѣка и неизвѣстность его пребыванія въ то время, когда противъ него заявленъ политическій извѣтъ, не должно, по мысли законодателя, служить оправданіемъ самоуправства, такъ какъ Уложеніе предписываетъ такого отсутствующаго обвиняемаго „сыскать и поставить съ извѣтчикомъ съ очей на очи" (II, 16); но неотысканіе его къ очной ставкѣ, нужно думать, разсматривалось, какъ укрывательство отъ суда и, стало-быть, какъ неопровержимое доказательство виновности. При такихъ условіяхъ едва-ли въ московской практикѣ требовалось ожидать формальнаго осужденія для того, чтобы безнаказанно использовать право, предоставленное 15-ой статьей. Аналогія съ убійствомъ вора, захваченнаго на мѣстѣ преступленія (XXI, 88), также подтверждаетъ этотъ выводъ: если даже по общимъ преступленіямъ Уложеніе столь рѣшительно допускаетъ расправу до приговора, то тѣмъ болѣе оно должно съ ней мириться въ сферѣ преступленій государственныхъ, гдѣ и полицейскія и политическія соображенія диктуютъ ему скорѣе снисходительность къ убійцѣ, чѣмъ строгую провѣрку его дѣйствій. Итакъ, объектомъ права, описаннаго въ ст. 15-ой, слѣдуетъ считать не только преступника, уже осужденнаго, но и человѣка, противъ котораго возникаетъ *основательное подозрѣніе* въ его виновности. Въ какомъ, именно, порядкѣ легализировалось совершаемое такимъ образомъ убійство и обязанъ ли былъ убившій

до приговора доказывать затѣмъ виновность убитаго— на эти вопросы Уложеніе не даетъ отвѣта ни прямого ни косвеннаго, а въ практикѣ московской, поскольку слѣды ея сохранились до нашихъ дней, намъ не посчастливилось отыскать случаевъ примѣненія этой статьи [1]).

Передъ нами имѣется, однако, документъ, на многіе годы предшествующій Уложенію Алексѣя Михайловича и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ рѣшительно и абсолютно запрещается всякое самоуправство до судебнаго рѣшенія. Это—приговоръ Ляпуновскаго ополченія отъ 30 іюня 1611 года, содержащій слѣдующее постановленіе: „Смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора бояромъ не по винѣ не казнити и по городомъ не ссылати; а кто учнетъ ходити скопомъ и заговоромъ и кто кого убьетъ до смерти по недружбѣ или на кого кто скажетъ какое измѣнное земское дѣло, — и про то сыскивать въ правду, а по сыску наказанье и смертная казнь чинить бояромъ, поговоря со всей землей: *а кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, и того самого казнить смертью*“ (Памятники исторіи смутнаго времени, 69). Итакъ, не только запрещается кровавое самоуправство до земскаго приговора, но и наказывается оно куда суровѣе, чѣмъ наказалъ якутскій воевода казака, прикончившаго съ измѣнниками. Это постановленіе, нужно думать, вызвано было бунтомъ, произволомъ и смутами, раздиравшими патріотическое ополченіе,—когда казачьи войска, входившія въ его составъ, подъ видомъ наказанія измѣнниковъ учиняли безпощадную расправу съ непопулярными начальными людьми.

Установивъ приблизительно то, что заключается въ ст. 15 второй главы, слѣдуетъ для исчерпывающей характеристики ея отмѣтить существеннѣйшее изъ того, чего въ ней не хватаетъ. Для этого полезно сопоставить ее, во-первыхъ, съ *Литовскимъ статутомъ*, гдѣ есть аналогичное постановленіе, и, во-вторыхъ, съ аналогичной же статьей Уложенія въ главѣ „о разбойныхъ и татебныхъ

---

[1]) „Подъ именемъ измѣнника разумѣется тотъ, кто признанъ таковымъ отъ правительства; въ противномъ случаѣ, если лицо не получило такой репутаціи по всеобщему убѣжденію, то само собой разумѣется, что поступившій съ нимъ какъ съ измѣнникомъ, долженъ доказать справедливость своего обвиненія“. Колосовскій, тамъ же, 97. Неизвѣстно, на чемъ авторъ основываетъ это послѣднее утвержденіе.

дѣлахъ". И Статутъ санкціонируетъ право убить измѣнника-бѣглеца, но безнаказанное осуществленіе его обставляетъ рядомъ существенныхъ оговорокъ: „кто измѣнника ловить пустился, тотъ долженъ въ первовстрѣтившемся судѣ учинить объявленіе, что онъ за таковымъ бѣглецомъ гонится"; убійца обязанъ доказать передъ судомъ „измѣнничій побѣгъ", а если не докажетъ, то самъ подвергается наказанію, какъ за ложный извѣтъ (Статутъ, 1811, раздѣлъ 1, артикулъ 7). Къ чести Статута нужно также отмѣтить, что онъ не устанавливаетъ соблазнительной награды убійцѣ „изъ животовъ" убитаго, а ограничивается неопредѣленнымъ посуломъ „милости государевой". Изслѣдуемая нами статья Уложенія не усвоила ни одного изъ этихъ постановленій. Это, впрочемъ, не должно вызывать удивленія, такъ какъ составители второй главы не ввели въ нее даже и тѣхъ постановленій, которыя они могли заимствовать изъ источника ближайшаго — изъ XXI-ой главы Уложенія. Сравненіе этихъ двухъ частей московскаго кодекса, изъ которыхъ одна посвящена „государевой чести", а другая—„разбойнымъ и татебнымъ дѣламъ", приводитъ къ очень поучительнымъ результатамъ. Прежде всего, въ XXI-ой главѣ провозглашается въ категорическихъ словахъ запретъ всякаго самосуда въ уголовныхъ дѣлахъ: кто сыщетъ у себя разбойниковъ, хотя бы они были его люди или крестьяне, и не представя ихъ къ сыску въ губу, *побьетъ*, тотъ лишается помѣстья, если онъ помѣстный человѣкъ, а если не помѣстный, подвергается наказанію кнутомъ и въ обоихъ случаяхъ платитъ исцовы иски (XXI, 79). Но при опредѣленныхъ условіяхъ законъ допускаетъ *самоуправство надъ уголовнымъ преступникомъ*, доходящее до такихъ же предѣловъ, какъ и въ главѣ второй—до права убійства. Уже внѣшнимъ сличеніемъ статьи, посвященной этому праву (XXI, 88), съ соотвѣтствующей статьей второй главы обнаруживается между ними знаменательное различіе: насколько послѣдняя лаконична и склонна отдѣлываться самыми общими опредѣленіями, настолько первая, наоборотъ, отличается многословностью и подробностью своихъ постановленій; стало-быть, законодатель, формулировавшій эту статью, относится къ праву внѣсудебнаго убійства куда съ большей осторожностью, чѣмъ онъ это дѣлаетъ во второй

главѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ статьи это наблюденіе вполнѣ подтверждается. Разрѣшая внѣ-судебное или до-судебное убійство „татя съ поличнымъ“, законъ устанавливаетъ при этомъ два ряда условій: одни относятся къ самой обстановкѣ самосуда, а другія—къ его судебной провѣркѣ. Можно убить татя съ поличнымъ „въ дому своемъ“; можно его убить и внѣ дома—„на дорогѣ или на полѣ или въ лѣсу“, но только при томъ условіи, если это происходитъ „въ погонѣ“, если въ погонѣ участвуютъ сторонніе люди и если, къ тому же, тать „изымати себя не дастъ и учнетъ дратися“. Послѣ убійства нужно „тотчасъ объявити окольнымъ людямъ и убитаго привезти въ приказъ къ запискѣ съ погонщики вмѣстѣ“; туда же должно быть доставлено и поличное. Очевидно, и окольные люди и погонщики должны въ приказѣ удостовѣрить наличность обстоятельствъ, оправдывающихъ убійство. Съ такой заботливостью и осторожностью регулируется Уложеніемъ самосудъ надъ татемъ, который захваченъ съ поличнымъ и въ которомъ законодатель предполагаетъ „вѣдомого лихого“; а самосудъ надъ человѣкомъ, лишь заподозрѣннымъ въ измѣнѣ (обыкновенно—не „вѣдомымъ лихимъ“), регулируется неясными и полными пробѣловъ постановленіями второй главы. Неясность и пробѣлы закона всегда являются источникомъ злоупотребленій, а если сюда пристегивается еще соблазнъ унаслѣдовать „животы“ убитаго, тогда злоупотребленія, при опредѣленныхъ культурныхъ и политическихъ условіяхъ, могутъ обратиться въ заурядное явленіе. Намъ, правда, не привелось среди документовъ, уже напечатанныхъ, и документовъ, только снятыхъ съ архивной полки, — натыкаться на случаи примѣненія ст. 15 второй главы; но это едва ли можно объяснить тѣмъ, что такихъ случаевъ было немного или не было совсѣмъ; вѣрнѣе предположить, что изъ нихъ „дѣлъ“ никакихъ не возникало, по которымъ историкъ могъ бы судить о послѣдствіяхъ этой законодательной мѣры. Выше мы разсказали о мужикѣ, у котораго дѣти боярскія ограбили животы, а потомъ привели къ воеводѣ, объяснивъ, что мужика они поймали на рубежѣ; воеводѣ такое объясненіе показалось подозрительнымъ, и онъ началъ сыскъ противъ дѣтей боярскихъ; между тѣмъ, въ схваткѣ съ ними му-

жикъ могъ потерять не только „животы“, но и жизнь, и съ нимъ бы исчезъ единственный свидѣтель грабежа и самоуправства; животы бы перешли благополучно во владѣніе дѣтей боярскихъ, а „дѣла“ никакого не возникло бы... Такая легкость поживы становилась опаснымъ соблазномъ въ порубежныхъ городахъ, при московской подозрительности, одно только намѣреніе переѣхать рубежъ разсматривалось если не всегда какъ измѣна, то всегда какъ убѣдительный симптомъ измѣны; поэтому тотъ, кто использовалъ право, предоставленное ст. 15-ой, и поживился около чужихъ животовъ, могъ бы не тратить много труда на обличеніе измѣнныхъ умысловъ убитаго; стоило только сослаться просто на то, что „застигъ его на рубежѣ, а онъ поимати себя не давалъ“...

Г. Г. Тельбергъ.

О порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей по русскому праву.

„Scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim ac potestatem“ (l. 17 D. 1. 3).

I.

Наслѣдованіе восходящихъ по закону регулировано въ кн. III т. X ч. I, въ Разд. II, Отдѣлѣ IV, озаглавленномъ: *„О порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей“*. Здѣсь мы встрѣчаемъ семь статей (1141—1147), изъ коихъ главными являются ст. 1141 и 1142,—въ нихъ мы находимъ разрѣшеніе вопроса о порядкѣ наслѣдованія въ линіи восходящей. Ст. 1143, касающаяся спеціально Черниговской и Полтавской губерній, содержитъ постановленія, въ общемъ соотвѣтствующія ст. 1141—1142. Прочія статьи (1144—1147) являются излишнимъ баластомъ, т. к. онѣ казуистично пересказываютъ мысль, высказанную уже въ стт. 1141—1142.

Интересующія насъ статьи гласятъ слѣдующее:

Ст. 1141: „Родители не наслѣдуютъ послѣ дѣтей ихъ въ пріобрѣтенномъ сими послѣдними имуществѣ; но если дѣти умрутъ бездѣтны, то таковыя имѣнія ихъ отдаются въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде оба въ живыхъ останутся, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ они во время пожизненнаго таковаго владѣнія продать, заложить и инымъ образомъ перевесть имѣнія никуда не могли“.

Ст. 1142: „Но когда имущество не самими дѣтьми пріобрѣтено, но уступлено сыну или дочери родителями при жизни сихъ послѣднихъ въ видѣ дара, и когда при томъ послѣ умершаго сына или дочери не осталось дѣтей, но токмо наслѣдники въ побочныхъ линіяхъ, то имуще-

ство такое, не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ, возвращается къ родителямъ, каждому то, что отъ кого было получено".

Подстатейныя ссылки указываютъ на П. С. З. 1823 іюня 14 (29511), 1827, іюля 18 (1250). Если мы обратимся къ этому историческому матеріалу, послужившему источникомъ стт. 1141—1142 т. X ч. I, мы найдемъ слѣдующее.

Въ 1823 г., по случаю сужденія объ двухъ частныхъ дѣлахъ (д. Угрюмовой и Псищевой и д. Муранова съ Чумашевымъ) Общее Собраніе Правительствующаго Сената подвергло разсмотрѣнію вопросъ: кому отдавать имѣніе послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей,—родителямъ или въ родъ? Выработанныя Правит. Сенатомъ положенія Государственный Совѣтъ призналъ правильными. Это мнѣніе было Высочайше утверждено 1823 г. іюня 14, и составило Высочайшій Указъ такого содержанія:

„Постановленіе, устраняющее родителей отъ наслѣдства послѣ дѣтей, не соотвѣтствуетъ болѣе настоящему времени..." (*По дѣлу Угрюмовой и Псищевой*)... „И посему согласно съ большинствомъ голосовъ Общаго Сената Собранія, по дѣлу Угрюмовой и Псищевой, необходимо должно, дабы впредь... принимаемо было за правило, возвращать родителямъ послѣ дѣтей ихъ, скончавшихся бездѣтно, тѣ имѣнія, кои родители ихъ при жизни имъ уступили, а благопріобрѣтенное имѣніе отдавать родителямъ на прожитокъ..." „Госуд. Совѣтъ... мнѣніемъ полагаетъ..., что хотя нѣтъ опредѣлительнаго закона о правѣ наслѣдованія въ восходящей линіи, и пріобрѣтенное имѣніе всегда отдается въ родъ, а не родителямъ умершаго; однакожъ въ случаѣ, когда имѣніе не есть пріобрѣтенное, но родовое, уступленное сыну или дочери родителями при жизни сихъ послѣднихъ, и могущее почитаться даромъ отъ нихъ дѣтямъ, и когда притомъ послѣ умершаго сына или дочери не осталось дѣтей, но токмо наслѣдники въ побочныхъ линіяхъ, то имѣніе сіе не въ видѣ наслѣдства, а яко даръ, должно быть возвращено къ родителямъ, отъ коихъ оно получено было..."

(*По дѣлу Муранова съ Чумашевымъ*). „Поелику въ законахъ нѣтъ постановленія о томъ, чтобъ имѣнія, остающіяся послѣ бездѣтно умершихъ, обращать по восходящей линіи къ родителямъ... А какъ отцы и матери по праву естественному суть ближайшіе всѣхъ прочихъ дѣтямъ родственники: то по разуму сихъ узаконеній, не удалены они отъ права наслѣдовать оставшимся послѣ умершихъ бездѣтно сыновей и дочерей имѣніями, и для того имѣнія, послѣ умершихъ бездѣтно сына или дочери оставшіяся, которыя получены ими были отъ отца или отъ матери, обращать на правѣ полнаго и законнаго наслѣдія къ отцу и къ матери, каждому то, что отъ кого умершимъ дано было; имѣнія же, благонажитыя умершими безпотомно дѣтьми, отдавать въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде обои въ живыхъ останутся..."

Въ 1827 г. на уваженіе Государственнаго Совѣта Высочайше внесенъ былъ вопросъ: распространяется ли положеніе 1823 года: „о наслѣдствѣ родителей послѣ умершихъ безпотомства дѣтей", на капиталы, въ разныя кредитныя установленія внесенные? Высочайше утвержденнымъ *18 іюля 1827 г.* мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено:

„Денежные капиталы, въ кредитныя установленія внесенные и въ оныхъ по смерти вкладчиковъ, бездѣтно умершихъ, безъ всякаго особеннаго съ ихъ стороны законнаго распоряженія оставшіеся, по требованію родителей и по предъявленіи отъ нихъ надлежащихъ судебныхъ свидѣтельствъ, обращаются въ полную ихъ собственность, если въ представленныхъ ими судебныхъ свидѣтельствахъ будетъ означено, что тѣ денежные капиталы признаны имъ принадлежащими и отъ нихъ къ дѣтямъ ихъ дошедшими. Въ противномъ случаѣ выдавать родителямъ съ капиталовъ сихъ одни только проценты по жизнь, если въ выданномъ имъ отъ Судебнаго мѣста свидѣтельствѣ, будетъ означено, что тѣ капиталы не отъ нихъ къ дѣтямъ ихъ дошли, но самими дѣтьми ихъ были пріобрѣтены". (П. С. З. 1827, іюля 18 [№ 1250]).

Таковы данныя, служащія современному юристу матеріаломъ для „историческаго толкованія" ст. 1141—1142 т. X ч. I.

Нельзя сказать, что толкованіе этихъ статей не представляетъ затрудненій доктринѣ и судебной практикѣ. Многіе вопросы, возбуждаемые примѣненіемъ этихъ статей на практикѣ, рождаютъ разномысліе между русскими юристами. И по разрѣшенію лишь весьма немногихъ вопросовъ мы наблюдаемъ слагающееся единодушіе между учеными юристами и юристами-практиками.

Между этими послѣдними первое мѣсто занимаетъ вопросъ:

Какое имущество и на какомъ, именно, основаніи (пожизн. пользов., право собственности) переходитъ къ родителямъ, послѣ смерти бездѣтно умершихъ дѣтей ихъ?

Ученые изслѣдователи (Чебышевъ-Дмитріевъ, Оршанскій, Анненковъ, Побѣдоносцевъ и др. *Contra*: Змирловъ) и Прав. Сенатъ (К. Р. 1867/279, 1869/16) держатся того мнѣнія, что въ пожизненное владѣніе подлежитъ переходу только имущество *самими дѣтьми* пріобрѣтенное, иначе говоря,—имущество *благонажитое*, собственнымъ трудомъ заработанное. Посему, имущество, унаслѣдованное безпотомно умершимъ ребенкомъ отъ прежде умершаго родителя, къ другому родителю въ пользованіе не поступаетъ, ибо такое имущество, хотя и можетъ сохранить свойство благопріобрѣтеннаго, однако имуществомъ „*благонажитымъ*" почитаться не можетъ.

На семъ же основаніи не поступаетъ въ пожизненное пользованіе родителей и имѣніе *родовое*, которое должно переходить, въ силу ст. 1138 т. X ч. I, по наслѣдству къ боковымъ родственникамъ умершаго,—или въ родъ отца, или въ родъ матери (К. Р. 1872|16).

Подкрѣпленіе такому мнѣнію юристы-теоретики и юристы-практики находятъ въ буквальномъ смыслѣ ст.

1141: „родители не наслѣдуютъ послѣ дѣтей ихъ *въ пріобрѣтенномъ сими послѣдними имуществѣ;* но если дѣти умрутъ бездѣтны, то таковыя имѣнія ихъ отдаются въ пожизненное владѣніе отцу и матери...“ И въ указанныхъ въ подстатейныхъ ссылкахъ Высочайшихъ Указахъ мы находимъ выраженія: „имѣнія благонажитыя“ (П. С. З. 1823, іюня 14, № 29511), „капиталы самими дѣтьми ихъ пріобрѣтенные“ (П. С. З. 1827, 18 іюля № 1250).

На правильность такого толкованія указываетъ-де и противоположеніе ст. 1142 и ст. 1141. Статья 1142 начинается такъ: „*Но когда имущество не самими дѣтьми пріобрѣтено*, но уступлено сыну или дочери родителями при жизни сихъ послѣднихъ...“ Таковая редакція служитъ подтвержденіемъ той мысли, что благопріобрѣтенное имѣніе, полученное сыномъ или дочерью раньше отъ (умершаго) родителя, не подпадаетъ подъ дѣйствіе ст. 1141. Въ самомъ дѣлѣ, движимое имущество, полученное въ видѣ дара, тоже есть благопріобрѣтенное имущество, но ст. 1142 явно противопоставляетъ такое имущество имуществу, пріобрѣтенному самими дѣтьми. Значитъ, послѣдній терминъ употребляется закономъ въ болѣе узкомъ смыслѣ.

Наконецъ,—и этотъ аргументъ считается современными юристами наиболѣе неотразимымъ,—по интересующему насъ вопросу мы имѣемъ *аутентическое* толкованіе закона.

Именно, Государственный Совѣтъ въ 1877 г. имѣлъ случай высказаться по данному вопросу, по дѣлу о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ швейцарскаго подданнаго Луи-Франсуа-Лубье. Сущность этого дѣла заключается въ слѣдующемъ[1]).

---

[1]) Я считаю необходимымъ привести здѣсь болѣе подробно какъ содержаніе спорнаго дѣла, такъ и рѣшенія Сената и Госуд. Совѣта, въ виду того, что дѣло Лубье, имѣющее, казалось бы, такое важное значеніе въ толкованіи стт. 1141—1142, повидимому, неизвѣстно, какъ это ни странно, нашимъ юристамъ. Въ самомъ дѣлѣ, это дѣло приводится юристами разныхъ направленій для доказательства самыхъ противоположныхъ мнѣній. *К. П. Побѣдоносцевъ* (т. II, стр. 336—337) даже въ изд. 1896 г. своего „Курса Гражд. Права“ не приводитъ рѣшенія Госуд. Совѣта, а критикуетъ несогласное съ его мнѣніемъ рѣшеніе Сената. И даже такой авторитетный ученый, какъ *С. А. Муромцевъ* впалъ въ непростительную ошибку. Въ Юридич. Вѣстн. 1891, кн. 7—8, стр. 545 сл. (Сообщеніе Моск. Ю. О.) онъ для доказательства своей мысли совершенно невѣрно передаетъ содержаніе дѣла Лубье. Онъ, именно, утверждаетъ, что это дѣло касалось лишь толкованія ст. 1142, а не ст. 1141, и приводитъ выдержку изъ рѣшенія Госуд. Совѣта, приписывая не касающейся сути дѣла побочной фразѣ значеніе „вывода“ Госуд. Совѣта по д. Лубье.

Въ 1862 г. умеръ швейцарскій подданный Луи-Франсуа-Лубье, оставивъ послѣ себя капиталъ, частью пріобрѣтенный имъ самимъ, частью доставшійся ему послѣ отца его Жана-Пьера-Лубье. На весь этотъ капиталъ предъявили права: 1) мать Лубье—Марья Луиза, по второму мужу Дюваль, требовавшая себѣ, на основаніи ст. 1141 весь капиталъ въ пожизненное пользованіе, и 2) три категоріи отдаленныхъ боковыхъ родственниковъ по отцу.

Правительствующій Сенатъ (4-й Д-тъ) присудилъ въ 1868 г. матери %%: 1) съ капитала, пріобрѣтеннаго самимъ покойнымъ вотчинникомъ и 2) съ капитала, доставшагося покойному отъ отца его [1]. Въ первой части рѣшеніе не было обжаловано и вступило въ законную силу. Въ послѣдней части оно было обжаловано и измѣнено Государственнымъ Совѣтомъ, въ томъ смыслѣ, что %% съ капитала, унаслѣдованнаго отъ отца, присуждены имъ родственникамъ по отцу. Государственный Совѣтъ разсуждалъ такъ:

„Вопросъ этотъ разрѣшается точнымъ содержаніемъ 1141 и 1142 стт. I ч. X т.“... „Изъ этихъ законоположеній видно, что законъ поставляетъ *различіе* между капиталами, дошедшими къ дѣтямъ *отъ родителей*, и капиталами, пріобрѣтенными *самими дѣтьми* отъ другихъ лицъ, но не отъ родителей“... „Въ виду сего и принимая во вниманіе, что капиталы, дошедшіе къ Луи-Франсуа отъ его отца, не могутъ быть признаны капиталами, *пріобрѣтенными самимъ* Луи-Франсуа Лубье, Государственный Совѣтъ призналъ, что мать умершаго вотчинника, Марія-Луиза Дюваль, не имѣетъ права на доходы съ капиталовъ, унаслѣдованныхъ Луи-Франсуа Лубье отъ его отца“... Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: 1)... 2)... 3) предоставить Министру Юстиціи сдѣлать распоряженіе о *распубликованіи* мнѣнія Государственнаго Совѣта по этому дѣлу *во всеобщее свѣдѣніе*“... (П. С. З. 1877 янв. 11 № 56832).

Министръ Юстиціи о таковомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта предложилъ къ надлежащему исполненію Сената: „о содержаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта *для свѣдѣнія и руководства* на будущее время, дать знать... надлежащимъ мѣстамъ и лицамъ“. Этотъ Указъ Сената отъ 16-го марта 1877 г. и былъ опубликованъ въ Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства 1877 г. № 26 [2].

---

[1]) Сенатъ, такимъ образомъ, призналъ, что „капиталъ, хотя и по наслѣдству доставшійся сыну отъ отца, составляя благопріобрѣтенное имущество, по смыслу ст. 1141 т. X. ч. I., можетъ быть унаслѣдованъ матерью въ пожизненное владѣніе“.

[2]) *Соб. Узак. 1877, № 26*, стр. 338 сл., № 314. Указъ Правительствующаго Сената отъ 1877 г. марта 16-го: „Правительствующій Сенатъ... слушали: во-первыхъ, предложенное Министромъ Юстиціи... къ надлежащему исполне-

Вотъ это-то знаменитое „дѣло Лубье“ и выдвигается юристами-практиками и комментаторами т. X ч. I, въ подтвержденіе того положенія, что русскому праву извѣстно различеніе между имѣніями *благопріобрѣтенными* и имѣніями *благонажитыми*. Лишь о послѣднихъ идетъ рѣчь въ ст. 1141.

Такимъ образомъ, господствующая юриспруденція распредѣляетъ наслѣдственное имущество послѣ бездѣтнаго умершаго сына или дочери такъ: 1) *родовое имущество* и *благопріобрѣтенное* идетъ въ порядкѣ, указанномъ ст. 1138 т. X ч. I къ боковымъ родственникамъ; 2) имущество *благонажитое* идетъ въ пользованіе родителямъ; 3) имущество, *подаренное* умершему сыну или дочери, возвращается „яко даръ“ пережившему родителю-дарителю.

Задача послѣдующаго изложенія—показать, что толкованіе стт. 1141—1142 нашей юриспруденціей неправильно и покоится на игнорированіи установленныхъ наукой правилъ герменевтики. Мы лично полагаемъ, что различіе между *благопріобрѣтенными* и *благонажитыми* имуществами не извѣстно русскому праву, а потому и не можетъ быть проведено и въ предѣлахъ ст. 1141 т. X ч. I.

II.

1. Логическое толкованіе основано на анализѣ логическаго хода мысли закона. Въ интересующемъ насъ вопросѣ истолкованію подлежатъ стт. 1141—1142 т. X ч. I, въ ихъ взаимной связи. Къ этому логическому толкованію прибѣгаютъ едва ли не всѣ юристы, занимавшіеся толкованіемъ словъ „самими дѣтьми пріобрѣтенное“.

Выясненіе смысла словъ ст. 1141: „самими дѣтьми

нію, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта слѣдующаго содержанія“... [Слѣдуетъ: 1) сущность спора между сонаслѣдниками, 2) рѣшеніе Прав. Сената, 3) Постановка вопросовъ, возникающихъ изъ дѣла, 4) разрѣшеніе этихъ вопросовъ: о примѣнимости ст. 1140 т. X, ч. I, въ томъ смыслѣ, какъ изложено это въ извлеченіи въ примѣчаніи къ ст. 1140 т. X ч. I,—о судьбѣ наслѣдственныхъ капиталовъ,—какъ изложено выше въ извлеченіи П. С. З. 1877 г. янв. 11, № 56832], и во-вторыхъ, справку: *приказали*: о содержаніи вышеозначеннаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, *для свѣдѣнія и руководства на будущее время увѣдомить*“...

пріобрѣтенное“ въ смыслѣ имѣнія „благонажитаго“ выводится ими [1]), именно, изъ противоположенія ст. 1142 статьѣ 1141. Ст. 1141 устанавливаетъ—говорятъ эти юристы—общее правило. А ст. 1142 устанавливаетъ исключеніе („Но когда“...). Отсюда они дѣлаютъ выводъ: имѣніе, благопріобрѣтенное дѣтьми, но полученное ими раньше отъ (умершаго) родителя, не подпадаетъ подъ дѣйствіе ст. 1141.

Но подпадаетъ ли такое имѣніе подъ дѣйствіе ст. 1142, спросимъ мы. Спѣшимъ отвѣтить — *нѣтъ*! [2]). Отсюда ясенъ выводъ: ст. 1142 не есть противоположеніе ст. 1141. Тотъ объемъ ст. 1142, который ей хочетъ придать доктрина, не укладывается въ то ея содержаніе, которое противополагается содержанію ст. 1141. Между тѣмъ, ст. 1142 могла бы ограничить ст. 1141 лишь при томъ условіи, если бы она брала на себя ту функцію, которую могла бы имѣть ст. 1141, т.-е. когда бы она *при тождествѣ прочихъ законныхъ предположеній*, касалась той категоріи имуществъ, о которой могла быть рѣчь въ ст. 1141 [3]). Разъ этого условія нѣтъ, значитъ ст. 1141 нельзя объяснить статьей 1142. Ст. 1142 содержитъ самостоятельный принципъ [4]).

И наше замѣчаніе получитъ полное подтвержденіе, если мы обратимся къ логическому ходу мысли самого законодателя. Въ приведенномъ нами выше (стр. 2) Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 1823 г., іюня 14 II. С. З. (№ 29.511) мы читаемъ:

---

1) *Мацѣевъ*. „О примѣненіи 1141 ст. X т.“ Судебн. Вѣстн. 1870 г., № 284, стр. 4; *Анненковъ*, Система, т. VI. стр. 320; *К. Побѣдоносцевъ*, Гражд. Пр. Спб. 1896, т. II. стр 336—337. Изложивъ сущность рѣшенія 4-го Д-та Сената 1868 г. по д. Лубье, прибавляетъ: „послѣднее заключеніе едва ли основано на прямомъ разумѣніи 1141 статьи и Указ. 1823 года. Въ смыслѣ закона разумѣется не *благопріобрѣтенное* имѣніе отвлеченно, а имѣніе *самими дѣтьми* пріобрѣтенное, и никакъ уже не имѣніе унаслѣдованное дѣтьми отъ одного изъ родителей. Праву 1141 ст. противополагается по 1142 ст., право родителей получить обратно имѣніе, при жизни переданное ими дѣтямъ, какъ даръ“.

2) Это безспорно. Ст. 1142 предусматриваетъ лишь тотъ случай, когда родитель, отъ котораго дошло имущество по безмездному акту, *пережилъ* своего безпотомно умершаго ребенка. Внѣ этого условія, ст. 1142 не примѣняется.

3) Было бы неслыханнымъ съ т. з. законодательной техники явленіемъ, если бы функція извѣстной статьи закона ограничивалась тѣмъ, что она изымала извѣстное имущество изъ дѣйствія другой статьи, но самую судьбу такого имущества она не регулировала, а оставляла ее на произволъ судьбы.

4) Ср. ст. 1144 т. X ч I. Эта статья имѣетъ то же содержаніе, что ст. 1142, но изложена она въ видѣ самостоятельнаго принципа.

...„Имѣнія, послѣ умершаго бездѣтно сына или дочери оставшіяся, которыя получены ими были отъ отца или отъ матери, обращать на правѣ полнаго и законнаго наслѣдія къ отцу и къ матери, каждому то, что отъ кого умершимъ дано было; *имѣнія же благонажитыя* умершими безпотомно дѣтьми, отдавать въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде обои въ живыхъ останутся“...

Не трудно усмотрѣть, что возвращеніе живому родителю его дара (содержаніе ст. 1142!) выставляется законодателемъ на первый планъ, возводится—такъ сказать—въ принципъ. Судьба же „имѣній благонажитыхъ“ (содержаніе ст. 1141) регулируется, на второмъ планѣ,—низводится на степень исключенія.

Между этими двумя положеніями дѣйствительно есть противоположеніе. Но—обратное тому, какое установлено въ т. X ч. 1 Св. Законовъ. „Имѣнія благопріобрѣтенныя“ въ широкомъ смыслѣ этого слова противополагаются имѣніямъ, дошедшимъ отъ живого отца.

Отсюда мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что все, что остается за бортомъ тѣхъ имѣній, о которыхъ говоритъ ст. 1142, обнимается статьей 1141. А такъ какъ ст. 1142 говоритъ только объ имѣніяхъ, подаренныхъ тѣмъ или другимъ родителемъ *при жизни*, то ст. 1141 получаетъ сразу огромный объемъ дѣйствія. Статья 1141, какъ видимъ, говоря объ имуществѣ „*самимъ бездѣтно умершимъ пріобрѣтенномъ*“ вовсе не хочетъ указать на юридическое положеніе имѣнія (благопріобрѣтенное, родовое), она не хочетъ указать большее, какъ способъ пріобрѣтенія этого имѣнія. „Пріобрѣтенное самимъ бездѣтно умершимъ имущество“ противополагается тому имуществу, которое поступило къ нему *отъ находящагося въ живыхъ родителя его*. По мысли законодателя, это выраженіе хочетъ обнять и 1) *родовое имущество*, и 2) *всякое благопріобрѣтенное имущество*,—лишь бы только это имущество не отвѣчало условіямъ ст. 1142 [1]).

Итакъ, изъ сопоставленія ст. 1142 и ст. 1141 яв-

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, въ ст. 1142 мы находимъ противоположеніе имѣнія, полученнаго, въ видѣ дара, отъ *живого* и *пережившаго* родителя, имѣнію, не отвѣчающему этимъ условіямъ. Въ ст. 1141 этого противоположенія мы не находимъ.

ствуетъ, что лишь тѣ имущества, кои имѣются въ виду ст. 1142, не суть имѣнія „пріобрѣтенныя самими дѣтьми“, по мысли закона. *Всѣ прочія имѣнія* суть „имѣнія пріобрѣтенныя ими самими“, по смыслу ст. 1141.

И къ этому выводу, какъ бы онъ ни былъ революціоненъ съ точки зрѣнія установившейся доктрины и юриспруденціи, —мы должны неизбѣжно прійти, если мы примемъ во вниманіе, что стт. 1141 — 1142 имѣютъ задачей исчерпывающимъ образомъ регулировать наслѣдственныя права родителей по отношенію ко *всему* имуществу, оставшемуся послѣ бездѣтно умершихъ сына или дочери ихъ.

И вотъ, тогда какъ господствующая юриспруденція „самими дѣтьми пріобрѣтенное“ въ ст. 1141 толкуетъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ имѣній „благонажитыхъ“, „собственнымъ трудомъ пріобрѣтенныхъ“ (и даже не включаетъ сюда всѣ прочія категоріи имуществъ благопріобрѣтенныхъ), — мы полагаемъ, что въ цѣляхъ и мысли законодателя (въ эпоху еще изданія Высочайшихъ Указовъ) лежало выразить болѣе широкій кругъ имуществъ, переходящихъ родителямъ на правѣ пожизненнаго пользованія[1]). Сюда подойдутъ не только: 1) имѣнія *благопріобрѣтенныя*, въ широкомъ смыслѣ этого слова (ст. 397 т. X, ч. I), но даже и 2) имѣнія *родовыя* (ст. 399 т. X, ч. I).

Противъ подобнаго вывода могутъ, конечно, подняться возраженія. Съ этими возраженіями мы можемъ и теперь считаться, ибо они были уже раньше высказываемы въ другомъ порядкѣ идей, какъ въ литературѣ, такъ и судебной практикѣ.

Такъ, *Анненковъ* (т. VI, стр. 320) отъ имени всѣхъ русскихъ юристовъ категорически настаиваетъ на томъ, что въ ст. 1141 ни въ какомъ случаѣ рѣчь не можетъ идти о *родовомъ* имуществѣ. При этомъ онъ высказываетъ ту мысль, что по древнимъ узаконеніямъ родителямъ отдавалось имущество *на прожитокъ*, и, именно, только имущество благонажитое, а не родовое.—Однако, это соображеніе неправильно. По древнимъ узаконе-

---

[1]) Другой вопросъ,—насколько ясно мысль эта получила выраженіе въ текстѣ закона! Объ этомъ—ниже.

ніямъ [1]) „на прожитокъ“ отдавались и выслуженныя вотчины, позднѣе—и родовыя имѣнія, — вообще всякое имущество. Такимъ образомъ, отданіе „на прожитокъ“ не противорѣчитъ принципу родовыхъ имуществъ.

Другія соображенія мы находимъ въ К. Р. 1872 г. № 16 (по д. Мацнева) [2]).

Въ этомъ дѣлѣ поднимался вопросъ о томъ: „предоставляетъ ли ст. 1141 т. X ч. 1 родителямъ право пожизненнаго владѣнія только благопріобрѣтенными имѣніями, оставшимися послѣ бездѣтныхъ ихъ дѣтей, или право пожизненнаго владѣнія родителей распространяется и на родовыя имѣнія, дошедшія къ ихъ бездѣтнымъ дѣтямъ въ силу наслѣдства по закону“... „Обращаясь къ разрѣшенію сего вопроса, Правит. Сенатъ находитъ, что послѣ бездѣтныхъ дѣтей *имѣніе пріобрѣтенное ими* поступаетъ къ ихъ родителямъ въ пожизненное владѣніе (ст. 1141 т. X, ч. 1), а имѣнія, полученныя бездѣтно умершими дѣтьми отъ родителей, возвращаются къ послѣднимъ, яко даръ (ст. 1142 т. X, ч. 1)“... „Сопоставленіе ст. 1141 т. X, ч.1 съ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Госуд. Совѣта, на которомъ статья сія основана, приводитъ къ положительному убѣжденію, что подъ словомъ пріобрѣтенное имущество надлежитъ разумѣть имущество благопріобрѣтенное, *благонажитое*, какъ сказано въ мнѣніи Госуд. Совѣта, *а не имѣніе родовое*, дошедшее къ бездѣтно умершему путемъ законнаго наслѣдія. Другое толкованіе ст. 1141 т. X, ч. 1 было бы не только не согласно съ прямымъ смысломъ сего закона, но и съ общимъ духомъ законодательства нашего относительно перехода по наслѣдству родовыхъ имѣній. Такъ, по ст. 1138 т. X ч. 1 имѣнія родовыя, оставшіяся послѣ бездѣтно умершаго, даже при жизни одного изъ родителей, если имѣніе не предоставлено *симъ послѣднимъ наслѣдодателю яко даръ*, идетъ въ боковыя линіи, имѣніе родовое отцовское,—въ родъ отца, а имѣніе, дошедшее изъ рода матери—въ родъ матери“.

Мы полагаемъ, что ссылка Сената на ст. 1138 не убѣдительна и не удачна. Она не убѣдительна потому, что вполнѣ совмѣстимъ съ ст. 1138 такой порядокъ наслѣдованія: отецъ получаетъ *пожизненное пользованіе*, а его родъ—*право собственности*. Она—не удачна, такъ какъ вовсе не важно, что имѣніе предоставлено „симъ послѣднимъ наслѣдодателю *яко даръ*“, а важно, что родитель *живъ* (а объ этомъ Сенатъ совсѣмъ умалчиваетъ). Вѣдь и „даръ“ не вернется родителю, если этотъ послѣдній не пережилъ своего ребенка.

---

[1]) Ср. Уложеніе царя Алексѣя Мих. гл. VII, ст. 2, 3: „А давати на прожитокъ изъ выслуженныхъ вотчинъ послѣ умершихъ матерямъ ихъ вдовамъ по разсмотрѣнію, будетъ тѣ ихъ матери съ ними вмѣстѣ живутъ, а на прожитокъ имъ напередъ того ничего не дано“. Ср. Новоуказныя Статьи: 1676, марта 14. ст. 2; 1677 авг. 10, отд. 2, ст. 2; Узаконенія 1677 и 1725 обезпечиваютъ мать послѣ смерти бездѣтнаго сына такъ: ей выдается *на прожитокъ* до смерти или 2-го брака, $^3/_4$ имущества сына (за выдѣломъ $^1/_4$ его вдовѣ); а если онъ вдовы не оставилъ, то все его имущество. Взамѣнъ этого пожизненнаго права мать можетъ взять въ собственность $^1/_4$ часть имѣнія сына.

[2]) Александра Мацнева требовала, на основаніи ст. 1141 пожизненное пользованіе имѣніемъ, оставшимся по смерти дочери ея, и доставшимся послѣдней по наслѣдству отъ прежде умершаго отца. Во всѣхъ инстанціяхъ она проиграла процессъ, и такой исходъ дѣла былъ одобренъ учеными юристами. См. Судебный Вѣстникъ 1870, №№ 269 (опредѣленіе Елецкаго О. Суда) и 277 (перед. статья).

Далѣе. Мы недоумѣваемъ, почему принципъ родовыхъ имуществъ нарушается отдачей ихъ въ порядкѣ наслѣдованія въ пожизненное пользованіе. Вѣдь предоставляетъ же ст. 1070 т. X ч. I супругу право отдавать въ пожизненное пользованіе родовое имѣніе другому супругу! Значитъ, принципъ родовыхъ имуществъ не нарушается тѣмъ, что они временно находятся въ *пожизненномъ владѣніи* лица, не принадлежащаго къ роду, откуда происходитъ родовое имѣніе. Наслѣдственные законы касательно родовыхъ имѣній регулируютъ исключительно порядокъ перехода ихъ *на правахъ собственности*, и допущеніе на ряду съ этимъ права пожизненнаго пользованія нисколько не способно внести пертурбацію въ систему наслѣдственнаго права[1]).

Таковы результаты положительнаго и отрицательнаго характера, къ которымъ мы приходимъ на основаніи логическаго толкованія стт. 1141—1142 и опроверженія представляющихся возраженій противъ выводовъ, вытекающихъ изъ нашего толкованія.

Обратимся теперь къ толкованію грамматическому тѣхъ же статей.

2. Толкованіе грамматическое преслѣдуетъ установленіе техническихъ юридическихъ выраженій, которыя употребляетъ законодатель.

Надежнымъ матеріаломъ служитъ въ этомъ отношеніи изученіе предшествующаго, послѣдующаго или современнаго изданію толкуемой нормы законодательства. Грамматическое толкованіе, поэтому, не ограничивается этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ текста. Значеніе словъ, употребленныхъ въ законѣ, устанавливается на основаніи всеобъемлющаго обозрѣнія всей системы права, какъ единаго цѣлаго, и не только въ догматической, но и исторической переспективѣ.

Путемъ логическаго толкованія мы установили выше, что Указы 1823 г. и другіе, на коихъ основаны стт. 1141—1142 т. X ч. I, говоря о „благонажитыхъ“ имуществахъ, имѣютъ въ виду благопріобрѣтенныя имущества въ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы установили

---

[1]) Пожизненное пользованіе мыслимо и при выморочности самого имущества. Напр., умираетъ ребенокъ бездѣтно, у его отца нѣтъ родственниковъ. Благопріобрѣтенное имущество идетъ въ *пожизненное владѣніе* отцу (ст. 1138), а собственность—въ казну.

также, что Госуд. Совѣтъ въ формулировкѣ своего мнѣнія допустилъ lapsus.

Благодаря казуистикѣ и неудачному обобщенію, онъ сдѣлалъ противоположеніе (стт. 1141—1142), не исчерпывающее всего вопроса о судьбѣ наслѣдственнаго имущества. Но, повидимому, въ цѣляхъ законодателя было отдать родителямъ на прожитокъ и родовое имѣніе ребенка.

Не трудно доказать какъ первое, такъ и второе положеніе путемъ грамматическаго толкованія.

Господствующее мнѣніе въ юриспруденціи для доказательства того положенія, что подъ выраженіемъ „самими дѣтьми пріобрѣтенное“ надо понимать имущество „благонажитое“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ссылается на буквальный смыслъ П. С. З. 1823 г., іюня 14 (№ 29 511), и П. С. З. 1827 г. іюля 18 (№ 1250), гдѣ положительно говорится только объ „имѣніяхъ благонажитыхъ“, о капиталахъ, кои „не отъ родителей къ дѣтямъ дошли, но самими дѣтьми ихъ были пріобрѣтены“.

Однако, наши противники отбрасываютъ другой законодательный матеріалъ, положенный также въ основу ст. 1141 и сл. т. X ч. I, а между тѣмъ этотъ-то матеріалъ и проливаетъ свѣтъ на спорный вопросъ. Въ 1827 г. 25 іюля воспослѣдовалъ Именной Указъ Министру Юстиціи: „о правилахъ и дополнительныхъ свидѣтельствахъ на выдачу изъ кредитныхъ установленій капиталовъ по смерти вкладчиковъ“. Въ этомъ Указѣ, при ссылкѣ на мнѣніе Госуд. Совѣта отъ 18-го іюля того же года, указано, что закономъ симъ опредѣлено:

„чтобы капиталы, дошедшіе отъ родителей къ умершимъ безъ потомства дѣтямъ, обращать въ полную собственность родителей, *а съ благопріобрѣтенныхъ дѣтьми капиталовъ* производить родителямъ одни проценты“ [2 П. С. З. 1827 г., іюля 25, (№ 1261)].

Далѣе. Въ П. С. З. 1842 г., декабря 14 (№ 16327): „О исправленіи ст. 728 Свода Законовъ Гражданскихъ, касательно правъ единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ въ наслѣдованіи благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ“,—въ мотивахъ своего „Мнѣнія“ Госуд. Совѣтъ все время говоритъ о „*благопріобрѣтенномъ*“ имѣніи, а диспозитивъ этого мнѣнія редактированъ такъ, какъ редактирована теперешняя ст. 1138 т. X ч. I: „Имѣніе, *самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное*“...

Изъ этихъ законоположеній вытекаетъ, что самъ законодатель еще до изданія Свода Законовъ толковалъ выраженіе: „самими дѣтьми пріобрѣтенное“ въ смыслѣ „имѣнія благопріобрѣтеннаго“, и, позднѣе, употребляетъ эти термины безразлично для выраженія одной и той же мысли.

И если мы обратимся теперь къ т. X, ч. I, то увидимъ, что „общій смыслъ законовъ“ блестяще подтверждаетъ нашу мысль. Ст. 396 т. X, ч. I во всѣхъ изданіяхъ Свода Законовъ гласитъ неизмѣнно: „Недвижимыя имущества суть: *благопріобрѣтенныя* или *родовыя*“. А ст. 398 говоритъ, что всѣ движимыя имущества почитаются благопріобрѣтенными. Какъ видимъ, особой категоріи имуществъ „*благонажитыхъ*“ нашъ т. X, ч. I не знаетъ. Мало того, въ ст. 397 мы находимъ перечисленіе всѣхъ имуществъ, почитаемыхъ за „благопріобрѣтенныя“. И что же? Въ п. 7 мы находимъ указаніе на „имущество, собственнымъ трудомъ и промысломъ нажитое“. Иначе говоря, самъ законодатель не выдѣляетъ эти имущества въ особую категорію, а подводитъ этотъ видъ имущества подъ болѣе широкую рубрику „имуществъ пріобрѣтенныхъ“!

Далѣе. Ст. 1138, т. X, ч. I гласитъ: „Въ боковыхъ линіяхъ имѣнія родовыя переходятъ: отцовское всегда въ родъ отца, материнское въ родъ матери. Имѣніе, *самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное*, когда объ ономъ не сдѣлано особыхъ распоряженій, поступаетъ также въ родъ отца, за исключеніемъ случая, въ ст. 1140 означеннаго“. Мы встрѣчаемъ въ ст. 1138 тотъ же спорный терминъ: „самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное“. И что же? Самъ Сенатъ толкуетъ это выраженіе не въ смыслѣ имѣнія „благонажитаго“, а въ смыслѣ имѣнія благопріобрѣтеннаго!

Въ родъ отца идетъ всякое благопріобрѣтенное имѣніе, хотя бы оно было пріобрѣтено наслѣдодателемъ и по наслѣдству отъ другого родителя. (К. Р. 1873 16, 1881 3).

К. Р. 1881, № 3... „А повѣренный Барченко передаетъ содержаніе ст. 1140 такимъ образомъ, что единоутробные братья наслѣдуютъ наравнѣ съ единокровными послѣ владѣльца, умершаго бездѣтнымъ, *только* въ имуществахъ, благопріобрѣтенныхъ *самимъ умершимъ наслѣдодателемъ, такихъ, которыя его личнымъ трудомъ и волею пріобрѣтены, но не во всякомъ благопріобрѣтенномъ, имѣющемъ таковое свойство по отвлеченному понятію.* Но ни одного изъ выраженій, которыя употреблены въ кассац. жалобѣ Барченко послѣ словъ: *въ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ*, не содержится въ ст. 1140,

и слѣдовательно всѣ эти дополненія къ изложенію этой статьи должны быть признаны произвольными и не имѣющими никакого вліянія на смыслъ этой статьи... Ст. 1138 опредѣляетъ переходъ имѣній въ боковыхъ линіяхъ; въ первой ея части содержится постановленіе, относящееся къ родовымъ имѣніямъ, а во второй—постановленіе, относящееся къ благопріобрѣтеннымъ имѣніямъ. Если бы постановленіе второй части этой статьи относилось къ одному виду благопріобрѣтенныхъ имѣній, который указываетъ повѣренный Барченко, обозначая его такими имуществами, которыя личнымъ трудомъ и волею наслѣдодателя пріобрѣтены, то переходъ всѣхъ другихъ видовъ благопріобрѣтенныхъ имѣній въ боковыхъ линіяхъ послѣ бездѣтнаго владѣльца остался бы въ законѣ безъ опредѣленія, слѣдовательно, по самому значенію этой статьи въ системѣ нашихъ законовъ о наслѣдствѣ, необходимо придти къ заключенію, что употребленное во второй ея части выраженіе: *имѣніе, самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное*, равносильно выраженію: *благопріобрѣтенное имѣніе бездѣтнаго владѣльца*".

Мы позволимъ себѣ спросить нашихъ противниковъ: развѣ не примѣнимо только что приведенное нами разсужденіе Сената и къ ст. 1141, т. X, ч. 1? Разъ, „имѣніе самимъ бездѣтнымъ владѣльцемъ пріобрѣтенное, равносильно выраженію: благопріобрѣтенное имѣніе бездѣтнаго владѣльца", въ предѣлахъ ст. 1138, то почему другой смыслъ мы должны вкладывать въ то же выраженіе въ предѣлахъ ст. 1141? Вѣдь было бы абсурдно предположить, что законъ съ однимъ и тѣмъ же терминомъ связываетъ разныя понятія.

Далѣе. Въ 1891 г. былъ изданъ законъ объ узаконеніи и усыновленіи [П. С., 3, 1891, марта 12 (№ 7525), IV, ст. 17]. Въ соотвѣтствующей ст. 156^5, т. X, ч. I (изд. 1900 г.) законодатель опредѣляетъ наслѣдственныя права усыновителя послѣ бездѣтной смерти усыновленнаго слѣдующимъ образомъ: „Въ случаѣ бездѣтной смерти усыновленнаго, *благопріобрѣтенное имущество* его поступаетъ къ усыновителю согласно съ правилами, изложенными въ ст. 1141; но имущество, уступленное усыновленному въ видѣ дара его родителями или усыновителемъ, возвращается первымъ или послѣднему, смотря по тому, отъ кого было получено (ст. 1142)".

Не трудно усмотрѣть полную тождественность содержанія ст. 156^5 съ стт. 1141—1142. И что же? Въ законѣ 12-го марта 1891 г., мы, вмѣсто словъ: „самими дѣтьми пріобрѣтенное" находимъ болѣе точное и ясное выраженіе: „благопріобрѣтенное имущество".

Если бы мы все же продолжали упорствовать и вмѣстѣ съ юриспруденціей настаивали на томъ, что въ ст. 1141 рѣчь идетъ не о благопріобрѣтенномъ имуществѣ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, а объ имуществѣ соб-

ственнымъ трудомъ нажитомъ, то мы пришли бы къ абсурду. Усыновленіе, какъ извѣстно, есть *договоръ* между усыновителемъ и усыновленнымъ. И вотъ, при оспариваемомъ нами толкованіи ст. 1141, оказалось бы, что эта *договорная,* искусственная связь устанавливаетъ между сторонами болѣе интимныя отношенія, чѣмъ естественная, кровная связь между родителями и дѣтьми.

Представимъ себѣ такой случай. Умираетъ безпотомно г. *X,* усыновленный супругами *A* и *B*. Этотъ *X* получилъ раньше по законному наслѣдованію отъ прежде умершаго усыновителя *A* капиталъ. Этотъ капиталъ, какъ имущество благопріобрѣтенное, въ силу ст. 156[5], пойдетъ въ пожизненное пользованіе другого усыновителя—*B*. Но представимъ себѣ того же *X*, не усыновленнаго, а связаннаго кровною связью естественнаго родства со своими родителями *A* и *B*.

Тотъ же капиталъ, полученный отъ *A*, не пойдетъ въ пожизненное пользованіе другого родителя — *B*, а пойдетъ въ отдаленныя, быть можетъ, линіи боковыхъ родственниковъ.

Искусственная связь, установленная договоромъ, оказалась бы поставленной лучше, чѣмъ естественная связь, установленная кровнымъ родствомъ!...

Наконецъ, что это такое: „имущество благонажитое“? Намъ говорятъ: это есть имѣніе *собственнымъ трудомъ нажитое.* Этому понятію противополагается имѣніе, доставшееся по наслѣдству отъ прежде умершаго родителя.

Но здѣсь у насъ поднимается цѣлый рядъ возраженій. Ну, а если это имущество достанется ребенку по дару отъ третьихъ лицъ? Какъ квалифицировать такое имущество? „Труда“ на пріобрѣтеніе его ребенокъ не положилъ, и оно какъ-будто не можетъ почитаться имуществомъ „благонажитымъ“.

Однако, такое имущество не дошло ребенку по наслѣдству отъ прежде умершаго родителя, а потому господствующей юриспруденціей оно подводится подъ понятіе имущества „благонажитаго“. (*Анненковъ*, ук. соч., стр. 320). Произвольность такого построенія бросается въ глаза и не требуетъ съ нашей стороны доказательствъ.

Намъ говорятъ, что все, что пріобрѣтено самимъ ребенкомъ „потомъ и кровью“, на „трудовую копейку“, то-есть имущество благонажитое. Однако, мы знаемъ,

что имущество, доставшееся по купчей крѣпости отъ родственниковъ, у коихъ это имущество было уже родовымъ по какому-либо основанію, сохраняетъ свойство имущества *родового* (ст. 399, п. 3, т. X, ч. I).

И вотъ, представимъ себѣ, что сынъ покупаетъ на свои „трудовыя деньги“ у отца родовое имѣніе. По смыслу закона (ст. 399, п. 3), это имѣніе въ рукахъ сына будетъ *родовое*. А по господствующему ученію, выходитъ, что это имущество будетъ *благонажитое*. Изъ этого затрудненія побѣдителемъ выходитъ Анненковъ (т. VI, стр. 320—321). Онъ разсуждаетъ такъ: „Основываясь на указаніи этого узаконенія (Высоч. утвержд. 14 іюля 1823 г. мнѣніе Г. Сов.), нельзя, кажется, также не признавать допустимымъ, хотя бы по исключенію, переходъ къ родителямъ благонажитаго ихъ дѣтьми имущества недвижимаго, пріобрѣтеннаго ими покупкою, даже и въ томъ случаѣ, когда бы это имущество, какъ купленное у родственника, должно было бы считаться у нихъ по закону имуществомъ родовымъ, *вслѣдствіе того, что и это имущество все же нельзя не признавать за имущество, ими благонажитое*“.

Но что стоитъ это логическое салтемортале на глазахъ тѣхъ, кто въ толкованіи закона видитъ не самодовлѣющую цѣль: оправданіе предвзятаго рѣшенія, а средство познанія воли законодателя?

Далѣе. Оспариваемое нами мнѣніе почитаетъ все доставшееся по законному наслѣдству отъ прежде умершаго родителя не за имущество благонажитое. Значитъ, оно является имуществомъ *родовымъ*? А какъ выйти изъ затрудненія, если наслѣдственнымъ имуществомъ являются капиталы, т.-е. имущество движимое? И что же? Сенатъ не усумнился даже передъ тѣмъ, чтобы объявить капиталы, оставшіеся послѣ бездѣтно умершихъ дѣтей и доставшіеся имъ отъ прежде умершихъ родителей за *родовое* имущество.

„Въ видѣ исключенія“.

К. Р. 1869 № 16. „Изъ этихъ статей (1141—1147 т. X, ч. I) видно, что законъ постановляетъ различіе между имуществомъ *пріобрѣтеннымъ самими дѣтьми*, и тѣмъ, которое было уступлено дѣтямъ ихъ родителями“. . . „По силѣ 398 ст., т. X, ч. I, при доказательствахъ о правахъ наслѣдства въ движимомъ имуществѣ споръ *о родовомъ происхожденіи денежныхъ капиталовъ* не пріемлется. Но законъ этотъ къ предлежащему обсужденію случаю не имѣетъ никакого примѣненія“...

Такимъ образомъ, однимъ росчеркомъ пера вычеркивается изъ законодательной системы ст. 398, т. X, ч. I[1]).

И такъ, грамматическое толкованіе намъ показало, что выраженіе: „самими дѣтьми пріобрѣтенное“ въ ст. 1141 выражаетъ и по содержанію послѣдующаго законодательства, имущество *благопріобрѣтенное* (въ смыслѣ ст. 397).

Но выше мы утверждали не только это. Мы идемъ еще дальше и предполагаемъ, на основаніи логическаго толкованія, что подъ выраженіемъ: „самими дѣтьми пріобрѣтенное“ въ ст. 1141 надо понимать и имущества *родовыя* (за исключеніемъ тѣхъ, которыя подпадаютъ подъ признаки ст. 1142). Попытаемся оправдать это положеніе грамматическимъ толкованіемъ. Прежде всего, укажемъ на то, что буквальный смыслъ вполнѣ совмѣстимъ съ такимъ толкованіемъ. Мы могли бы отмѣтить то, что слово „пріобрѣтенное“ шире понятія „благопріобрѣтенное“. Ст. 396 т. X ч. 1 говоритъ о „*благо*-пріобрѣтенномъ имуществѣ“, а не о „пріобрѣтенномъ“. Тѣмъ самымъ мы не хотимъ установить какую-то особую категорію „пріобрѣтенныхъ имуществъ“, на ряду съ имуществомъ „благопріобрѣтеннымъ“. Слово „пріобрѣтенное“ указываетъ лишь на самъ порядокъ или способъ пріобрѣтенія (см. ст. 699 т. X. ч. 1),—и къ этимъ способамъ принадлежитъ и *наслѣдованіе*,—но отнюдь не указываетъ на юридическую квалификацію такого имущества (родов., благопріобр.). Вотъ почему, мы не погрѣшимъ противъ прямого смысла ст. 1141, если подъ словами „самими дѣтьми пріобрѣтенное“ будемъ понимать и имущества, доставшіяся ребенку по наслѣдству,—эвентуально и имущества родовыя.

---

[1]) Въ пользу оспариваемаго намъ мнѣнія нельзя приводить (впрочемъ, кажется, никѣмъ до сихъ поръ и не приводилось!) *П. С. З. 1809 г., февраля 28 (23503), ст. 2:* „Буде записавшійся съ сыновьями въ гильдію похочетъ объявленный капиталъ свой при жизни перевесть на кого изъ дѣтей или родственниковъ своихъ: сіе можетъ онъ учинить, *буде капиталъ, имъ пріобрѣтенный, а не наслѣдственный*“... Однако, это законоположеніе имѣетъ спеціальную цѣль: „объ отвращеніи подлога, чинимаго вступающими въ гильдіи мѣщанами и поселянами, припискою многихъ семействъ въ одинъ капиталъ, для избѣжанія рекрутской повинности“. И въ ст. 397, т. X, ч. I. Этотъ видъ имуществъ: „собственнымъ трудомъ и промысломъ нажитое“ былъ ассимилированъ съ имуществомъ *благопріобрѣтеннымъ* и составилъ одинъ только видъ этого послѣдняго. Онъ не сохранилъ, такимъ образомъ, особеннаго бытія и не получилъ особой юридической конструкціи.

Обозрѣвая законодательную систему, мы находимъ и положительныя данныя для подобнаго толкованія [1]).

Ст. 1629 п. 2 т. X ч. 1 (первыхъ трехъ изданій 1832, 1842, 1857) гласила: „Недѣйствителенъ залогъ имущества, въ пожизненномъ владѣніи состоящаго, если владѣльцу не предоставлено такого права въ отношеніи благопріобрѣтеннаго имѣнія духовнымъ завѣщаніемъ, *а въ отношеніи родового — особымъ актомъ съ Высочайшаго утвержденія*". По Своду Законовъ первыхъ трехъ изданій (до *закона 1862 г. февр. 27* П. С. З. № 38005, ст. 1), пожизненное владѣніе родовымъ имѣніемъ по духовному завѣщанію было невозможно. Ясно, что ст. 1629 п. 2 т. X. ч. 1, говоря о пожизненномъ пользованіи родовымъ имуществомъ, могла имѣть въ виду только ст. 1141.

Весьма поучительна и редакція ст. 1143 т. X ч. 1: „...Родители наслѣдуютъ въ *благопріобрѣтенномъ* имуществѣ дѣтей своихъ, но въ томъ только случаѣ, когда сынъ или дочь умрутъ бездѣтно"... Ст. 1143 стоитъ въ связи съ ст. 1141, какъ исключеніе изъ правила, установленнаго ст. 1141: она, именно, регулируетъ спеціально наслѣдственныя права восходящихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. И что же? Здѣсь, въ отступленіе отъ правила ст. 1141, рѣчь идетъ не о пріобрѣтенномъ, а о *благо*-пріобрѣтенномъ имуществѣ! Эта разница редакцій, въ отношеніи одного и того же состава разрѣшаемаго вопроса, указываетъ какъ-будто на то, что законодатель въ ст. 1143 имѣлъ въ виду болѣе узкій кругъ имуществъ, чѣмъ въ ст. 1141.

Итакъ, резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Высочайшіе Указы, на коихъ основаны стт. 1141—1142, не свободны отъ нѣкоторой редакціонной неточности выраженій. Стт. 1141—1142 т. X ч. 1 Св. Зак. не исправили дѣла, а закрѣпили его,

---

[1]) На это во всей русской литературѣ указываетъ одинъ только прис. пов. *Мацневъ*, ведшій дѣло Мацневой. См. Судебн. Вѣстн. 1870, № 284, стр. 4. Но его главный доводъ неубѣдителенъ. Онъ, именно, утверждаетъ, что въ Указѣ 1823 г. говорится о „*благо*-пріобрѣтенномъ" имуществѣ. А Сводъ Законовъ-де—дѣлаетъ еще шагъ впередъ въ ст. 1141, выкидывая слово „*благо*", и распространяя, такимъ образомъ, права родителей на пожиз. пользованіе и въ *родовыхъ* имѣніяхъ дѣтей ихъ умершихъ безпотомно.—Но, на самомъ дѣлѣ, Мацневъ ошибается. Никакихъ измѣненій въ редакціи Указовъ Сводъ Законовъ не внесъ. Выраженіе „самими дѣтьми пріобрѣтенное" извѣстно уже П. С. З. 1827 г., іюля 18 № 1250 и П. С. З. 1842. дек. 14 (№ 16327). (ср. ст. 1138 т. X ч. 1).

возводя въ принципъ казуистичныя положенія Указовъ. Вслѣдствіе этого, воля законодателя получила неточное и неясное выраженіе. Повидимому, по смыслу Высочайшихъ Указовъ, родовыя и благопріобрѣтенныя имѣнія должны были идти въ пожизненное пользованіе родителей. Обѣ категоріи имуществъ объединяются подъ однимъ терминомъ „самими дѣтьми пріобрѣтенное". При составленіи же Свода Законовъ нашъ законодатель съ этимъ терминомъ, повидимому, не связывалъ точно опредѣленнаго содержанія. Безспорно лишь одно: употребляя этотъ терминъ, законодатель не желалъ ни при изданіи Свода Законовъ ни позднѣе (ср. ст. 156[5] т. X ч. 1) суживать понятіе благопріобрѣтенныхъ имуществъ имуществами „благонажитыми".

Въ ст. 1141 терминъ „самими дѣтьми пріобрѣтенное" тождественно съ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ, въ смыслѣ ст. 397 т. X ч. 1. Такимъ образомъ, воля законодателя, смутно выраженная въ Высочайшихъ Указахъ и едва-едва пробивающаяся при изученіи и логическомъ толкованіи сюда относящагося историческаго матеріала, не получила должнаго завершенія при составленіи Свода Законовъ. И вотъ почему, мы полагаемъ, что стт. 1141 и 156[5] т. X ч. 1 подлежатъ критикѣ юриста-историка, но отнюдь не юриста практика.

Юристъ-практикъ познаетъ волю законодателя такъ, какъ она выражена въ изданныхъ имъ законодательныхъ текстахъ. И обращаться отъ не совсѣмъ точныхъ выраженій дѣйствующаго закона къ совсѣмъ смутнымъ и невразумительнымъ историческимъ матеріаламъ, чтобы возводить въ правило такія начала, которыя прямо въ законѣ не выражены,—было бы смѣлостью, не достойной похвалы! Мы считали бы громаднымъ шагомъ впередъ, если бы наша доктрина и судебная практика откинули бы, наконецъ, укоренившееся въ нашей юриспруденціи, но рѣшительно ни на чемъ не основанное узкое толкованіе ст. 1141 и стали бы толковать „самими дѣтьми пріобрѣтенное" въ смыслѣ имущества благопріобрѣтеннаго. Это—тотъ минимумъ, на которомъ мы настаиваемъ, и исполненіе этого требованія есть исполненіе воли законодателя, познаваемой путемъ логическаго и грамматическаго толкованія ст. 1141—1142 т. X ч. 1.

3. Аутентическое толкованіе есть толкованіе, исходящее отъ самой законодательной власти, выраженное въ формѣ истолкованія стараго закона. Подобное аутентическое толкованіе мы—какъ будто—имѣемъ въ Мнѣніи Государственнаго Совѣта по частному дѣлу о наслѣдствѣ Лубье (П. С. З. 1877, янв. 11, № 56832). Какъ мы видѣли выше, защитники оспариваемаго нами ученія ссылаются на рѣшеніе Государственнаго Совѣта по этому дѣлу, послѣдовавшее въ 1877 г., и распубликованное Сенатомъ *„для свѣдѣнія и руководства на будущее время“*. Въ этомъ мнѣніи Госуд. Совѣтъ призналъ, что капиталы, дошедшіе до Лубье отъ его отца, не могутъ быть признаны капиталами пріобрѣтенными самимъ Лубье. Посему, мать Лубье не наслѣдуетъ въ этомъ имуществѣ въ порядкѣ ст. 1141 т. X ч. 1. Въ нашей литературѣ (С. А. Муромцевъ и др.), впрочемъ, подвергалось сомнѣнію сила этого мнѣнія, въ качествѣ аутентическаго толкованія ст. 1141. Указывалось, именно, на то, что Госуд. Совѣтъ предложилъ Министру Юстиціи „сдѣлать распоряженіе о распубликованіи мнѣнія Государ. Совѣта по этому дѣлу *во всеобщее свѣдѣніе*“. А Министръ Юстиціи о таковомъ мнѣніи Госуд. Совѣта предложилъ къ надлежащему исполненію Сената: „о содержаніи мнѣнія Госуд. Совѣта *для свѣдѣнія и руководства на будущее время*, дать знать... надлежащимъ мѣстамъ и лицамъ“. Сенатъ въ исполненіе этого предложенія приказалъ: „о содержаніи вышеизложеннаго Высочайше утвержденнаго мнѣнія Госуд. Совѣта *для свѣдѣнія и руководства на будущее время* увѣдомить“...

Статья же 67 Основ. Зак. (т. I Св. Зак.) гласитъ: „Указъ такъ называемый сепаратный, т.-е. состоявшійся по частному дѣлу, *если въ немъ не будетъ именно означено, что онъ распространяется въ подобныхъ случаяхъ и на будущее время*, и притомъ если онъ не будетъ надлежащимъ порядкомъ обнародованъ, не имѣетъ силы закона“.

Такъ вотъ, изъ сопоставленія текста мнѣнія Госуд. Совѣта съ ст. 67 Основ. Зак., казалось бы, надо сдѣлать то различіе, что мнѣніе Г. Совѣта имѣетъ значеніе лишь сепаратнаго указа, но отнюдь не имѣетъ „силы закона“. Въ самомъ дѣлѣ, Госуд. Совѣтъ не указалъ на то, что изложенныя въ его мнѣніи положенія должны быть распространены въ подобныхъ случаяхъ *и на будущее время*.

Онъ предложилъ М. Ю. „сдѣлать распоряженіе о распубликованіи мнѣнія Госуд. Совѣта по этому дѣлу *во всеобщее свѣдѣніе*“; указаніе же на „*руководство на будущее время*“ было внесено самимъ Министромъ Юстиціи и затѣмъ Сенатомъ. Такимъ образомъ, законныхъ предположеній ст. 67 Основ. Зак. нѣтъ налицо.

Мы лично не считаемъ это соображеніе безспорнымъ. Намъ думается, что много вѣса класть въ слова „во всеобщее свѣдѣніе“ нельзя. Рѣшающее значеніе, по нашему мнѣнію, имѣетъ другое соображеніе: ни въ изданіи 1887 г., ни въ изд. 1900 г. т. X. ч. I мы не находимъ подъ ст. 1141 подстатейной ссылки на это „Мнѣніе“ Госуд. Совѣта. Въ изд. 1887 г. и 1900 г. въ хронологическомъ Указателѣ, Мнѣніе Госуд. Совѣта [П. С. З. 1877 янв. 11, № 56832] показано вошедшимъ въ примѣчаніе къ ст. 1140, которая, однако, содержитъ въ себѣ лишь изложеніе тѣхъ соображеній Госуд. Совѣта, которыми разъясняется право наслѣдованія братьевъ и сестеръ единокровныхъ и единоутробныхъ [см. примѣчаніе къ ст. 1140 т. X. ч. I]. Тѣ же соображенія, какія высказаны Госуд. Совѣтомъ по д. Лубье относительно вопроса о правѣ родителей на капиталы бездѣтно умершихъ дѣтей, въ Свод. Зак. внесены не были. Почему? Намъ это не извѣстно. Быть можетъ, потому что наши позднѣйшіе кодификаторы не считали мнѣніе Госуд. Совѣта по д. Лубье опубликованнымъ въ порядкѣ ст. 67 Основ. Зак. Быть можетъ, этотъ пробѣлъ объяснимъ чисто редакторскимъ недосмотромъ. Намъ важно одно: у русскаго юриста руки развязаны. Съ *формальной точки зрѣнія*, дѣло Лубье, клиномъ врѣзывающееся въ исторію вопроса о наслѣдованіи восходящихъ, не связываетъ юриста-практика. Свободный въ формальномъ отношеніи отъ мнѣнія Госуд. Совѣта, онъ можетъ, наоборотъ, въ ст. 156-[5] т. X. ч. I (изд. 1900 г.) видѣть какъбы аутентическое толкованіе ст. 1141,—толкованіе прямо противоположное рѣшенію по д. Лубье. И это послѣднее толкованіе мы считаемъ единственно вѣрнымъ, съ точки зрѣнія логическаго и грамматическаго толкованія ст. 1141 т. X. ч. I.

4. Мы покончили съ грамматическимъ и логическимъ толкованіемъ ст. 1141. И теперь мы можемъ перейти отъ этой „низшей“ (по терминологіи I. Kohler'a) интер-

претаціи къ „высшей“ интерпретаціи, заключающейся въ изученіи идеи закона (ratio legis). Эта идея познается путемъ выясненія соотвѣтствующихъ общественныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ и составляло задачу законодателя. Важнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ служитъ намъ установленіе *повода* изданія закона (occasio legis). Юристъ обращается и къ мотивамъ законодателя, состоянію права до изданія закона, къ цѣли закона. Это,—такъ называемое, *историческое толкованіе* закона.

И вотъ, въ исторической перспективѣ изданіе Высочайшихъ Указовъ, изъ коихъ извлечена ст. 1141 т. X ч. I, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Вслѣдствіе патріархальнаго строя семейной жизни въ древней Россіи, въ древніе времена въ нашихъ законахъ или совсѣмъ не было постановленій о правѣ наслѣдованія восходящихъ родственниковъ, или такія постановленія были крайне малочисленны [1]). Когда въ началѣ XIX в. въ Общ. Собр. Прав. Сената и послѣ—въ Госуд. Совѣтѣ обсуждался [по дѣламъ Угрюмовой съ Псищевой и Муранова съ Чумашевымъ] вопросъ: кому слѣдуетъ имѣніе бездѣтно умершихъ дѣтей—родителямъ или въ родъ,—наши высшія судебныя учрежденія остались безъ всякаго законодательнаго руководства. Пришлось не только „судить“, сколько творить новый законъ. И вотъ, Госуд. Совѣтъ разсуждалъ такъ: „Поелику въ законахъ нѣтъ постановленія о томъ, чтобы имѣнія, остающіяся послѣ бездѣтно умершихъ, обращать, по восходящей линіи къ родителямъ.... А какъ отцы и матери *по прай естественному суть ближайшіе всѣхъ прочихъ дѣтямъ ровственники*, то по разуму сихъ узаконеній, не удалены они отъ права наслѣдовать“...

Цѣль закона выражена въ этомъ разсужденіи со все-

---

[1]) *Неволинъ*. Исторія россійскихъ гражд. законовъ, т. III, стр. 439 такъ описываетъ этотъ бытъ: „У народовъ, ведущихъ простую жизнь, бываетъ очень крѣпокъ союзъ семейственный: дѣти у нихъ обыкновенно живутъ не въ раздѣлѣ съ своими родителями. Это обстоятельство дѣлаетъ если не совершенно, то, по крайней мѣрѣ, большею частью невозможнымъ открытіе наслѣдства послѣ дѣтей въ пользу родителей: у дѣтей, которыя умерли, живя не въ раздѣлѣ съ своими родителями, обыкновенно ничего не бываетъ, въ чемъ бы могло открываться наслѣдство. Если же родители выдѣлили отъ себя своихъ дѣтей, то тѣмъ самымъ они какъ бы навсегда отказались отъ всякаго права на участіе въ имѣніи дѣтей, которое бы они послѣ этого вытѣла могли пріобрѣсти“.

возможною ясностью. Мысль законодателя та, что, хотя законоположеній, регулирующихъ наслѣдственныя права восходящихъ, нѣтъ, но *по всей справедливости* отцы и матери, какъ ближайшіе всѣхъ прочихъ дѣтямъ родственники", должны наслѣдовать послѣ безпотомно умершихъ дѣтей своихъ.

„Haec aequitas suggerit, etsi jure deficiamur"! (Paulus l. 2, § 5. D. 39. 3).

Въ нашей юриспруденціи твердо установился принципъ, что *справедливость* не есть то начало, которое можетъ быть возведено на степень положительнаго авторитета (К. Р. 1886/77). Ссылка на справедливость не можетъ быть допущена для отмѣны или измѣненія даже отжившаго или несправедливаго закона; она недопустима и при толкованіи неяснаго закона, когда судъ долженъ обращаться къ „общему смыслу законовъ" (ст. 9 У. Г. С.).

Мы, однако, полагаемъ, что руководиться справедливостью и ею вдохновляться при толкованіи ст. 1141 имѣетъ *легальное* оправданіе. Вѣдь самъ законодатель, въ качествѣ ratio legis выставляетъ „право естественное!" Имущество, пріобрѣтенное въ нѣдрахъ семьи должно остаться въ семьѣ. Оно переходитъ къ родителямъ „pro cultura et cura".

И вотъ, если мы обострим всю проблему на вопросѣ о справедливости, то едва ли мы будемъ колебаться въ нашихъ выводахъ. Когда умираетъ безпотомно сынъ или дочь, мы имѣемъ двѣ категоріи наслѣдниковъ. Съ одной стороны, мы имѣемъ родителей, всю свою жизнь изливавшихъ любовь и ласку на дѣтей своихъ и горько оплакивающихъ ихъ утрату. Съ другой стороны, мы имѣемъ отдаленныхъ боковыхъ родственниковъ, чуждыхъ безпотомно умершему ребенку, и быть можетъ впервые узнавшіе о его существованіи послѣ его смерти [1]).

Кому мы должны дарить наши симпатіи?..

Предлагаемое нами толкованіе ст. 1141 призвано умѣрить скорбь тѣхъ, кто плачетъ по утратѣ, — оспариваемое нами толкованіе призвано играть на руку тѣмъ, кто на чужомъ горѣ строитъ свое благополучіе!

---

[1]) Укажемъ кстати и на то, что боковыхъ родственниковъ можетъ и не быть, и тогда имущество безпотомно умершаго пошло бы въ казну. А мать, быть можетъ, неспособная къ труду, осталась бы на улицѣ, безъ куска хлѣба!..

И вотъ, если мы даже останемся въ предѣлахъ буквальнаго смысла ст. 1141, то одно историческое толкованіе само по себѣ способно разрушить установившуюся на почвѣ примѣненія ст. 1141 юриспруденцію. Въ самомъ дѣлѣ, если родители, по буквальному смыслу ст. 1141, имѣютъ право на пожизненное пользованіе имуществомъ, „самими дѣтьми пріобрѣтенное“, то тѣмъ болѣе такое же право должно быть признано за родителями на такое имущество, которое унаслѣдовано было ихъ бездѣтно умершими дѣтьми отъ другого родителя.

Такого рода толкованіе будетъ не произвольнымъ измѣненіемъ закона „туманными и субъективными соображеніями справедливости“, а — дальнѣйшимъ развитіемъ идеи, лежащей въ основѣ и историческомъ смыслѣ ст. 1141.

Т. М. Яблочковъ.

Къ вопросу о кодификаціи.

Нельзя отрицать, что законодательство государствъ, находящихся въ состояніи перестройки и ломки, есть политическое по преимуществу. Наше законодательство эпохи 1904—1910 годовъ не можетъ характеризоваться иначе, какъ политическое. Однако не весь указанный нами періодъ носитъ одинаковый политическій стигматъ. Начало періода—съ 1904 года—оказало вліяніе и на направленіе законодательной дѣятельности власти; здѣсь мы большею частью встрѣчаемся съ нормами либеральнаго значенія, коими съ одной стороны, уничтожаются стѣсненія и сглаживаются соціальныя неравенства, а съ другой,—устанавливаются положительныя нормы, существо которыхъ противно началамъ полицейско-бюрократическаго режима. Однако, если новый строй не укрѣпляется, то и законодательство получаетъ соотвѣтствующую окраску. Въ 1909 и 1910 годы при помощи ст. 87 Осн. Зак., при помощи Думы, разъясненіями Сената и другими средствами стараются, и не безъ успѣха, свести на нѣтъ то, что въ законодательномъ порядкѣ „октроировано" въ предыдущій періодъ. Въ то же время признано было возможнымъ въ помощь открытому законодательствованію взять систему такъ сказать скрытаго законодательства, — путь кодификаціи. Въ первой Государственной Думѣ по почину ея предсѣдателя С. А. Муромцева затрогивался вопросъ о новомъ порядкѣ кодификаціи въ связи съ новымъ порядкомъ законодательства. С. А. Муромцевъ провидѣлъ ту роль, которую призвана играть Государственная Канцелярія. Мы могли бы указать случай, когда законъ, опубликованный въ Собраніи узаконеній, какъ нѣчто цѣльное, единое, самодовлѣющее, при кодификаціи разрывался Госуд. Канцеляріей на такія мелкія части и разносился по столькимъ томамъ Свода Законовъ, такъ распылялся, что терялъ свое значеніе; мы могли бы указать случай, когда кодификаторы вносили

въ Сводъ къ статьѣ такое примѣчаніе, основанное на вновь изданномъ законѣ, которое совершенно уничтожало существо самой статьи, оставляемой тѣмъ не менѣе кодификаторами лишь на томъ основаніи, что въ новомъ законѣ, попавшемъ въ примѣчаніе, не содержалось сакраментальныхъ словъ: „отмѣнить“ такую-то статью. Мы однако на этомъ не останавливаемся, ибо считаемъ такія несообразности добросовѣстными заблужденіями и ошибками. Другое дѣло, когда Государственная Канцелярія выступаетъ въ несвойственной ей роли законоупразднительнаго учрежденія.

Мы приведемъ одинъ примѣръ, иллюстрирующій, думается намъ, какъ нельзя лучше эти несовершенства и неправильности. Въ паспортномъ Уставѣ изданія 1903 г. въ ст. 68 изображено: „Относительно постояннаго или временнаго пребыванія евреевъ какъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, такъ и внѣ оной соблюдаются правила, при семъ приложенныя, а также особыя по сему предмету узаконенія“. Въ приложеніи къ ст. 68 содержатся правила о постоянномъ и временномъ пребываніи евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости и внѣ оной. Статья 1 этихъ правилъ опредѣляетъ границы черты еврейской осѣдлости, а во второй части примѣчаніе 2 къ этой 1 статьѣ правилъ содержится очень важный по своимъ послѣдствіямъ императивъ: „Евреи, незаконно поселившіеся внѣ городовъ и мѣстечекъ, высылаются полиціею въ мѣста, назначенныя для постояннаго жительства евреевъ“. Въ цитатахъ ссылки на извѣстныя законоположенія 3 мая 1882 г. и 29 декабря 1887 г., изъ коихъ первое воспрещаетъ новое водвореніе евреевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ послѣ 3 мая 1882 года, а второе воспрещаетъ переходъ евреевъ изъ селеній, гдѣ они проживали до 3 мая 1882 г., въ другія селенія. Итакъ, если еврей жилъ въ селеніи до 3 мая 1882 г., то онъ почитается имѣющимъ твердо-законное основаніе для проживанія въ этомъ селеніи, но лишенъ безусловно права перейти на жительство въ иное селеніе, въ иную сельскую мѣстность. Однако жизнь въ многообразности своихъ проявленій скоро поколебала категоричность этого запрета. Возникъ вопросъ; можно ли считать нарушеніемъ закона 29 декабря 1887 г. такой случай, когда еврей, располагая правомъ проживанія въ селѣ А, перешелъ на жительство въ село Б, располо-

женное въ значительной близости къ селу А, связанное съ нимъ общностью сельскаго устройства? Такіе случаи не являлись изобрѣтеніемъ кабинетныхъ „крючкотворовъ“, но властно выдвигались самой жизнью, ибо въ Кіевской, напримѣръ, губерніи, особенно по Днѣпру и въ Каневскомъ уѣздѣ, есть села, соединенныя между собой вплотную, группами по 2, по 3 и даже по 4. Правительствующій Сенатъ въ цѣломъ рядѣ указовъ и опредѣленій какъ по 1-му Департаменту, такъ и по Первому Общему Собранію, начиная съ 1890 года, разъяснялъ и нынѣ разъясняетъ, что переходъ еврея изъ одного селенія въ другое, находящееся въ одномъ съ первымъ сельскомъ обществѣ, объединенномъ общностью организаціи сельской администраціи, не можетъ почитаться нарушеніемъ закона 29 декабря 1887 года и поэтому долженъ почитаться дозволеннымъ. Такое толкованіе Сената нормы драконовской строгости нельзя, конечно, не привѣтствовать, ибо „scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim, ac potestatem“ (Lucii Pauli, sententiae ad Silium). Но какъ быть, если еврей, располагая жительствомъ по закону 3 мая 1882 г. въ селѣ А, перейдетъ на жительство въ село Б, расположенное, можетъ быть, и очень близко къ селу А, но въ иномъ сельскомъ обществѣ, быть можетъ, даже въ другой волости или уѣздѣ? Несомнѣнно, право еврея жить въ селѣ А или въ селѣ Б представляется равноцѣннымъ; если еврей не опасенъ, терпимъ и проживаетъ въ селѣ А, то нѣтъ ни логическихъ, ни юридическихъ основаній утверждать, что тотъ же еврей опасенъ, не терпимъ и не можетъ проживать въ селѣ Б въ разстояніи, скажемъ, 5 — 10 верстъ отъ села А. Но съ другой стороны, буквальныя слова закона 29 декабря 1887 г. заставляютъ признать, что при вышеописанной обстановкѣ, когда села А и Б расположены хотя и рядомъ, но входятъ въ составъ различныхъ сельскихъ обществъ, еврей своимъ переходомъ нарушаетъ помянутый законъ, а потому подлежитъ выселенію изъ села Б. Если еврей вновь водворяется изъ города или мѣстечка въ село и это случается послѣ 3 мая 1882 г., то не представляется затрудненій разрѣшить вопросъ, куда такой еврей долженъ быть изъ села или деревни выселенъ: на точномъ основаніи вышецитированной второй части 2-го примѣчанія къ ст. 1 Правилъ, приложен-

ныхъ къ ст. 68 Уст. пасп.—въ мѣста, назначенныя для постояннаго жительства евреевъ, т.-е. въ тотъ же городъ или то же мѣстечко, откуда еврей перешелъ на жительство въ село. А какъ быть съ такимъ евреемъ, который признается нарушившимъ не законъ 3 мая 1882 года, а законъ 29 декабря 1887 года? Конкретно: еврей жилъ по закону 3 мая 1882 г. въ деревнѣ А, перешелъ на жительство въ деревню Б, съ нарушеніемъ закона 27 декабря 1887 г., куда такого еврея выселить изъ деревни Б? Губернскія правленія губерній черты осѣдлости, а за ними и Сенатъ по жалобамъ вплоть до 1904 г. разрѣшали поставленный вопросъ совершенно неправильно и логически и юридически, положивъ въ основаніе чисто софистическое разсужденіе. Сенатъ и Губернскія Правленія разсуждали: еврей жилъ въ селѣ А по закону 3 мая 1882 года, перешелъ на жительство въ село Б съ нарушеніемъ закона 29 декабря 1887 г.; тѣмъ самымъ, что онъ нарушилъ законъ 29 декабря 1887 г., онъ долженъ быть признанъ утерявшимъ право жительства въ сельской мѣстности по закону 3 мая 1882 г., а поэтому долженъ разсматриваться въ отношеніи села Б, какъ вновь туда водворившійся изъ города или мѣстечка, а вновь водворившіеся подлежатъ выселенію въ черту осѣдлости, т.-е. въ города и мѣстечки; слѣдовательно и еврей, жившій по закону 3 мая 1882 г. въ селѣ А и перешедшій въ село Б съ нарушеніемъ закона 29 декабря 1887 г., долженъ быть выселенъ изъ села Б въ черту осѣдлости, т.-е. въ какое-либо городское поселеніе: quaternio terminorum очевидный. Такая практика Губернскихъ Правленій и Сената не могла, конечно, не вызвать отпора со стороны заинтересованныхъ лицъ, которыя такимъ распоряженіемъ власти подвергались окончательному разорѣнію. По жалобѣ нѣкоего Голдина дѣло о выселеніи его восходило въ порядкѣ ст. 118 Учр. Сената на разсмотрѣніе I Департамента Государственнаго Совѣта, положеніе коего было Высочайше утверждено 12 апрѣля 1907 г. Это аутентическое толкованіе закона содержитъ слѣдующія цѣннѣйшія положенія: „Переходя къ обсужденію вопроса о правѣ Голдина за выселеніемъ его изъ селенія—куда онъ перешелъ на жительство изъ деревни Усовцы—возвратиться въ прежнее его мѣстожительство—дер. Усовцы, слѣдуетъ замѣтить, что сущность законо-

положеній 3 мая 1882 г. и 29 декабря 1887 г. сводится къ воспрещенію: 1) евреямъ, проживавшимъ при обнародованіи временныхъ правилъ 3 мая 1882 г. въ городахъ и мѣстечкахъ, *вновь* поселяться внѣ оныхъ — въ сельскихъ мѣстностяхъ и 2) евреямъ, жительствовавшимъ въ означенное время въ такихъ мѣстностяхъ, переселяться послѣ 29 декабря 1887 года изъ одного селенія въ другое. Соотвѣтственно съ симъ *послѣдствія нарушенія упомянутыхъ законоположеній должны заключаться въ высылкѣ еврея изъ мѣста незаконнаго его поселенія въ мѣсто, гдѣ онъ проживалъ до изданія оныхъ* (курсивъ нашъ). Другихъ, кромѣ этихъ, послѣдствій не указано вовсе ни во временныхъ правилахъ 3 мая 1882 года, ни равнымъ образомъ и въ онѣ 29 декабря 1887 года, *и не вытекаетъ изъ цѣли изданія означенныхъ законоположеній* (курсивъ нашъ), которая состояла въ прекращеніи дальнѣйшаго наплыва евреевъ въ сельскія мѣстности черты общей ихъ осѣдлости, *но отнюдь не въ выдвореніи изъ такихъ мѣстностей уже проживающихъ въ оныхъ евреевъ* (курсивъ нашъ). Въ виду сего и принимая во вниманіе, что признаніе еврея, въ силу одного факта незаконнаго — послѣ 29 декабря 1887 года—перехода изъ одного селенія въ другое, утратившимъ вообще право проживать въ сельской мѣстности и обязаннымъ водвориться впредь въ городскомъ поселеніи, представлялось бы явнымъ нарушеніемъ основного начала, по коему исключительные законы распространительному толкованію подлежать не могутъ"..... въ виду каковыхъ соображеній постановленіе Виленскаго Губернскаго Правленія было отмѣнено въ той части, въ коей постановленіемъ этимъ воспрещено Голдину возвращеніе въ дер. Усовцы. Такимъ образомъ въ соотвѣтствіи съ началами, положенными въ основаніе приведеннаго необыкновенно яснаго и красиво построеннаго аутентическаго толкованія закона, вопросъ о томъ, куда долженъ быть выселенъ еврей, проживавшій по закону 3 мая 1882 г. въ селѣ А и перешедшій на жительство въ село Б съ нарушеніемъ закона 29 декабря 1887 г. разрѣшается совершенно опредѣленно и ясно: назадъ въ село А.

Извѣстно, что аутентическое толкованіе закона имѣетъ силу послѣдняго, такъ какъ само по себѣ является зако-

номъ. Посмотримъ же теперь, какъ этотъ законъ кодифицированъ.

Положенія Уст. пасп., изд. 1903 года выше приведены. 11 августа 1904 года воспослѣдовалъ Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату, коимъ еврейскому населенію Имперіи предоставлялись извѣстныя льготы или, вѣрнѣе сказать, ослаблялся въ извѣстной степени гнетъ исключительныхъ законовъ, что и констатировалось въ самой начальной части указа: „Признавая *справедливымъ* ввести, впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ, нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующія постановленія о правахъ ихъ жительства въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, Мы повелѣли установить нижеслѣдующія правила“... Самыя правила Указа 11 августа 1904 года хотя и не касаются спеціально случая, разрѣшеннаго Государственнымъ Совѣтомъ по дѣлу Голдина, но цитированная начальная часть предуказываетъ льготное значеніе всего направленія дѣла, что, конечно, обязывало Государственную Канцелярію при кодификаціи отнестись съ нарочитой осторожностью ко всѣмъ тѣмъ льготамъ, кои уже — въ предѣлахъ, затронутыхъ Указомъ 11 августа 1904 года—сдѣланы. Сводное продолженіе къ XIV тому вышло въ 1906 году. Указъ 11 августа 1904 года въ Уставѣ паспортномъ по продолженію 1906 года кодифицированъ, при чемъ вторая часть прим. 2 къ ст. 1 прил. къ ст. 68 Уст. пасп. вполнѣ точно воспроизводитъ эту же часть прим. 2 къ ст. 1 прил. къ ст. 68 Уст. пасп. изд. 1903 года: 1906 года „Евреи, незаконно поселившіеся внѣ городовъ и мѣстечекъ, высылаются въ мѣста, назначенныя для постояннаго жительства евреевъ“; 1903 года „Евреи, незаконно поселившіеся внѣ городовъ и мѣстечекъ, высылаются полиціею въ мѣста, назначенныя для постояннаго жительства евреевъ“. Если обратиться къ цитатамъ по 1906 году, то увидимъ ссылки на законы 3 мая 1882 г., 29 декабря 1887 года, Указъ 11 августа 1904 года и на Собраніе узаконеній 1905 г. 16 іюня, № 127, ст. 1141. Послѣдняя цитата особенно интересна. Здѣсь опубликована выписка изъ журнала Государственнаго Совѣта такого содержанія: „Государственный Совѣтъ въ Соединенныхъ Департаментахъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

о примѣненіи Именного Высочайшаго Указа 11 августа 1904 года относительно нѣкоторыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о правахъ жительства евреевъ, мнѣніемъ положилъ: Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній постановить:

...6) Евреи ремесленники и евреи перечисленныхъ цеховъ (перечисленіе), *законно* водворившіеся въ губерніяхъ постоянной ихъ осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ въ случаѣ оставленія ими ремесленныхъ занятій или производительнаго труда, подлежатъ выселенію въ мѣста, для постояннаго ихъ жительства назначенныя". Итакъ, то, что представлялось спорнымъ до дѣла Голдина и по этому послѣднему дѣлу рѣшено въ смыслѣ признанія неправильными ограничительныхъ толкованій,—здѣсь незыблемо устанавливается въ видѣ будто бы существующихъ законодательныхъ ограниченій. Трагичность положенія состоитъ въ томъ, что норма несомнѣнно отяготительнаго значенія проводится въ Сводъ законовъ подъ флагомъ кодификаціи льготнаго Указа 11 августа 1904 года! Въ такой роли кодификаторское престидижаторство, кажется, еще никогда не выступало! Но, можетъ быть, Государственная Канцелярія затѣмъ въ дальнѣйшихъ изданіяхъ продолженій исправила этотъ грѣхъ? Ничуть не бывало! Послѣ 12 апрѣля 1907 года, т.-е. послѣ Высочайше утвержденнаго положенія I Департамента Государственнаго Совѣта по дѣлу Голдина, когда мы получили аутентическое толкованіе закона съ указаніемъ и такимъ же аутентическимъ толкованіемъ цѣлей законоположеній 3 мая 1882 года и 29 декабря 1887 года, продолженіе т. XIV Свода законовъ, Устава паспортнаго появилось въ 1908 году и здѣсь по интересующему насъ вопросу нѣтъ никакихъ измѣненій.—Можно, пожалуй, возразить, что обязательное значеніе имѣетъ лишь Сводъ Законовъ, издаваемый по Высочайшему повелѣнію, а Продолженія, издаваемыя Государственной Канцеляріей такого значенія не имѣютъ, что во всякомъ конкретномъ случаѣ можно сослаться на дѣло Голдина и добиться отмѣны неправильнаго выселенія. Быть можетъ, это и такъ, но, во-первыхъ, такъ обстоитъ дѣло лишь въ теоріи, на практикѣ же Продолженія Свода Законовъ столь же обязательны къ руководству, какъ и Сводъ Законовъ, а во-

вторыхъ, мы имѣли въ виду разсмотрѣть вопросъ лишь съ точки зрѣнія кодификаціи и ея недостатковъ.

Если изложенное хотя бы въ слабой степени послужитъ подкрѣпленіемъ мыслей о необходимости измѣненія у насъ дѣла кодификаціи, то авторъ этихъ строкъ будетъ считать цѣль свою достигнутой.

В. А.

V Международный Конгрессъ патроната въ Антверпенѣ.

Въ теченіе всего XIX столѣтія,—въ однѣхъ странахъ медленнѣе, въ другихъ быстрѣе, — патронатъ не переставалъ развиваться... Вмѣстѣ съ этимъ въ этой новой сферѣ общественной дѣятельности возникали все новые вопросы, на первый взглядъ иногда легкіе и простые, на самомъ же дѣлѣ весьма трудные и способные, при неправильномъ рѣшеніи, если не подорвать въ корнѣ, то серьезно затормазить дѣло патроната. Все накоплявшійся опытъ ясно подсказывалъ дѣятелямъ патроната необходимость, по примѣру работниковъ въ другихъ областяхъ общественной дѣятельности и науки, время отъ времени обмѣниваться своими знаніями на съѣздахъ или конгрессахъ. Уже довольно давно появились время отъ времени повторяющіеся національные съѣзды, а затѣмъ и международные конгрессы. Въ настоящее время, надо замѣтить, вообще идея международнаго обмѣна знаній и услугъ въ области патроната получаетъ все большее признаніе и развитіе [1]).

Въ текущемъ году, между 16 и 21 іюля по новому стилю, въ Антверпенѣ, происходилъ пятый по счету конгрессъ патроната [2]). Засѣданіямъ конгресса были посвящены собственно 4 дня, 17—20 іюля; пятница 21 іюля была занята исключительно празднествами, устроенными въ честь конгрессистовъ. Засѣданія конгресса происходили въ залахъ королевскаго общества зоологіи, въ большомъ домѣ, находящемся при извѣстномъ антверпен-

---

[1]) Вопросъ о необходимости для обществъ патроната различныхъ странъ входить нерѣдко въ сношенія другъ съ другомъ и согласовать свои дѣйствія разбирался уже на второмъ международномъ конгрессѣ (1894) и рѣшенъ утвердительно.

[2]) Предшествующіе конгрессы происходили въ 1890, 1894, 1898 и 1905 гг.

скомъ зоологическомъ садѣ. Почетными предсѣдателями конгресса были бывшій и настоящій министры юстиціи, гг. de Lantsheere и Carton de Wiart. Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ профессоръ уголовнаго права въ брюссельскомъ университетѣ Prins. Товарищами предсѣдателя были делегаты правительствъ различныхъ государствъ. Въ конгрессѣ приняли участіе, черезъ своихъ делегатовъ, около 20 государствъ, въ томъ числѣ и Россія.

Конгрессъ былъ открытъ въ 3 часа, въ воскресенье, 16 іюля. Это первое торжественное собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ нынѣшняго министра юстиціи г. Carton de Wiart. Послѣ краткой привѣтственной рѣчи министра юстиціи послѣдовало избраніе предсѣдателемъ конгресса профессора Принса. Поблагодаривъ собраніе за единодушное избраніе его предсѣдателемъ и выразивъ сожалѣніе, что онъ не видитъ болѣе на предсѣдательскомъ креслѣ, какъ на прежнихъ конгрессахъ, маститаго Jules Lejeune, Принсъ остановился въ нѣсколькихъ словахъ на общественномъ значеніи патроната, отмѣтилъ его сильное развитіе въ XIX столѣтіи и подчеркнулъ, что при условіяхъ современной общественной жизни, при массѣ выброшенныхъ за бортъ людей, духовно оскудѣлыхъ, часто носящихъ печать тяжкой наслѣдственности, патронатъ—въ широкомъ смыслѣ попеченія о лицахъ, не могущихъ существовать въ обществѣ самосостоятельно,—пріобрѣлъ особенное значеніе. Затѣмъ онъ указалъ на ту видную роль, которую можетъ играть и играетъ, особенно въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой общественной дѣятельности женщина. Въ заключительныхъ словахъ своей рѣчи онъ выразилъ пожеланіе, чтобы настоящій конгрессъ послужилъ сигналомъ новаго прогресса въ сферѣ потроната. Рѣчью профессора Принса и избраніемъ, по его предложенію, товарищей предсѣдателя и секретарей и закончилось это первое засѣданіе конгресса, длившееся около $1^1/_2$ часа и въ общемъ не представлявшее серьезнаго интереса.

Засѣданія секцій начались со слѣдующаго дня. Какъ и на прежнихъ конгрессахъ, секцій было три: первая занималась вопросами, касающимися патроната надъ освобождаемыми изъ мѣстъ заключенія взрослыми; вторая—вопросами, относящимися къ охранѣ дѣтей; третья—

вопросами о призрѣніи нищихъ, бродягъ и душевнобольныхъ. Къ сожалѣнію, всѣ секціи засѣдали въ одни и тѣ же часы, по утрамъ, отъ 9 до 11 или до 11 съ минутами, такъ что слѣдить за преніями, происходившими въ нихъ, было очень затруднительно. Казалось бы, возможно устраивать засѣданія секцій въ разное время, если допустить вечернія засѣданія и засѣданія между 3 и 6 часами дня.

Въ каждой секціи для занятій были намѣчены по два сложныхъ вопроса, по которымъ и велись пренія. Первая секція занималась слѣдующими двумя вопросами: вопросомъ о наилучшей огранизаціи трудовой помощи патронируемымъ и вопросомъ о желательныхъ,—въ цѣляхъ наиболѣе легкой реклассаціи патронируемыхъ,—предѣлахъ условнаго освобожденія. По каждому изъ этихъ вопросовъ было представлено нѣсколько докладовъ. Особенное вниманіе секціи привлекъ къ себѣ 1-й вопросъ. По этому вопросу были представлены доклады ver Loren van Themaat'омъ, адвокатомъ изъ Утрехта, van Frachen'омъ, товарищемъ секретаря брюссельскаго комитета патроната и Henri Prudhomme'омъ, главнымъ секретаремъ французскаго Societé générale des prisons. Все обсужденіе вопроса въ секціи свелось къ чтенію и къ разсмотрѣнію длиннаго ряда тезисовъ, выставленныхъ въ докладѣ ver Loren'a.

Въ своемъ докладѣ ver Loren полагалъ, что содѣйствіе патронируемымъ въ пріисканіи работы должно выражаться въ слѣдующихъ формахъ. Прежде всего, онъ справедливо замѣчаетъ, что изъ двухъ способовъ оказанія помощи,—помѣщенія патронируемаго въ среду свободнаго рабочаго люда и помѣщенія его въ трудовое убѣжище,—лучшимъ является первый (le placement dans la societé libre. стр. 8—9). Но если не удастся пристроить патронируемаго къ какому-либо нанимателю, приходится помѣстить его въ учрежденіе, гдѣ бы ему была дана работа. Такимъ образомъ, на помѣщеніе въ учрежденіе трудовой помощи докладчикъ смотритъ какъ на временную мѣру, которая должна быть принята въ случаѣ невозможности немедленно найти патронируемому мѣсто. Пребываніе патронируемаго въ учрежденіи трудовой помощи должно быть, какъ правило, кратковременнымъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ продолжи-

тельнымъ (стр. 9). Для того, чтобы общества патроната могли съ успѣхомъ искать мѣста для своихъ питомцевъ, необходимо, или чтобы они прибѣгали къ помощи бюро для пріисканія занятій, или чтобы они имѣли особыхъ платныхъ агентовъ. Эти агенты должны пріискивать мѣста и встрѣчать освобождаемыхъ арестантовъ, по выраженію докладчика, „у воротъ тюрьмы“ (aux portes même de la prison). Но имъ не должно быть предоставляемо право посѣщать арестантовъ въ тюрьмѣ. Посѣщенію арестантовъ въ тюрьмѣ и извѣстной подготовкѣ ихъ, прежде принятія подъ покровительство, докладчикъ справедливо придаетъ очень важное значеніе. Но онъ полагаетъ, что это—функція членовъ общества патроната, работающихъ безвозмездно, а не платныхъ агентовъ. Затѣмъ докладчикъ довольно подробно остановился на организаціи двухъ упоминаемыхъ въ его докладѣ учрежденій: бюро для пріисканія занятій и трудовыхъ убѣжищъ. Что касается бюро, то онъ не одобряетъ существующаго въ Голландіи порядка. Въ Голландіи существуетъ лишь одно общество патроната—„Нидерландская ассоціація для нравственнаго исправленія арестантовъ“ [1]),—основанное еще въ 1823 году по инціативѣ голландскаго филантропа Вильяма Сурингаръ и подраздѣляющееся на 29 мѣстныхъ обществъ. Собственно говоря, эта ассоціація представляетъ собою болѣе, чѣмъ общество патроната, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ наши благотворительно-тюремные комитеты. Такъ, она заботится объ улучшеніи питанія арестантовъ, о школьномъ обученіи въ тюрьмахъ, о религіозномъ просвѣщеніи арестантовъ, вообще о практическомъ осуществленіи въ тюрьмѣ настоящаго пенитенціарнаго режима. Въ этомъ отношеніи задачи этой ассоціаціи шире задачъ нашихъ комитетовъ. Въ числѣ своихъ задачъ, „Нидерландская ассоціація“ вѣдаетъ и функціи патроната; его дѣятельность, между прочимъ, распространяется и на нищихъ и бродягъ, и на малолѣтнихъ преступниковъ. Съ 1905 г. это общество получаетъ извѣстную субсидію отъ государства. Въ 1903 году имъ устроено трудовое убѣжище

---

[1]) Association néerlandaise pour l'amélioration morale des détenus.

Het Groote Woudhuis[1]) и открыто въ Амстердамѣ особое бюро для пріисканія занятій, долженствующее обслуживать всю Голландію („office central de placement et de renseignements"). Докладчикъ высказывается противъ принятаго на его родинѣ порядка. Вслѣдствіе удаленности центральнаго бюро отъ многихъ мѣстностей его услугами часто трудно пользоваться; пока напишешь и пошлешь должныя свѣдѣнія о потронируемомъ и получишь отвѣтъ, проходитъ много времени, и часто, послѣ долгихъ ожиданій, получается отрицательный отвѣтъ. Необходимо имѣть здѣсь же на мѣстѣ бюро, услугами котораго можно было бы пользоваться. Докладчикъ думаетъ при этомъ, что нѣтъ нужды и даже неудобно устраивать бюро для пріисканія занятій исключительно освобождаемымъ изъ тюремъ. Онъ желалъ бы, чтобы въ большихъ городахъ существовали устроенныя частными обществами или лицами бюро для пріисканія занятій безработнымъ, въ частности, и освобожденнымъ изъ тюремъ. Комитеты патроната могли бы содѣйствовать образованію подобныхъ обществъ и принимать участіе въ управленіи бюро, взявъ на себя извѣстную часть издержекъ. Отдѣльныя бюро должны объединяться посредствомъ извѣстнаго центральнаго бюро. Противъ устройства бюро исключительно для освобожденныхъ изъ тюремъ докладчикъ приводитъ, между прочимъ, два соображенія: во-первыхъ, въ эти бюро мало кто будетъ обращаться въ виду той антипатіи и подозрительности, съ которыми въ обществѣ обыкновенно относятся къ преступникамъ; во-вторыхъ, тѣ наниматели, которые рѣшаются обратиться въ это бюро, постараются использовать стѣснен-

---

[1]) Это убѣжище открыто въ 1903 г. въ окрестностяхъ Apeldoorn'а исключительно для освобожденныхъ изъ тюремъ и рабочаго дома. Убѣжище представляетъ сельско-хозяйственную колонію, во главѣ которой стоитъ комиссія изъ трехъ лицъ, выбираемыхъ центральнымъ комитетомъ „нидерландской ассоціаціи". Завѣдываніе колоніей поручено директору и его помощнику—фермеру, который и ведетъ сельское хозяйство. Въ колонію принимаются лишь работоспособныя лица въ возрастѣ отъ 21 года до 45 лѣтъ. Какъ правило, пребываніе въ колоніи не можетъ продолжаться болѣе 6 мѣсяцевъ. Для болѣе продолжительнаго пребыванія необходимо спеціальное разрѣшеніе стоящей во главѣ колоніи комиссіи. Въ колоніи, въ небольшихъ размѣрахъ, ведутся и разныя ремесленныя работы. Рецидивисты въ колонію не принимаются. Каждый призрѣваемый въ теченіе первыхъ 15 дней не получаетъ платы за работу, а затѣмъ получаетъ въ день отъ 10 до 22 центовъ (21—45 сантимовъ). Работы лѣтомъ начинаются въ 5 часовъ утра и кончаются въ 7 час. вечера, съ 4 перерывами, а зимой отъ $6^1/_2$ час. утра до 4 час. пополудни, съ 3 перерывами.

ное положеніе нанимаемыхъ и назначить имъ низшую плату по сравненію съ другими рабочими. Это послѣднее обстоятельство можетъ удерживать и многихъ бывшихъ арестантовъ отъ обращенія въ подобное бюро (стр. 10—16). При отсутствіи бюро обществамъ патроната остается прибѣгнуть къ услугамъ платныхъ агентовъ.

Что касается трудовыхъ убѣжищъ, то докладчикъ считаетъ ихъ полезными для двухъ категорій лицъ: во-первыхъ, для тѣхъ, которыхъ опасно сразу пустить въ среду свободнаго люда, а надо подготовить къ полной свободѣ, и, во-вторыхъ, для тѣхъ, которымъ не удастся найти мѣсто (стр. 18). Для первыхъ пребываніе въ убѣжищѣ можетъ быть не только полезно, но даже необходимо. Докладчикъ высказывается, при этомъ, противъ убѣжищъ спеціально для освобожденныхъ изъ тюремъ. Въ проектируемыя имъ убѣжища должны приниматься вообще безработные, въ частности, и бывшіе арестанты. Только при такомъ условіи эти убѣжища избѣгнутъ упрека, что людямъ, совершившимъ преступленіе, оказывается какая-то особая поддержка, которой лишены непреступные граждане; только при такомъ условіи и пребываніе въ убѣжищѣ не будетъ налагать на человѣка никакого клейма. Въ убѣжищѣ должны быть относительно строгая, но прогрессивно, по мѣрѣ пребыванія патронируемаго смягчающаяся дисциплина и хорошій надзоръ. Для того, чтобы можно было индивидуализировать режимъ и обратить достаточное вниманіе на каждаго питомца, число питомцевъ въ убѣжищѣ не должно быть велико. Главнымъ занятіемъ питомцевъ должна быть работа. Но не слѣдуетъ забывать о другой морализующей силѣ—о религіи, которой въ жизни убѣжища должно быть отведено видное мѣсто. Желательно, чтобы при убѣжищѣ существовала и библіотека съ хорошимъ подборомъ книгъ и происходили бесѣды. Питомцы убѣжища должны, поскольку могутъ, окупать свое содержаніе своимъ трудомъ. Если отъ нихъ нельзя требовать, чтобы они вполнѣ окупали свое содержаніе, то можно во всякомъ случаѣ требовать, чтобы они окупали болѣе или менѣе значительную часть содержанія.

Таково главное содержаніе излагаемаго доклада. Два другіе доклада мало что прибавили къ докладу ver

Loren'a. Докладъ Frachen'a совсѣмъ не давалъ какихъ-либо теоретическихъ положеній для обсужденія. Въ докладѣ Prudhomme вкратцѣ намѣчались нѣкоторыя черты организаціи двоякаго рода трудовыхъ убѣжищъ: 1) для кратковременнаго содержанія и 2) для продолжительнаго содержанія патронируемыхъ съ ослабленной волей (invalides de la volonté). Естественно, что обсужденіе вопроса въ секціи свелось къ обсужденію тезисовъ доклада ver Loren'a, а другіе доклады остались въ сторонѣ. Пренія по поводу выдвинутыхъ ver Loren'омъ положеній не отличались страстностью. Нѣкоторые (напр., врачъ Брюссельской тюрьмы Vervaeck, также Rosenfeld) возражали противъ взгляда докладчика, что освобождаемый долженъ быть встрѣчаемъ „у воротъ тюрьмы"; они полагали, что оказывать покровительство стоитъ лишь тому, кто нашелъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы самъ явиться въ канцелярію комитета патроната. Возражали и противъ другихъ положеній докладчика. Такъ, напр., нѣкоторые высказывались въ пользу бюро для пріисканія занятій, которыя занимались бы исключительно освобожденными изъ тюремъ, потому что только эти бюро могутъ вполнѣ считаться со всѣми особенностями положенія патронируемыхъ. То обстоятельство, что наниматели, обращающіеся въ такія бюро, будутъ напередъ знать преступное прошлое нанимаемыхъ, говоритъ не противъ, а за это бюро; прошлое нанимаемаго и не должно быть скрываемо отъ нанимателя. Въ такомъ смыслѣ высказывался, напр., van Vlissingen и др. Almquist возражалъ противъ положенія ver Loren'a, что питомцы азиля должны окупать, по крайней мѣрѣ, значительную часть затрачиваемыхъ на нихъ издержекъ; онъ указывалъ, что патронируемый можетъ быть недостаточно искусенъ для этого въ ремеслѣ, но достоинъ покровительства по другимъ условіямъ. Ver Loren утверждалъ, что выставляемое имъ положеніе должно быть удержано въ качествѣ общаго принципа, но что общество патроната можетъ понимать его достаточно широко, чтобы избѣжать возможныхъ неудобствъ. Въ результатѣ преній, путемъ голосованія, секціей былъ принятъ цѣлый рядъ положеній. Вотъ, въ краткой передачѣ, эти положенія.

I. Патронатъ долженъ, еще во время пребыванія заключенныхъ въ тюрьмѣ, подготавливать ихъ къ возвра-

щенію въ свободную жизнь, устанавливая между арестантами и посѣщающими тюрьмы своими членами соотвѣтствующія сношенія. Арестанта слѣдуетъ при этомъ освѣдомить о всѣхъ способахъ пріисканія работы, которыми онъ можетъ воспользоваться.

II. Желательно, чтобы освобождаемые изъ мѣстъ заключенія, въ отношеніи которыхъ учрежденія патроната (les oeuvres de patronage) признаютъ это необходимымъ и реклассація которыхъ этими учрежденіями подготовлялась, были принимаемы подъ покровительство общества въ самый моментъ освобожденія изъ тюрьмы.

III. Желательно, чтобы учрежденія патроната озаботились созданіемъ особыхъ бюро для пріисканія занятій и управляли этими бюро и чтобы освобожденные изъ мѣстъ заключенія обращались преимущественно въ эти бюро.

IV. Не слѣдуетъ отказывать въ пріемѣ въ устроенныя комитетами патроната бюро для пріисканія занятій или въ трудовыя убѣжища обращающимся въ эти учрежденія лицамъ, не подвергавшимся осужденію.

V. Желательно, чтобы учрежденія патроната озаботились созданіемъ трудовыхъ убѣжищъ для отбывшихъ заключеніе и управляли этими убѣжищами; желательно, чтобы освобождаемые изъ мѣстъ заключенія направлялись преимущественно въ эти убѣжища.

VI. Въ убѣжищахъ могутъ оставаться лишь лица, старающіяся возмѣстить расходы на ихъ содержаніе своимъ трудомъ.

VII. Слѣдуетъ стараться занять освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія какъ чернорабочихъ, такъ и интеллигентовъ работами, соотвѣтствующими ихъ навыкамъ (интеллигентовъ, напр., письменными работами) и избѣгать того, чтобы, благодаря несвойственнымъ имъ работамъ, они утрачивали пріобрѣтенные ими навыки, необходимые для ихъ профессіи.

Второй вопросъ, которымъ занималась первая секція, сводился къ слѣдующему: желательно ли и, если—да, то въ какихъ предѣлахъ расширить примѣненіе досрочнаго освобожденія, чтобы облегчить реклассацію преступниковъ, т.-е. возвращеніе ихъ въ общество? По этому вопросу были представлены коротенькіе доклады льежскимъ профессоромъ Thiry, адвокатомъ изъ Лилля Car-

pentier и берлинскимъ прокуроромъ Розенфельдомъ. Послѣ непродолжительнаго обмѣна мнѣній была единогласно принята слѣдующая резолюція: конгрессъ удостовѣряетъ, что въ странахъ, гдѣ досрочное освобожденіе примѣнялось при содѣйствіи комитетовъ патроната, оно давало хорошіе результаты, въ смыслѣ реклассаціи преступниковъ, и выражаетъ пожеланіе, чтобы эта мѣра широко примѣнялась.

Почти единогласно была принята и другая резолюція: возмѣщеніе причиненнаго ущерба должно считаться однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ данныхъ для оцѣнки степени исправленія преступника, которое должно служить основаніемъ для освобожденія.

Вторая секція занялась, прежде всего, вопросомъ о судахъ для юношества, хотя онъ былъ поставленъ вторымъ въ программѣ этой секціи.

Вопросъ формулировался такъ: можно ли рекомендовать учрежденіе особыхъ судовъ для дѣтей и, если—да, то каковы должны быть организація, порядокъ дѣятельности и компетенція этихъ судовъ. Обсужденіе началось съ сообщенія представителей нѣкоторыхъ государствъ (Австріи и Франціи) о томъ, что сдѣлано по данному вопросу на ихъ родинѣ. Съ самаго начала было замѣтно, что идея особыхъ судовъ для подростковъ пользуется сочувствіемъ всѣхъ членовъ конгресса. Она никѣмъ и не оспоривалась. Но нѣкоторые члены конгресса желали пойти далѣе, они желали совсѣмъ устранить идею суда надъ подростками и передать разсмотрѣніе дѣлъ о нихъ учрежденіямъ патроната или особымъ лицамъ—не судьямъ. Въ пользу такого взгляда высказывался, напр., Принсъ. Обсужденіе вопроса и свелось къ спору, нужно ли учреждать для разбора дѣлъ подростковъ особые суды или учрежденія несудебнаго характера. При этомъ обсужденіе шло не по тому пути, какъ въ первой секціи, гдѣ читались и обсуждались тезисы доклада ver Loren'a. Доклады, представленные конгрессу, остались въ сторонѣ, вѣроятно, отчасти потому, что въ нихъ главное мѣсто было отведено обрисовкѣ судовъ для юношества въ той или другой странѣ или въ нѣсколькихъ странахъ и не было или сравнительно мало было принципіальныхъ соображеній. Таковы были доклады Carton de Wiart, Lindsay и сообщеніе приватъ-доцента

Вамбери о судахъ для подростковъ въ Венгріи [1]). Резолюція конгресса отразила въ себѣ два боровшіяся въ немъ мнѣнія: о необходимости особыхъ судовъ для юношества и о необходимости замѣнить для подростковъ суды иными, несудебными учрежденіями. Послѣдняя, вполнѣ правильная и уже довольно давно высказанная нѣкоторыми (въ томъ числѣ — и мною) мысль, къ сожалѣнію, не была принята конгрессомъ, хотя оставила слѣдъ на его резолюціи.

Конгрессъ призналъ, что „судебныя учрежденія (la juridiction), предназначенныя принимать тѣ или иныя мѣры по отношенію къ дѣтямъ должны носить опекунскій (tutélaire) характеръ". „Организація этого суда должна по необходимости мѣняться въ зависимости отъ взгляда судьи, но участіе въ разборѣ дѣлъ подростковъ судебной власти всегда должно имѣть мѣсто, и судопроизводство по этимъ дѣламъ должно представлять тѣ же гарантіи, какія существуютъ въ другихъ судахъ". Затѣмъ было признано желательнымъ, чтобы при судѣ состояли особые помощники (наблюдатели или попечители), которые занимались бы разслѣдованіемъ дѣлъ о подросткахъ и среды, окружающей подростковъ, и наблюдали бы за дѣтьми, за которыми имъ поручитъ наблюдать судья, чтобы въ составъ такихъ помощниковъ вошли въ значительномъ числѣ женщины. Конгрессъ призналъ допустимымъ, чтобы эти помощники или помощницы судьи получали жалованье. Но ихъ дѣятельность не должна носить характера полицейскаго или административнаго. Что касается мѣръ, которыя судья можетъ примѣнять къ подросткамъ, то признано желательнымъ, чтобы судья по возможности оставлялъ подростковъ на свободѣ, но подъ наблюденіемъ. При этомъ судья долженъ находиться въ общеніи съ такими дѣтьми какъ лично, такъ и черезъ наблюдающихъ за ними своихъ помощниковъ. Конгрессъ призналъ полезнымъ, чтобы суды для юношества занимались не только дѣтьми, совершившими правонарушенія, но и дѣтьми нравственно-заброшенными, недоразвитыми въ умственномъ или нрав-

---

[1]) Кромѣ того, членамъ конгресса раздавались брошюры *Szilagyi*—La protection de l'enfance en Hongrie Budapest. 1911, и *Horváth*:—Le développement du patronage en Hongrie depuis 1905.

ственномъ отношеніяхъ, а также дѣтьми, ставшими жертвой злоупотребленій со стороны родителей. Въ этомъ пожеланіи такъ же, какъ и въ заявленіи объ опекунскомъ характерѣ судовъ для юношества, можно видѣть проблескъ идеи, что преступныя дѣти, какъ и вообще несчастныя дѣти, должны подлежать вѣдѣнію не судовъ, какова бы ни была организація послѣднихъ, а особыхъ попечительствъ или попечителей.

Конгрессомъ, наконецъ, было выражено интересное пожеланіе, чтобы въ скорѣйшемъ времени было приступлено къ изданію международнаго журнала, выходящаго разъ въ три мѣсяца, для разработки вопросовъ, касающихся дѣтскихъ судовъ и вопросовъ съ ними связанныхъ.

Цѣлый рядъ пожеланій былъ высказанъ конгрессомъ и по первому вопросу второй секціи. Вопросъ этотъ касался заведеній для дѣтей и, въ сущности, представлялъ собою цѣлый комплексъ вопросовъ. Онъ былъ формулированъ такъ: какимъ образомъ должны быть организованы учрежденія, предназначенныя для временнаго или продолжительнаго содержанія дѣтей преступныхъ, нищенствующихъ или бродяжничающихъ? Не слѣдуетъ ли, при учрежденіи и организаціи этихъ заведеній, въ большей мѣрѣ считаться съ физіологическими и психическими свойствами дѣтей; въ частности, не слѣдовало ли бы обратить особенное вниманіе на ненормальныхъ дѣтей? По этому вопросу были представлены доклады Waesberghe и Gillet. Въ первомъ общемъ докладѣ Waesberghe и Gillet приводилась, главнымъ образомъ, та мысль, что въ заведеніяхъ для дѣтей питомцы должны быть разбиты на изолированныя группы профессіональнаго характера, т.-е. состоящія изъ дѣтей, занятыхъ однимъ ремесломъ или обучающихся одному ремеслу. Профессіональное обученіе должно стоять въ этихъ заведеніяхъ на первомъ планѣ въ системѣ воспитанія. Подраздѣленіе дѣтей по группамъ по степени порочности или испорченности докладчики считаютъ неудобнымъ и опаснымъ; соединеніе порочныхъ въ одну группу можетъ привести къ усиленію порочныхъ склонностей. Профессіональныя группы должны быть размѣщены по особымъ павильонамъ; режимъ въ этихъ павильонахъ долженъ носить по возможности семейный характеръ.

Воспитаніе дѣтей до 10 лѣтъ желательно ввѣрить женщинамъ.

Другой докладъ, авторомъ котораго былъ одинъ Gillet, давалъ утвердительный отвѣтъ на второй изъ вопросовъ, входившихъ въ составъ указаннаго выше совокупнаго вопроса, именно, онъ признавалъ необходимымъ болѣе считаться съ физіологическими и психическими чертами дѣтей и обращать особенное вниманіе на ненормальныхъ дѣтей, при чемъ отмѣчалъ необходимость предварительнаго наблюденія надъ новичками. Конгрессъ принялъ по данному вопросу слѣдующія положенія:

„Преступныя, нищія или бродячія дѣти, подлежащія помѣщенію въ благотворительныя школы (les écoles de bienfaisance), должны предварительно оставаться въ особомъ учрежденіи для наблюденія, управляемомъ медико-педагогическимъ персоналомъ (direction médico-pedagogique)“.

Для опредѣленія, въ какія заведенія эти дѣти должны затѣмъ поступать, ихъ слѣдуетъ классифицировать, обращая большое вниманіе на возрастъ, физіологическія и психическія свойства и моральныя наклонности“.

„Въ каждомъ заведеніи воспитанники должны быть подраздѣлены на небольшія группы по тѣмъ же принципамъ и смотря по ремесламъ, которымъ они обучаются“.

„Каждая группа должна образовать особое отдѣленіе, въ которомъ должна проводиться, по возможности, система семейнаго воспитанія“.

„Обученіе должно носить характеръ чисто профессіональный и, за исключеніемъ какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ, дѣти не должны быть помѣщаемы на мѣста раньше, чѣмъ получатъ достаточную профессіональную подготовку“.

„Населеніе воспитательныхъ заведеній не должно быть многочисленно“. „Медицинскій и педагогическій надзоръ долженъ быть въ нихъ поставленъ достаточно серьезно“.

„Заведенія для несовершеннолѣтнихъ должны находиться въ деревняхъ (á la campagne)“. „Въ программѣ занятій воспитанниковъ видное мѣсто должно быть отведено работамъ подъ открытымъ небомъ“.

„Воспитаніе маленькихъ дѣтей должно вестись съ участіемъ женщинъ“.

„Ненормальныя дѣти не должны быть помѣщаемы въ

одни и тѣ же заведенія съ другими преступными, нищими или бродячими дѣтьми".

Третья секція занималась, прежде всего, вторымъ вопросомъ своей программы, вопросомъ, слѣдуетъ ли организовать патронатъ надъ умалишенными и каковы должны быть принципы этого патроната? По этому вопросу былъ представленъ докладъ швейцарскимъ делегатомъ д-ромъ Ladame, а въ концѣ доклада приложенъ уставъ женевскаго общества патроната надъ умалишенными. Большого обмѣна мнѣній этотъ вопросъ не вызвалъ. Единогласно было признано, что патронатъ надъ умалишенными долженъ быть организованъ вездѣ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и особымъ условіямъ каждой страны.

Что касается принциповъ этого патроната, то были приняты слѣдующія положенія:

Общества патроната должны быть частными обществами, свободно развивающимися, независимо отъ заведеній для душевнобольныхъ, но работать они должны въ полномъ согласіи съ управленіями этихъ заведеній для спасенія душевнобольныхъ и ихъ семействъ.

Ихъ финансовыя средства должны состоять:

1) изъ ежегодныхъ взносовъ ихъ членовъ;

2) изъ пожертвованій и отказовъ по завѣщаніямъ частныхъ лицъ;

3)—субсидій государства, общинъ, корпорацій и другихъ частныхъ ассоціацій.

4)—доходовъ съ запаснаго капитала общества, образованнаго изъ спеціальныхъ пожертвованій и отказовъ по завѣщаніямъ и изъ половины пожертвованій безъ опредѣленнаго назначенія и взносовъ пожизненныхъ членовъ.

Послѣдній вопросъ, обсуждавшійся на конгрессѣ, былъ слѣдующій: въ какой мѣрѣ можно замѣнить, въ борьбѣ съ нищенствомъ и бродяжествомъ взрослыхъ, репрессивныя мѣры предупредительными? Какія практическія мѣры могутъ содѣйствовать судьямъ принимать цѣлесообразныя мѣры въ отношеніи взрослыхъ бродягъ и нищихъ? По этому вопросу были представлены доклады Campioni и Bielefeld. Въ своей резолюціи по этому вопросу конгрессъ, прежде всего, отмѣтилъ „обычную недостаточность репрессивныхъ мѣръ въ борьбѣ съ нищенствомъ и бродяжничествомъ взрослыхъ людей".

Конгрессъ выразилъ пожеланіе, чтобы къ этимъ мѣрамъ въ возможно широкой степени были присоединены чисто превентивныя мѣры. Въ качествѣ такихъ мѣръ конгрессъ спеціально указываетъ слѣдующія:

а) борьбу противъ алкоголизма;

б) поощреніе всѣхъ учрежденій общественной самопомощи;

в) учрежденіе профессіональныхъ школъ, особенно для увѣчныхъ и слабосильныхъ;

г) увеличеніе числа комитетовъ, содѣйствующихъ обученію ремеслу (des comités d'apprentissage);

д) доставленіе уличныхъ и вообще легкихъ работъ по преимуществу лицамъ не вполнѣ работоспособнымъ (invalides).

е) суровое преслѣдованіе нищенства дѣтей и эксплоатаціи общественной благотворительности;

ж) полную согласованность въ дѣятельности всѣхъ филантропическихъ учрежденій;

з) раціональное измѣненіе общественной благотворительности;

и) трудовую помощь.

Конгресъ призналъ, далѣе, что, посредствомъ соотвѣтствующихъ законодательныхъ реформъ, судьѣ должно быть предоставлено время для полнаго разслѣдованія обстоятельствъ, могущихъ послужить основаніями для классификаціи нищихъ и бродягъ. Въ ожиданіи соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣропріятій администрація должна по возможности стараться замѣнять арестъ нищаго или бродяги предоставленіемъ ему работы.

Въ учрежденіяхъ для нищихъ и бродягъ должны быть особыя наблюдательныя отдѣленія, по собраннымъ въ которыхъ даннымъ нищіе и бродяги могли бы быть затѣмъ распредѣляемы по группамъ.

Затѣмъ конгрессомъ была отмѣчена необходимость особаго медицинскаго, съ психопатологической точки зрѣнія, наблюденія надъ нищими и бродягами и необходимость такихъ обществъ, которыя старались бы мѣрами попеченія возвратить бродягъ и нищихъ въ общество, предотвращая, такимъ образомъ судебное преслѣдованіе этихъ лицъ. Въ случаѣ возбужденія преслѣдованія, эти лица могли бы сообщить судьѣ свѣдѣнія о сдѣланныхъ

ими усиліяхъ вернуть того или иного бродягу или нищаго въ общество.

Изъ всего сказаннаго ясно, что настоящій конгрессъ былъ не менѣе богатъ докладами и идеями, чѣмъ предшествующіе. Чувствовался только нѣкоторый недостатокъ точныхъ фактическихъ данныхъ о дѣятельности отдѣльныхъ обществъ и учрежденій патроната. Но во всякомъ случаѣ каждый посѣтитель конгресса вышелъ съ него съ сознаніемъ, что дѣло патроната стало на Западѣ на прочныя основанія и развивается безостановочно. У русскаго посѣтителя только при этомъ невольно напрашивалось сравненіе съ положеніемъ дѣла на родинѣ и являлась горькая мысль, что у насъ, въ противоположность Западу, патронатъ находится еще въ зародышѣ и, такъ сказать, является болѣе дѣломъ будущаго.

С. В. Позднышевъ.

Отчетъ о дѣятельности Московскаго Юридическаго Общества за 1910 годъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, на годичномъ собраніи Московскаго Юридическаго Общества 23 февраля 1881 года, незабвенный его предсѣдатель, имя котораго на настоящемъ нашемъ собраніи мы должны помянуть въ первую очередь,—Сергѣй Андреевичъ *Муромцевъ* слѣдующими знаменательными словами охарактеризовалъ задачи и дѣятельность Московскаго Юридическаго Общества: „Задачи учрежденія,—говорилъ онъ,—должны быть задачами окружающаго міра, дѣятельность учрежденія должна быть отголоскомъ дѣятельности всего общества... Обращая вниманіе на работы Московскаго Юридическаго Общества, мы замѣчаемъ, что самая работа группируется въ извѣстномъ направленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимаетъ извѣстную планомѣрность.. Вопросы de lege ferenda—вотъ что занимало насъ по преимуществу въ послѣдніе годы. Не столько толкованіе существующихъ законовъ, сколько забота объ ихъ усовершенствованіи, стремленіе содѣйствовать ихъ преобразованію проникали работы Московскаго Юридическаго Общества. Случайность ли это. Думаю, что нѣтъ. Наше Общество раздѣляетъ въ этомъ случаѣ участь, которую несетъ на себѣ русское общество, которая опредѣляетъ въ настоящее время дѣятельность русскихъ общественныхъ собраній. Мы извѣрились въ силу бюрократическаго творчества; мы не ожидаемъ отъ него ничего благотворнаго для внутренней политической жизни Россіи. Наоборотъ, мы не теряемъ надежды на то, что, можетъ быть, не въ очень далекомъ будущемъ русскія общественныя силы будутъ призваны къ большему, чѣмъ нынѣ, участію въ государственной жизни. Было бы легкомысленно, въ ожиданіи этого лучшаго будущаго, оставлять себя безъ подлежащей къ нему подготовки. Если лучшему будущему, дѣйствительно, суждено наступить, то оно не должно застигнуть насъ врасплохъ. Тогда некогда будетъ раздумывать, когда придется сразу передѣлывать то, что должно было бы, при иномъ порядкѣ вещей, передѣлываться постепенно, въ теченіе десятилѣтій. На представителяхъ русской общественной мы-

сли и силы лежитъ обязанность теперь же приступить къ выработкѣ опредѣленныхъ предположеній".

Такъ характеризовалъ С. А. Муромцевъ задачи Московскаго Юридическаго Общества тридцать лѣтъ тому назадъ.

Было время, когда казалось, что предсказанія С. А. Муромцева сбылись, что русскія общественныя силы дѣйствительно получили возможность большаго, чѣмъ раньше, участія въ государственной жизни.

То былъ періодъ подъема общественнаго настроенія, когда русское общество, вѣря въ возможность близкаго обновленія различныхъ сторонъ нашей государственной жизни, проявляло живой и дѣятельный интересъ къ выдвинутымъ жизнью на очередь дня вопросамъ. То былъ періодъ, когда многочисленныя русскія общественныя организаціи стремились принять посильное участіе въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, беря на себя предварительную подготовку и разработку проектовъ различныхъ реформъ и преобразованій.

Но Московское Юридическое Общество въ этотъ періодъ подъема общественнаго настроенія не функціонировало.

Закрытое по распоряженію министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, оно въ теченіе ряда лѣтъ не могло возродиться, не смотря на то, что Юридическій Факультетъ Московскаго Университета неоднократно принималъ мѣры къ его возобновленію.

Оно возродилось тогда, когда періодъ подъема общественнаго настроенія окончился и смѣнился періодомъ разочарованій, періодомъ застоя общественной жизни.

Пережитые нами тяжелые годы испытаній, рядъ событій, не оправдавшихъ надеждъ, мѣры внѣшней реакціи, до крайности стѣснившія всѣ проявленія русской общественной самодѣятельности,—все это понизило общественное настроеніе, ослабило интересъ къ общественнымъ вопросамъ, вызвало состояніе общественной апатіи.

Въ такое время возродилось наше Общество. Можно было опасаться, что возродившемуся при столь неблагопріятныхъ условіяхъ Московскому Юридическому Обществу не удастся занять то положеніе, какое занимало старое Московское Юридическое Общество, что не удастся ему привлечь то вниманіе русскихъ юридическихъ силъ, какимъ пользовался его предшественникъ; что не удастся ему направить свою дѣятельность въ русло, которое было проложено дѣятельностью стараго Общества.

Но, къ счастью, эти опасенія не сбылись.

Велики были заслуги стараго Московскаго Юридическаго

Общества передъ Россіей. Цѣнны были тѣ вклады, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій вносило оно въ русскую науку. Значительны были практическіе результаты его участія въ предварительной разработкѣ крупнѣйшихъ законодательныхъ актовъ второй половины минувшаго столѣтія. Дороги были для русскаго общества задачи его дѣятельности, направленной на развитіе русскаго народнаго правосознанія, на проведеніе въ жизнь великихъ началъ права и правды, на достиженіе свѣтлыхъ идеаловъ народнаго блага и гражданской свободы.

Всего этого русское общество не забыло. Оно хранило память о старомъ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ; оно хранило надежду на его возрожденіе.

Не такъ давно при празднованіи двадцатилѣтія Петербургскаго Юридическаго Общества, одинъ изъ виднѣйшихъ представителей современной юридической мысли—А. Ф. Кони такъ говорилъ въ своей юбилейной рѣчи: „не хочется вѣрить, чтобы голосъ нашего старшаго Московскаго Юридическаго Общества, умолкшій такъ неожиданно и преждевременно, умолкъ навсегда и даже на долго,—желательно сказать, обращаясь къ нему и къ его дѣятельнымъ членамъ, давшимъ столько цѣнныхъ трудовъ: „nolite flere, non est mortua, sed dormit“!

И когда сбылись эти ожиданія, когда при Московскомъ Университетѣ снова открылось Юридическое Общество, широкіе круги русскаго населенія отнеслись къ возрожденію нашего Общества чрезвычайно сочувственно. Московскія и иногороднія высшія учебныя заведенія, ученыя и просвѣтительныя общества, органы адвокатскаго сословнаго самоуправленія и редакціи юридическихъ журналовъ делегировали своихъ представителей на наше первое публичное собраніе.

Иногородніе университеты, юридическія общества, различныя общественныя организаціи, государственные дѣятели, профессора, бывшіе члены Московскаго Юридическаго Общества и отдѣльныя группы учащихся прислали намъ свои привѣтствія. Телеграммы и письма были получены нами съ разныхъ концовъ Россіи и даже изъ далекой Сибири.

Во всѣхъ этихъ привѣтствіяхъ мы встрѣчаемъ выраженіе радости по поводу возрожденія Московскаго Юридическаго Общества; во всѣхъ этихъ привѣтствіяхъ мы встрѣчаемъ выраженіе надежды на то, что наше общество явится достойнымъ продолжателемъ дѣла стараго Московскаго Юридическаго Общества, что, слѣдуя его славнымъ традиціямъ, наше общество пойдетъ навстрѣчу запросамъ жизни, будетъ способствовать росту правосознанія,

содѣйствовать разрѣшенію стоящихъ на очереди задачъ государственнаго строительства; въ этихъ привѣтствіяхъ выражается пожеланіе нашему Обществу безпрепятственной плодотворной дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія и на укрѣпленіе началъ законности и справедливости въ обновляемой Россіи.

При возрожденіи нашего Общества въ его составъ въ большомъ числѣ вступили бывшіе члены стараго Московскаго Юридическаго Общества. Такимъ образомъ съ самаго же начала установилась какъ бы непосредственная личная преемственность нашего общества со старымъ Московскимъ Юридическимъ Обществомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ нашего Общества въ первый же годъ его существованія вступило и много новыхъ членовъ. Многіе профессора и преподаватели юридическихъ наукъ, члены магистратуры и члены сословія Московской присяжной адвокатуры изъявили готовность принять участіе въ дѣятельности нашего Общества. Подобно старому Юридическому Обществу, наше Общество въ первый же годъ его существованія явилось средоточіемъ Московскаго юридическаго міра, учрежденіемъ, объединяющимъ въ своей средѣ силы теоретическаго знанія и силы практическаго опыта представителей Московской юриспруденціи.

Въ нашей средѣ въ качествѣ полноправныхъ нашихъ сочленовъ мы видимъ женщинъ — первыхъ дипломированныхъ представительницъ русской юридической мысли.

Къ 1 января 1911 г. наше Общество имѣло въ своемъ составѣ 311 членовъ. Такого числа членовъ старое Московское Юридическое Общество не имѣло даже въ годы своего наиболѣе пышнаго расцвѣта.

При образованіи Общества Совѣтъ обратился къ Сергѣю Андреевичу Муромцеву съ просьбой принять на себя должность предсѣдателя Общества. Когда С. А. Муромцевъ отклонилъ это предложеніе, Совѣтъ предложилъ Обществу избрать его почетнымъ членомъ. С. А. Муромцевъ единогласно, при шумныхъ горячихъ привѣтствіяхъ былъ избранъ *первымъ почетнымъ членомъ* нашего Общества.

Въ составъ Совѣта нашего Общества были избраны слѣдующія лица:

Предсѣдателемъ Общества А. С. Алексѣевъ. Товарищами Предсѣдателя Н. В. Давыдовъ и Н. В. Тесленко. Секретаремъ

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

А. Э. Вормсъ. Товарищами Секретаря Н. М. Ждановъ и А. Н. Бѣликовъ.

Послѣ отказа А. Э. Вормса отъ должности Секретаря и избранія его Предсѣдателемъ Комиссіи по крестьянскому праву, обязанности Секретаря Общества были возложены на Н. М. Жданова.

Членами Совѣта Общества были избраны: В. Н. Челищевъ, С. Н. Филатовъ, П. И. Астровъ, Н. Н. Новгородцевъ и А. И. Елистратовъ.

Казначеемъ Общества—Б. Н. Сыромятниковъ.

Дѣятельность нашего Общества быстро вошла въ то русло, которое было проложено дѣятельностью стараго Юридическаго Общества.

Учредительное Собраніе Юридическаго Общества состоялось 12 марта 1910 года. Первое Общее Собраніе—11 апрѣля, затѣмъ чрезвычайное Общее Собраніе — 6 мая. Послѣ этого наступилъ лѣтній перерывъ и нормальная дѣятельность Общества началась съ Общаго Собранія 28 сентября 1910 года.

Такимъ образомъ, начавшись незадолго до лѣтняго перерыва, наше Общество нормально функціонировало въ отчетномъ году лишь 5 мѣсяцевъ.

За это время состоялось 15 засѣданій Совѣта Общества и 9 Общихъ Собраній (изъ нихъ 2 публичныхъ).

По существу дѣятельность нашего Общества въ отчетномъ году весьма близко напоминала дѣятельность стараго Московскаго Юридическаго Общества. Оно восприняло отъ своего предшественника не только основную систему, но и общее направленіе работъ. Правъ былъ бывшій почетный членъ стараго Московскаго Юридическаго Общества А. Ф. Кони, когда, обращаясь къ нашему возродившемуся обществу, онъ сказалъ: „въ *новизнѣ* твоей намъ *старина* наша слышится“.

Основное положеніе, руководившее дѣятельностью стараго Московскаго Юридическаго Общества, какъ извѣстно, состояло въ томъ, что, признавая громадную цѣнность за чистымъ теоретическимъ знаніемъ, оно центръ тяжести своихъ занятій переносило въ разработку практическихъ вопросовъ положительнаго права.

Подобно этому, и наше возродившееся Юридическое Общество, относясь съ несомнѣннымъ интересомъ къ работѣ теоре-

тической мысли, главное свое вниманіе удѣляло вопросамъ de lege ferenda, вопросамъ текущей законодательной дѣятельности.

И въ общемъ направленіи своихъ работъ наше Общество также слѣдовало примѣру своего предшественника. Подобно ему, оно не ограничивалось критическимъ разборомъ отдѣльныхъ положеній дѣйствующаго права; оно въ своихъ работахъ стремилось къ достиженію извѣстныхъ положительныхъ идеаловъ за предѣлами современной исторической дѣйствительности.

Такое направленіе проявилось и въ выборѣ темъ для занятій нашего Общества, и въ содержаніи докладовъ, прочитанныхъ на нашихъ общихъ собраніяхъ, и въ тѣхъ преніяхъ, въ которыхъ при обсужденіи докладовъ участвовали многіе члены нашего Общества.

Переходя къ перечисленію прочитанныхъ въ отчетномъ году сообщеній и докладовъ, я, прежде всего, отмѣчу тѣ сообщенія, которыя были посвящены чествованію памяти умершихъ въ 1910 году выдающихся представителей русской юридической науки. Такихъ сообщеній на нашихъ общихъ собраніяхъ было вдѣлано четыре:

Сообщеніе Н. В. Давыдова: „Памяти С. А. Муромцева“, сообщеніе Н. В. Тесленко: „Памяти Д. А. Дриля“, сообщеніе Н. В. Тесленко: „Памяти В. И. Сергѣевича“ и сообщеніе А. Э. Вормса: „Памяти Пахмана“.

По теоріи права въ общихъ собраніяхъ нашего Общества было прочитано два доклада:

Докладъ проф. А. С. Алексѣева: „Начало верховенства права въ современномъ государствѣ“.

С. П. Ордынскаго: „Къ вопросу объ опасномъ состояніи преступника“.

По исторіи права былъ прочитанъ докладъ:

Проф. А. И. Филиппова: „Депутаты Екатерининской Комиссіи и Правительствующій Сенатъ“.

Вопросамъ de lege ferenda были посвящены доклады:

Члена суда В. С. Малченко: „Къ вопросу о слѣдствіяхъ по важнѣйшимъ дѣламъ“.

Члена суда И. И. Астрова: „Институтъ личнаго найма“

и присяжн. повѣр. Н. Г. Вавина: „О зачетѣ обязательствъ“.

По вопросамъ текущей законодательной дѣятельности на нашихъ общихъ собраніяхъ были прочитаны доклады:

Члена Государственной Думы В. А. Маклакова: „О гражданской отвѣтственности должностныхъ лицъ“.

и члена Государственной Думы М. С. Аджемова: „Объ условномъ осужденіи“.

Нѣкоторые изъ этихъ докладовъ и протоколы нашихъ общихъ собраній съ подробнымъ изложеніемъ преній, какъ вамъ извѣстно, были напечатаны въ III и IV выпускахъ журнала „Вопросы Права“, который не оффиціально, но фактически являлся въ отчетномъ году органомъ нашего Общества.

Слѣдуя примѣру стараго Московскаго Юридическаго Общества, наше Общество приняло систему Комиссій для разработки отдѣльныхъ отраслей правовѣдѣнія.

Такихъ Комиссій въ составѣ нашего Общества въ отчетномъ году было образовано двѣ—именно:

Комиссія по вопросамъ о правовомъ положеніи церкви въ государствѣ;

Комиссія по крестьянскому и обычному праву.

Въ отчетахъ стараго Московскаго Юридическаго Общества всегда помѣщались некрологи его почившихъ выдающихся членовъ и на секретаря Общества возлагалась обязанность посвятить свое слово чествованію памяти ихъ.

Наше Юридическое Общество въ первый же годъ своего существованія понесло совершенно исключительную утрату въ лицѣ своего *перваго и единственнаго почетнаго члена Сергѣя Андреевича Муромцева.*

Посвящая свое слово чествованію памяти С. А. Муромцева, здѣсь, на Собраніи Московскаго Юридическаго Общества въ стѣнахъ Университета, гдѣ еще такъ недавно слышали мы его историческія слова, цѣнныя и для грядущихъ поколѣній,—я испытываю чувство глубокаго волненія.

Правда, не намъ однимъ принадлежалъ при жизни Сергѣй Андреевичъ. Онъ былъ нашимъ драгоцѣннымъ національнымъ достояніемъ. Онъ принадлежалъ всему русскому обществу, всему русскому народу. Но, именно, намъ былъ онъ особенно близокъ, съ нашимъ Юридическимъ Обществомъ имя его было особенно тѣсно связано.

Въ теченіе почти двухъ десятилѣтій былъ онъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ стараго Московскаго Юридическаго Общества, котораго наше Общество является непосредственнымъ преемникомъ. Въ теченіе почти двухъ десятилѣтій былъ онъ духовнымъ вождемъ Юридическаго Общества, его вдохновителемъ и организаторомъ. Вокругъ него собирались лучшія юридическія силы

Россіи. Подъ его мощнымъ руководствомъ осуществлялась историческая работа Юридическаго Общества. Имъ направлялась она по свѣтлымъ путямъ общественнаго служенія. Онъ же былъ и иниціаторомъ возрожденія нашего Общества. Когда открылось наше Общество, онъ былъ нашимъ фактическимъ руководителемъ. Ему, несомнѣнно, обязаны мы тѣмъ, что наше Общество съ первыхъ же шаговъ явилось продолжателемъ дѣла славнаго стараго Московскаго Юридическаго Общества.

Особенно близокъ былъ намъ Сергѣй Андреевичъ и потому еще, что здѣсь въ Москвѣ по преимуществу была сосредоточена его дѣятельность научная, общественная и профессіональная.

Въ качествѣ юриста-практика Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ былъ представителемъ той идейной адвокатуры, которая не ограничивается содѣйствіемъ проведенію въ дѣйствительную жизнь нормъ положительнаго права, но которая участвуетъ и въ правосозиданіи, въ развитіи и усовершенствованіи положительнаго права въ духѣ назрѣвшихъ народныхъ нуждъ и государственныхъ потребностей. Такая адвокатура не ограничивается своими узко-профессіональными рамками, она развивается и дѣйствуетъ въ тѣсномъ единеніи съ наукой и общественной дѣятельностью.

И вотъ, именно, въ лицѣ Сергѣя Андреевича Муромцева всѣ эти области дѣятельности человѣческой нашли свое высшее и гармоничное объединеніе.

Въ этомъ отношеніи Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ представлялъ собою явленіе совершенно исключительное, въ исторіи русской общественности совершенно безпримѣрное.

Въ его лицѣ объединились какъ бы самыя *вершины* всѣхъ трехъ областей человѣческой дѣятельности: профессіональной, научной и общественной.

Въ своей дѣятельности профессіональной, въ средѣ сословія Московской присяжной адвокаруры Сергѣй Андреевичъ занималъ положеніе, несомнѣнно, первенствующее.

До его избранія въ Государственную Думу онъ былъ фактическимъ предсѣдателемъ нашего высшаго сословнаго органа. Да и послѣ его избранія въ Государственную Думу онъ продолжалъ оставаться первенствующею главою нашего сословія.

Въ то же время Сергѣй Андреевичъ не порывалъ связи съ наукой. Я не берусь оцѣнивать научныя заслуги Сергѣя Андреевича. Вы сегодня услышите эту оцѣнку отъ болѣе компетентнаго докладчика. Я отмѣчу лишь, что и на попрощѣ науки Сергѣй Андреевичъ занималъ положеніе необыкновенное. Въ молодыхъ годахъ, въ эпоху расцвѣта Московскаго университета, онъ

уже принадлежалъ къ той славной плеядѣ московскихъ профессоровъ, которой гордилась Россія, которая пользовалась европейской извѣстностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сергѣй Андреевичъ всегда дѣятельно интересовался жизнью общественной и на этомъ поприщѣ въ качествѣ дѣятеля городского и земскаго самоуправленія, и въ качествѣ участника различныхъ общественныхъ организацій онъ занялъ положеніе настолько выдающееся, что когда настало для Россіи время первыхъ политическихъ выборовъ, Москва, сердце Россіи, избрала его первымъ своимъ представителемъ. И когда собрались въ Петербургѣ первые народные избранники, они съ поразительнымъ, невиданнымъ въ исторіи всѣхъ парламентовъ міра единодушіемъ выбрали его на постъ перваго предсѣдателя первой Русской Государственной Думы.

Здѣсь, въ Государственной Думѣ, въ качествѣ верховнаго вождя того учрежденія, которое сосредоточило въ себѣ горячую любовь и надежды и упованія всего русскаго народа, Сергѣй Андреевичъ занялъ положеніе уже совершенно исключительное. Слава о немъ вышла далеко за предѣлы просвѣщеннаго русскаго общества; она проникла въ самыя отдаленныя глубины народныя, и тамъ стали создаваться легенды, въ которыхъ имя Сергѣя Андреевича Муромцева связывалось съ именемъ любимѣйшаго богатыря земли русской—Ильи Муромца.

Умеръ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Но память о немъ, конечно, не умретъ. Въ переживаемое нами безвременье вопросъ о надлежащихъ формахъ чествованія памяти С. А. Муромцева не могъ быть разрѣшенъ. Несомнѣнно, вопросъ этотъ будетъ разрѣшенъ исторіей; онъ будетъ разрѣшенъ русскимъ обществомъ. Быть можетъ, и намъ удастся принять участіе въ его разрѣшеніи...

Въ отчетномъ году Московское Юридическое Общество имѣло возможность выполнить лишь свои ближайшія непосредственныя обязанности по отношенію къ памяти С. А. Муромцева.

Какъ вы знаете, Московское Юридическое Общество въ лицѣ своихъ представителей присутствовало при погребеніи С. А. Муромцева. На его могилу отъ имени нашего Общества былъ возложенъ серебряный вѣнокъ. Совѣтъ Общества постановилъ повѣсить въ помѣщеніи нашего Общества портретъ Сергѣя Андреевича, издать сборникъ посвященныхъ ему статей и учредить при Обществѣ премію его имени за лучшія сочиненія по гражданскому праву. Устроить спеціальное засѣданіе, посвященное памяти С. А. Муромцева, Совѣтъ по независящимъ отъ не-

го обстоятельствамъ не имѣлъ возможности. Но когда въ Петербургѣ такое засѣданіе было организовано Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ, Совѣтъ делегировалъ меня для участія въ этомъ засѣданіи отъ имени Московскаго Юридическаго Общества.

Но, гг. Члены Московскаго Юридическаго Общества, лучше всего увѣковѣчимъ мы память Сергѣя Андреевича Муромцева, если мы явимся дѣйствительными продолжателями того великаго дѣла, которому Сергѣй Андреевичъ посвятилъ значительную часть своей жизни; если мы, слѣдуя завѣтамъ нашего незабвеннаго учителя, проникнувшись его идеаломъ общественнаго служенія, будемъ продолжать начатую имъ работу, будемъ свято хранить славныя традиціи Московскаго Юридическаго Общества и, неуклонно идя впередъ по указаннымъ имъ путямъ, осуществлять его историческую миссію.

Въ 1910 году русское общество было глубоко взволновано и потрясено смертью величайшаго русскаго художника и мыслителя *Льва Николаевича Толстого*. Раздѣляя со всѣмъ русскимъ народомъ благоговѣйныя чувства почитанія памяти великаго учителя, Московское Юридическое Общество делегировало въ Ясную Поляну меня и Н. П. Полянскаго для присутствованія при погребеніи Льва Николаевича *Толстого* и для возложенія на его могилу вѣнка отъ имени нашего Общества. Совѣтомъ Общества была послана семьѣ покойнаго слѣдующая телеграмма: „Собравшись на чрезвычайное совѣщаніе при вѣсти о кончинѣ Льва Николаевича, Совѣтъ Московскаго Юридическаго Общества переживаетъ со всѣмъ человѣчествомъ скорбь объ утратѣ великаго провозвѣстника невѣдомой людямъ и незримой міромъ правды“.

Начавъ мой отчетъ словами Сергѣя Андреевича Муромцева и его же знаменательныя слова положу въ основу моего заключенія. Въ первомъ публичномъ собраніи нашего Общества 11 апрѣля минувшаго года С. А. Муромцевъ въ своей привѣтственной рѣчи говорилъ: историческія судьбы идей права и свободы въ Россіи, какъ и повсюду, напоминаютъ собою теченіе тѣхъ загадочныхъ рѣкъ, которыя, получая начало въ кристально-чистыхъ горныхъ источникахъ и пробиваясь на своемъ пути

чрезъ узкія ущелья, скрываются въ извѣстный моментъ подъ почвою; черезъ нѣкоторое время онѣ вновь выходятъ на поверхность, потомъ и, можетъ быть, снова исчезаютъ, но въ концѣ концовъ такая рѣка разливается широко по долинѣ, завершая по ней свое побѣдоносное движеніе. Таковы и судьбы идей права и свободы. Вновь учрежденное наше бщество займетъ свое мѣсто въ этомъ историческомъ теченіи. Опираясь на прежніе, другими проложенные пути, оно пересмотритъ ихъ и создастъ и свой идеалъ и свой методъ, и мы, господа, да не усомнимся въ успѣхѣ этого возникающаго дѣла...

Мы переживаемъ время исключительно трудное, исключительно тяжелое.

Рѣка русской свободы скрылась подъ землею...

Но мы глубоко вѣримъ, что недалеко то время, когда эта рѣка выйдетъ на поверхность, пробьется сквозь узкія ущелья и широко разольется по долинѣ, завершая по ней свое побѣдоносное движеніе.

Желѣзные законы исторіи могущественнѣе и неуклоннѣе всѣхъ временныхъ законовъ человѣческихъ.

Видя передъ собою примѣры культурныхъ странъ запада, опираясь на неоднократно доказанный политическими выборами фактъ духовной зрѣлости русскаго народа, наблюдая судьбы Россіи за послѣдніе годы, мы съ полной увѣренностью можемъ утверждать, что, подчиняясь законамъ исторіи, Россія неминуемо станетъ на путь прогресса, что достигнетъ она дѣйствительныхъ началъ законности, правопорядка, дѣйствительныхъ гарантій гражданской свободы.

Памятуя завѣты нашего учителя С. А. Муромцева, мы должны стремиться къ тому, чтобы время это не застало насъ врасплохъ.

Какъ ранѣе въ шестидесятыхъ годахъ, такъ и теперь на представителяхъ русской юридической мысли лежитъ обязанность предварительной разработки назрѣвшихъ преобразованій.

Передъ нами стоитъ юридическая задача громадной общественной важности, задача чрезвычайно сложная и отвѣтственная.

Необходимо реформированіе различныхъ областей нашего положительнаго права. Необходимо созданіе новыхъ гарантій правопорядка, формулировка относящихся сюда нормъ и положеній, конкретная ихъ разработка въ ихъ примѣненіи къ дѣйствительнымъ условіямъ русской государственной жизни.

Такая сложная работа, конечно, не можетъ быть выполнена однѣми казенными руками.

Тридцать лѣтъ тому назадъ С. А. Муромцевъ констатировалъ, что русское общество „извѣрилось въ силу бюрократическаго творчества".

За истекшія десятилѣтія мы въ это извѣрились еще болѣе.

Поставленная передъ нами ходомъ исторіи на очередь дня работа можетъ быть выполнена лишь при участіи силъ общественныхъ.

И въ первую очередь въ этой работѣ должно принять участіе наше Юридическое Общество, ибо оно объединяетъ въ своей средѣ и юристовъ-теоретиковъ, которые могутъ примѣнить къ дѣлу государственнаго строительства свои обширныя научныя знанія, и юристовъ-практиковъ, которые въ своей дѣятельности близко соприкасаются съ многообразными народными невзгодами, которымъ дѣйствительныя назрѣвшія народныя нужды непосредственно извѣстны.

Продолжая дѣло стараго Московскаго Юридическаго Общества, мы неуклонно должны участвовать въ этой великой созидательной работѣ. Мы должны помнить, что работа эта направлена на проведеніе на жизнь тѣхъ началъ правопорядка и тѣхъ гарантій гражданской свободы, которыя создадутъ просторъ для культурнаго развитія нашей родины, для роста ея духовныхъ силъ, ея культурной мощи.

Секретарь Московскаго Юридическаго Общества **Н. М. Ждановъ.**

Критика и библіографія.

Бар. Б. Э. Нольде. Очерки русскаго государственнаго права. Спб., 1911. Цѣна 3 руб.

Книга бар. Б. Э. Нольде состоитъ изъ трехъ очерковъ: I) Статья 87 основныхъ законовъ, II) Совѣтъ министровъ, III) Единство и нераздѣльность Россіи. Первые двѣ, напечатанные въ извѣстіяхъ Петербургскаго Политехническаго Института, вышли затѣмъ отдѣльными брошюрами и быстро разошлись всѣ; поэтому нельзя не привѣтствовать ихъ появленье вмѣстѣ съ третьимъ очеркомъ, опубликованнымъ впервые.

„Совѣтъ министровъ" уже былъ разобранъ въ первой книжкѣ журн. „Вопросы Права". Что касается до этюда о 87 ст., онъ пріобрѣтаетъ теперь особенный интересъ въ связи съ новѣйшими событіями, создавшими вокругъ этой статьи одну изъ самыхъ жгучихъ проблемъ современнаго русскаго государственнаго права. И здѣсь баронъ Нольде стремится остаться въ предѣлахъ строго-юридическаго анализа, независимаго отъ тѣхъ или другихъ политическихъ предпосылокъ. Въ общемъ авторъ держится господствующей въ австро-германской литературѣ конструкціи Notverordnungen,—конструкціи, наиболѣе послѣдовательно проведенной у Шнигеля. Вмѣстѣ съ послѣднимъ онъ признаетъ законность примѣненія 87 ст. при роспускѣ Государственной Думы, обусловленномъ лишь желаніемъ осуществить чрезвычайно-указное право. Впрочемъ, бар. Нольде готовъ допустить, что описанный актъ политически можетъ на самомъ дѣлѣ оказаться нарушеніемъ основъ конституціоннаго государства.—„Но", прибавляетъ онъ, „едва ли юристъ въ правѣ сдѣлать такой выводъ" (40 с.). Намъ кажется такое толкованіе закономѣрности дѣйствія явно направленнаго in fraudem legis искусственно узкимъ, и здѣсь мы всецѣло раздѣляемъ мнѣніе Ульбриха (Oesterreichisches Staatsrecht, 1909, S. 236). Точно также едва ли политическая дѣйствительность оправдываетъ мнѣніе автора, будто бы „дискреціонность въ изданіи чрезвычайныхъ указовъ находитъ себѣ противовѣсъ въ столь же дискреціонномъ

правѣ парламента и въ частности нашихъ правъ Думы и Государственнаго Совѣта—лишая силы чрезвычайные указы".

Чрезвычайно интереснымъ и цѣннымъ является третій очеркъ, занимающій больше половины книги. Авторъ начинаетъ съ анализа 1 ст. Основныхъ Законовъ и изслѣдуетъ происхожденіе содержащейся въ ней формулы „единства и нераздѣльности Россіи". Практически она содержитъ правило, допускающее отчужденіе территоріи Россійскаго государства лишь въ порядкѣ измѣненія Основныхъ Законовъ (с. 250). Установивъ далѣе отношенія между понятіемъ верховенства государственной власти и понятіемъ самоуправленія, бар. Польде послѣдовательно изслѣдуетъ областныя автономіи въ исторіи государственнаго развитія Россіи, автономіи Украйны, Прибалтійскаго Края, старой Финляндіи (т. е. той, которая присоединена была до Фридрихсгамскаго мира), губерній, присоединенныхъ отъ Польши, Бессарабіи и Царства Польскаго. Послѣднее разсматривается въ эпоху послѣ возстанія 1830 г.; въ періодъ времени 1815—1830 г. Царство Польское представляло „государство, соединенное съ Россіей посредствомъ передачи русскимъ монархамъ совокупности полномочій польскихъ королей въ томъ числѣ и власти учредительной" (с. 283).

Въ результатѣ можно говорить даже о нѣкоторой системѣ автономнаго управленія окраинами, которая представляетъ чрезвычайно важный этапъ въ ходѣ русской государственности—системѣ, сохраняющей общія свои черты по волѣ юридическихъ и политическихъ разнообразій въ положеніи окраины. Подобная пестрота не представляетъ, однако, чего-нибудь специфически отличающаго Россію; мы находимъ ее, напримѣръ, во Франціи при ancien régime, несмотря на всѣ успѣхи политической централизаціи (с. 465).

Наконецъ, послѣдняя часть монографіи бар. Польде посвящена анализу 2 ст. Основныхъ законовъ и истолкованію правового status'а Финляндіи послѣ 1909 г. Здѣсь особенно сильно и благотворно сказывается способность автора удержаться на строго-юридической почвѣ, не подчинять юридической логики какимъ-либо предвзятымъ политическимъ заданіямъ. Естественно при этомъ, что авторъ приходитъ къ выводамъ, не совпадающимъ съ мнѣніями какъ сторонниковъ господствующей финляндской теоріи, такъ и послѣдователей Ордина. Нельзя односторонне умалять значенія ни Фридрихсгамскаго договора, ни боргосскаго сейма, и нельзя брать ихъ внѣ предшествовавшихъ событій. Одними актами „Финляндія была законнымъ — съ точки зрѣнія

русскаго внутренняго права—образомъ присоединена къ Россіи", другими, „Финляндіи были дарованы новой русской властью права и привилегіи". Разрывъ преемствъ съ шведскими учрежденіями несомнѣнно произошелъ, и боргосскій сеймъ, имѣвшій при этомъ совѣщательный характеръ, никоимъ образомъ не является наслѣдникомъ права шведскаго. Можно лишь сказать, что „одна часть шведскаго права уступила свое мѣсто новому русскому праву, а другая сохранилась"—ибо „схематизмъ позднѣйшихъ конструкцій и финляндскихъ и русскихъ былъ совершенно чуждъ законодательному творчеству и практикѣ ряда десятилѣтій послѣ завоеванія края". Вообще послѣ 1909 г. Финляндія получила лишь автономію, не представлявшую чего-либо исключительнаго въ тогдашней административной системѣ. Лишь въ 60-хъ годахъ она пріобрѣла извѣстные элементы конституціоннаго устройства, выразившіеся особенно въ сеймовомъ уставѣ 3/15 апрѣля 1869.

Эти общія положенія позволяютъ автору установить выдержанную юридическую точку зрѣнія на законъ 1910 г. объ имперскомъ законодательствѣ. Законъ примыкаетъ къ тому классическому пункту отмѣны правъ и привилегій автономныхъ русскихъ областей, которымъ и раньше шелъ русскій законодатель. Но финляндская автономія воспринята въ себя начало конституціонализма и въ томъ сравнительно узкомъ кругѣ вопросовъ, которые указаны въ сеймовомъ уставѣ и которые имѣютъ за собой прецедентъ сеймоваго законодательства, нельзя издавать законы черезъ законодательные органы имперіи помимо сейма и притомъ сейма, какъ участника въ осуществленіи общей законодательной власти, а не только какъ совѣщательной инстанціи (с. 557).

И эта невозможность основывается на томъ, что право сейма покоится не на финляндской конституціи, а на русскомъ законѣ. „Именно потому, что законы финляндцевъ есть легенда и что конституціонныя начала установлены русской властью и составляютъ русскую, въ формальномъ смыслѣ, законность, я не вижу возможности въ томъ кругу дѣлъ, который описанъ выше, нарушить установленныя русскимъ мѣстнымъ законодательствомъ въ царствованіе имп. Александра II и слѣдующія царствованія правовыя положенія" (ibi).

Изложенное показываетъ все богатство содержанія работы бар. Нольде, которая при этомъ является единственной въ русской литературѣ по своей постановкѣ и разработкѣ вопросовъ, вытекающихъ изъ 1 и 2 статей О. З. Юридическій формализмъ автора совмѣщается съ весьма тщательнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ законодательнаго и вообще историческаго матеріала.

Образцовы въ этомъ отношеніи страницы, посвященныя автономіи Прибалтійскаго края (с. 331 и т. д.), при чемъ несомнѣнной заслугой бар. Польде является то, что онъ вообщеобратилъ вниманіе на эту окраину, какъ и на Бессарабію. Поэтому и взглядъ его относительно системы автономій пріобрѣтаетъ надежный историческій базисъ. Все это должно быть признано, хотя сдѣланное авторомъ самое опредѣленіе автономіи какъ самоуправленія, покоящагося на собственномъ, а не дарованномъ государственномъ правѣ, по нашему мнѣнію, непріемлемо. Вообще теоретическія соображенія бар. Польде о самоуправленіи представляютъ болѣе слабую часть его столь цѣнной работы.

Нельзя, наконецъ, не привѣтствовать и указаннаго разбора юридическихъ основъ финляндскаго вопроса. Частичныя разногласія съ авторомъ не ослабляютъ у читателя впечатлѣнія глубокой добросовѣстности и безпристрастія. Среди столкновенія непримиримыхъ точекъ зрѣнія, среди непріемлемыхъ и необоснованныхъ притязаній у однихъ и готовности свести къ нулю всѣ юридическія обязательства у другихъ, этотъ разборъ бар. Польде долженъ остановить на себѣ вниманіе не только теоретика-юриста, но и практика-политика, искренне стремящагося найти достойный и безболѣзненный выходъ изъ создавшагося пагубнаго конфликта.

С. А. Котляревскій.

В. Уляницкій. Засл. орд. профессоръ Императорскаго Томскаго университета. Международное право, Томскъ, 1911, VIII+460 стр. Цѣна 2 р. 75 коп.

Курсъ проф. В. А. Уляницкаго состоитъ изъ слѣдующихъ главъ, которыя мы, для удобства обозрѣнія ихъ въ систематическомъ отношеніи, соединимъ въ десять отдѣловъ: 1) Опредѣленіе и источники международнаго права; положительный характеръ международнаго права; предѣлы его распространенія; соотношеніе между суверенитетомъ и международнымъ общеніемъ. 2) Международный союзъ и его органы; конгрессы и конференціи; международныя уніи. 3) Субъектъ международнаго права; виды государствъ; возникновеніе и признаніе государствъ; основныя права государствъ; интервенція; международно-правовыя отношенія. 4) Государственная территорія, ея юридическія свойства; способы пріобрѣтенія территоріальнаго верховенства; преемство въ междугосударственныхъ правоотношеніяхъ при измѣненіяхъ

территоріи. 5) Подданство; иммирація и натурализація. 6) Международные договоры. 7) Органы международныхъ сношеній; глава государства; посольское право; консулы. 8) Положеніе частныхъ лицъ въ международномъ оборотѣ; право иностранцевъ. 9) Морское право; проливы; международные каналы; международныя рѣки; торгово-экономическіе интересы въ международномъ правѣ; международныя соглашенія относительно почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ сношеній, относительно общихъ единицъ мѣры и вѣса, международный союзъ для охраны промышленной собственности, литературной и художественной собственности, конференціи по международной охранѣ труда, международный союзъ по сахарному дѣлу, международная охрана человѣческой личности и здравія, интересы правосудія въ международномъ правѣ, международное уголовное право. 10) Международныя столкновенія и способы ихъ разрѣшенія, война и нейтралитетъ.

Курсу В. А. Уляницкаго мы можемъ поставить въ упрекъ пользованіе старинными, устарѣвшими нынѣ традиціонными взглядами и оставленнымъ нынѣ естественно-правовымъ, умозрительно-философскимъ методомъ. Это сказалось особенно рельефно на общихъ и принципіальныхъ вопросахъ курса—на ученіи объ источникѣ и о субъектѣ международнаго права, о такъ называемыхъ основныхъ правахъ государствъ и о составѣ международнаго союза. Но, прежде чѣмъ перейти къ разбору теорій В. А. Уляницкаго, укажемъ кратко тѣ основныя положенія, изъ которыхъ мы исходимъ. Мы полагаемъ, что единственными субъектами международнаго права являются государства, что всѣ участвующія въ международномъ общеніи государства входятъ въ составъ такъ называемаго международнаго союза, независимо отъ степени ихъ культурности, что нормы международнаго права устанавливаются путемъ договоровъ и обычаевъ и что, кромѣ установленныхъ этимъ объективнымъ правопорядкомъ субъективныхъ правъ, государства не имѣютъ и не могутъ имѣть никакихъ иныхъ правъ.

Источникомъ международнаго права В. А. Уляницкій признаетъ международное правосознаніе, проявляющееся не только въ дѣйствіяхъ государствъ, но и въ общественномъ мнѣніи, выразителемъ котораго являются наука и отчасти печать (стр. 3). Такимъ образомъ устанавливается особый высшій первоисточникъ права, диктующій свою волю государствамъ, которыя „произвольно творить права не могутъ“ (стр. 2). Этотъ мистическій источникъ права какъ-будто персонифицируется въ видѣ

какой-то стоящей надъ государствами, повелѣвающей имъ и самодовлѣющей своей природѣ силы, которая способна „обезпечивать“ самостоятельность и полное развитіе каждаго государства (стр. 26), давать „защиту“ вновь возникающимъ государствамъ (ср. стр. 48), „охрану“ отдѣльнымъ лицамъ, общественнымъ группамъ и цѣлымъ народамъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ данному государству (стр. 38), и провозглашать „признаніе“ извѣстныхъ началъ правомѣрными (ср. стр. 60 и 390); эти начала „возникаютъ и создаются не соглашеніемъ (государствъ) и не въ немъ ихъ источникъ“ (стр. 2). Но если мы внимательнѣе всмотримся въ этотъ источникъ, то увидимъ, что онъ сводится единственно и исключительно къ такъ называемымъ „требованіямъ“ ученыхъ. Этому, именно, фактору обязаны своимъ происхожденіемъ всякаго рода „допущенія“, „оправданія“ и „одобренія“ извѣстнаго рода правительственныхъ дѣйствій, какъ, напр., различныхъ видовъ вмѣшательства государствъ въ чужія дѣла (стр. 72, 73, 74, см. также стр. 31—32), и которыя, конечно, никакого обязывающаго для правительства значенія не имѣютъ. Въ лучшемъ случаѣ это есть выраженіе началъ справедливости и нравственнаго закона, о которыхъ самъ же В. А. Улиницкій говорилъ какъ о началахъ неправовыхъ, неюридическихъ (ср. стр. 2 и 10), или же это лишь просто установленіе теоретическихъ началъ „отъ разума“. Ставить эти большею частію субъективныя, моральныя и философскія построенія отдѣльныхъ ученыхъ на одну плоскость съ установленными государствами юридическими нормами значитъ смѣшивать двѣ совершенно различныя вещи; противопоставлять ихъ другъ другу въ качествѣ двухъ самостоятельныхъ правопорядковъ — идеальнаго и позитивнаго—значитъ признавать, вопреки очевидности, дуализмъ международнаго права—естественнаго и положительнаго; единственно правильнымъ можетъ быть отрицаніе за наукою качества источника международнаго права и за пожеланіями ученыхъ характера безспорныхъ и непререкаемыхъ юридическихъ истинъ. Какъ иначе примирить такія два взаимно уничтожающія утвержденія, какъ „задача международнаго права состоитъ въ полной отмѣнѣ войны, ея необходимости, какъ способа рѣшенія несогласій между государствами“ (стр. 387), а съ другой стороны „международное право признаетъ войну какъ (т.-е. „за“) правомѣрный способъ рѣшенія международныхъ несогласій“ (стр. 390, см. также стр. 156), т.-е. война какъ-будто является одинаково дѣйствіемъ неправомѣрнымъ, которое принципіально осуждается международнымъ правомъ, и правомѣр-

нымъ, имъ же оправдываемымъ? Право юристовъ и право государствъ, въ особенности въ области международныхъ отношеній, стоятъ между собою очень не рѣдко въ полномъ противорѣчіи и не удивительно поэтому, что на одинъ и тотъ же вопросъ приходится отвѣчать одновременно и „да“ и „нѣтъ“, если пользоваться въ одно и то же время двумя методами изученія права и механически соединять въ одно цѣлое результаты и выводы двухъ исключающихъ другъ друга направленій въ международномъ правѣ. Характерно, что В. А. Уляницкій какъ-будто придаетъ одинаковое значеніе для кодификаціи международнаго права и курсамъ по международному праву, изложеннымъ въ видѣ кодекса, т.-е. раздѣленнымъ на статьи или небольшіе параграфы въ нѣсколько строкъ, и трактатамъ между цѣлымъ рядомъ государствъ, кодифицировавшимъ съ обязательной для контрагентовъ силой постановленія, касающіяся того или другого международно-правового института (см. стр. 16 и 388—389), равно какъ постановленіямъ конференцій и проектамъ института международнаго права (см. стр. 374—375), научнымъ теоріямъ и нормамъ договорнаго права (см. стр. 102), и какъ-будто считаетъ причиной неутвержденія брюссельской декларацін 1874 года державами не только то, что противъ нея высказались Англія и мелкія государства, но и военные, въ особенности, нѣмецкіе писатели (см. стр. 389). Все это естественно вытекаетъ изъ недостаточно ясно и опредѣленно проведеннаго различія между международнымъ правомъ и его критикой.

В. А. Уляницкій сохранилъ традиціонное у представителей школы естественнаго права ученіе о такъ называемыхъ основныхъ правахъ, вѣчныхъ, абсолютныхъ, неотъемлемыхъ, принадлежащихъ государству какъ естественному организму. Государство подобно человѣку „нарождается, растетъ, дряхлѣетъ и умираетъ“ (стр. 47) и подобно же человѣку обладаетъ естественными правами, которыя существеннымъ образомъ отличаются отъ договорныхъ правъ и которыя не нуждаются въ признаніи со стороны другихъ государствъ (стр. 60), какъ не нуждается въ признаніи и „законная международная личность“ государства, которая „существуетъ съ точки зрѣнія международнаго права съ момента его (т.-е. государства) образованія“ (стр. 48). Эти естественныя права суть право самоопредѣленія, самосохраненія и развитія (стр. 59), право на честь, на цѣлость и безопасность и на политическій строй (стр. 68) и т. п. Всѣ эти права суть не что иное, какъ или свойства государства, или конструированныя въ видѣ субъективныхъ правъ отдѣльными учеными

теоретическія, абстрактныя положенія. Никогда эти права не были признаны нормами договорнаго объективнаго правопорядка и никогда не были формулированы положительнымъ правомъ. Государство суверенно и независимо,—такова его юридическая природа; государство существуетъ и входитъ въ сношенія съ другими государствами, которыя признаютъ его равноправной себѣ юридической личностью—все это простые факты: изъ этихъ свойствъ и изъ этихъ фактовъ, которые, разумѣется, никто никогда, въ виду ихъ очевидности, не пытался серьезно оспорить; школа естественнаго права создавала цѣлый рядъ правъ—право на независимость, право на существованіе, право на международныя сношенія, право на равенство, но отъ этого, конечно, эти свойства и факты не превращались въ права. Даже самъ В. А. Уляницкій называетъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ правъ свойствами государства (см. стр. 59, 60, 70) и тѣмъ не менѣе онъ, къ сожалѣнію, сохранилъ традиціонное ихъ наименованіе, отъ чего истолкованіе этихъ явленій ничуть не выиграло.

Вліяніемъ представленія о международномъ правѣ какъ объ особомъ, независимомъ отъ воли государствъ правопорядкѣ объясняется и то, что субъектами международнаго права В. А. Уляницкій считаетъ, вопреки господствующей теоріи и международной практикѣ, кромѣ государствъ, также отдѣльныя общества и лица, поскольку они находятся въ международномъ оборотѣ и пользуются защитой международнаго права (стр. 38). Но если отдѣльныя частныя лица или ихъ группы и пользуются защитой международно-правовыхъ нормъ, то только лишь вслѣдствіе того, что въ созданіи этихъ нормъ участвовало государство, подданными котораго состоятъ эти лица или въ которомъ находится мѣстопребываніе этихъ обществъ; слѣдовательно, эта защита не дается помимо ихъ отечественныхъ государствъ и эти послѣднія являются непосредственными субъектами международной охраны правъ этихъ лицъ и этихъ обществъ; непосредственно къ отдѣльнымъ лицамъ международное право не прилагается, если нѣтъ яснаго на то волеизъявленія со стороны заинтересованныхъ государствъ. Если же международное право защищаетъ какихъ-либо африканскихъ дикарей, скажемъ, отъ людоѣдства со стороны ихъ соотечественникотъ или отъ обращенія въ рабство со стороны европейскихъ культуртрегеровъ (см. стр. 308), то здѣсь защищаетъ не международное право само по себѣ, а группа тѣхъ государствъ, которыя имѣютъ протекторатъ или сферу вліянія въ Африкѣ.—Точно также указанное

представленіе проявляется въ утвержденіи, будто признаніе не требуется для государства, когда оно создается въ силу международнаго постановленія, какъ, напр., Конго на берлинской конференціи 1885 года и балканскія христіанскія государства на парижскомъ и берлинскомъ конгрессахъ 1856 и 1878 годовъ (стр. 48 — 49). Между тѣмъ въ дѣйствительности признаніе третьими не участвовавшими въ данномъ съѣздѣ государствами безусловно необходимо, такъ какъ своимъ созданіемъ и своимъ признаніемъ государство обязано лишь участвовавшимъ на конгрессѣ или на конференціи державамъ, а не какому-либо объективному правопорядку, который бы стоялъ надъ государствами и обязывалъ бы не представленныя на собраніи правительства повиноваться тому, что порѣшено на международномъ собраніи; далеко не всякій коллективный актъ можетъ считаться выраженіемъ воли всего международнаго союза (ср. стр. 74 и 370). Но это логически вытекаетъ изъ представленія о международномъ правѣ, какъ объ искони существующемъ правѣ, для своей обязательности не нуждающемся въ волеизъявленіи государствъ, универсальномъ, обязательномъ всегда и всюду, для всѣхъ государствъ безъ исключенія и единомъ и неизмѣнномъ во всѣ времена, вообще какъ о правѣ всего человѣчества (стр. 20), а не данныхъ конкретныхъ народовъ.

Но если по идеѣ международное право является всемірнымъ, то дѣйствительность представляетъ собою далеко не то, что намѣчаетъ идеальный строй. Поэтому В. А. Улянцкому приходится поступиться имъ и признать, что международное право, какъ право положительное, соединяетъ пока только культурные народы Европы и Америки и лишь частично распространяется на некультурные народы Азіи и Африки (стр. 1, 11, 19 — 20) и что въ составъ международнаго союза входятъ въ качествѣ его членовъ только государства культурныя (стр. 27), при чемъ „само собою разумѣется, что государства некультурныя не могутъ претендовать на званіе полноправныхъ, а слѣдовательно и равноправныхъ членовъ международнаго союза“ (стр. 67). Эта концепція болѣе приближается къ позитивной, она ограничиваетъ составъ международнаго союза и предѣлы дѣйствія международнаго права одними цивилизованными народами европейско-христіанской культуры и не превращается въ утопичную концепцію соединенныхъ штатовъ вселенной. Но лежащая въ основѣ этой концепціи идея, подобно всѣмъ вообще утвержденіямъ представителей школы естественнаго права, есть идея апріорная. Опытъ не подтверждаетъ ея справедливости, и мы видимъ, особенно въ

уніяхъ, что некультурныя государства принимаютъ одинаковое участіе въ правообразованіи наравнѣ съ культурными державами. Нормы международнаго права имѣютъ силу только для установившихъ ихъ государствъ, безразлично отъ того, цивилизованы они или нѣтъ, восприняли они европейскую культуру или пребываютъ въ состояніи малокультурномъ, исповѣдуютъ ли они христіанскую, или мусульманскую, или языческую религію. Признаніе въ силу Парижскаго трактата 1856 года Турціи участницей въ европейскомъ концертѣ и, слѣдовательно, согласно традиціонной теоріи, принятіе ея въ составъ международнаго общенія или международнаго союза (см. стр. 49 и 48) не произвело ровно никакого измѣненія въ ея юридическомъ положеніи; нельзя сказать, чтобы „до этого Турція не пользовалась правомъ участія въ международномъ общеніи" (стр. 49); она заключала трактаты съ иностранными державами одинаково правомѣрно какъ послѣ этого признанія, такъ и до него. То же можно сказать и о Японіи, которая будто бы только „съ 1899 года получила права члена международнаго союза" (стр. 49).

Проведеніе этихъ предвзятыхъ идей и пользованіе ошибочнымъ методомъ сказывается только въ сравнительно небольшой части курса, гдѣ излагается такъ называемая общая часть науки. Спеціальная часть, вообще говоря, свободна отъ этого и по своему юридическому, позитивному содержанію находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ высказываемыми въ началѣ книги положеніями; изъ ея чтенія можно легко убѣдиться въ шаткости естественно-правовыхъ ученій и въ неприложимости ихъ къ объясненію фактовъ дѣйствительной жизни; тутъ идетъ рѣчь объ измѣнчивыхъ, конкретныхъ, временныхъ нормахъ между тѣми или другими государствами, точно обозначенными, объ ихъ дѣйствительныхъ, обезпеченныхъ трактатами, правахъ и обязанностяхъ.

Въ систематическомъ отношеніи мы находимъ неправильнымъ ограничивать ученіе о международной организаціи одними правотворящими и судебными органами и противопоставлять имъ международныя уніи. Во-первыхъ, конгрессы и конференціи вообще и конгрессы и конференціи въ частности тождественны по своему составу, компетенціи и дѣлопроизводству, почему нельзя ихъ раздѣлять въ изложеніи; равнымъ образомъ третейскіе суды уній и третейскіе суды вообще тождественны по своей природѣ, почему и ихъ можно было бы соединить въ одномъ изложеніи (ср. стр. 360). Во-вторыхъ, кромѣ правотворящихъ и судебныхъ органовъ уній, существуютъ еще административные, при чемъ не одни только упомянутыя между-

народныя бюро, но и международные наблюдательные комитеты, о которыхъ ничего не говорится въ отдѣлѣ объ уніяхъ (см. стр. 36—37). Въ-третьихъ, кромѣ этихъ административныхъ органовъ уній, существуютъ еще разнообразные международные совѣты и комиссіи по разнымъ вопросамъ административнаго характера, о которыхъ слѣдовало дать ученіе вслѣдъ за правотворящими органами международнаго союза. Кстати сказать эти комиссіи не суть чисто исполнительные органы (ср. стр. 28 и 33); онѣ обладаютъ въ извѣстныхъ границахъ нѣкоторою долею самостоятельной, рѣшающей власти; совѣта здравія въ Бухарестѣ не было учреждено вовсе (ср. стр. 309); отсутствіе ученія о международныхъ административныхъ учрежденіяхъ и выясненія ихъ юридической природы повело къ отождествленію ихъ постановленій съ международными договорами (стр. 5—6), тогда какъ всякій договоръ устанавливается лишь по единогласію участниковъ-государствъ, а международныя административныя распоряженія издаются административнымъ органомъ по большинству голосовъ входящихъ въ его составъ членовъ и ратификаціи не подлежатъ.

Ученіе объ уніяхъ слѣдовало изложить особо отъ ученія о международной организаціи вмѣстѣ съ ученіемъ о союзахъ вообще и алліансахъ въ частности (ср. стр. 177). Напрасно В. А. Уляницкій оспориваетъ административный характеръ уній (стр. 34); ихъ задача—дѣйствованіе въ предѣлахъ установленныхъ нормъ для достиженія конкретныхъ задачъ международнаго управленія, для чего имѣются особые комитеты и бюро, не говоря уже объ особыхъ правотворящихъ и судебныхъ органахъ; утвержденіе, будто у этихъ органовъ уній не имѣется административной власти надъ членами уній, опровергается хотя бы тѣмъ фактомъ, что извѣстнаго рода постановленія, напр., сахарной комиссіи „имѣютъ обязательную для союзниковъ силу“ (см. стр. 307); функціи этихъ органовъ уній не суть ни правотворящія, ни судебныя и, стало быть, онѣ суть административныя, такъ какъ иныхъ функцій властвованія, кромѣ этихъ трехъ, нѣтъ въ дѣйствительности. Всѣ задачи, осуществляемыя уніями, удобно располагаются по отдѣльнымъ отраслямъ управленія и преимущественно по предметамъ такъ называемаго внутренняго управленія—здравіе, безопасность, просвѣщеніе, хозяйство (промышленность и торговля), транспортъ; данная В. А. Уляницкимъ классификація уній (стр. 35) непріемлема для полицейста вполнѣ: унія для обнародованія таможенныхъ тарифовъ относится къ области финансоваго управленія, литературная унія, какъ и

промышленная, преслѣдуетъ частные экономическіе интересы отдѣльныхъ лицъ, защищаемые публичнымъ правомъ, а не научныя цѣли, цѣль противоневольничьей уніи не филантропическая, а юридическая, именно защита человѣческой личности, т. е. обезпеченіе безопасности личности. Впрочемъ, самъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ, говоря о запрещеніи торга невольниками, именуетъ противоневольничью дѣятельность государствъ международной охраной правъ человѣческой личности (стр. 308), а матеріальное право промышленной и литературной уніи излагаетъ совмѣстно съ другими нормами экономическаго характера (стр. 302—306). Среди уній не указана судебная унія, имѣющая цѣлью международное судебное управленіе и возникшая въ 1899 году (ср. стр. 37 и 367), а также агрономическая, возникшая въ 1905 году.

Въ ученіи о международномъ арбитражѣ безъ достаточныхъ основаній описываются особо смѣшанныя комиссіи и особо третейскіе суды, при чемъ тѣ и другія раздѣлены такими исключительными, наполовину государственными, судами, какъ египетскіе смѣшанные суды (стр. 7—8); по дѣлопроизводству и по компетенціи смѣшанныя комиссіи ничѣмъ не отличаются отъ коллегіальныхъ третейскихъ судовъ; одинаковы были и предметы разрѣшавшіеся тѣми и другими, и одинаково считались обязательными для сторонъ ихъ приговоры; разница существуетъ лишь въ способѣ назначенія комиссара и третейскаго судьи, о чемъ въ текстѣ не говорится вовсе. Еще Мериньякъ указалъ на безполезность ихъ различенія по объему власти и по предметамъ вѣдомства. Вашингтонскій договоръ 1890 года, который постановилъ обязательное обращеніе къ третейскому суду между семнадцатью американскими государствами (стр. 8), не есть договоръ; онъ остался на степени простого проекта договора, такъ какъ не былъ ратификованъ всѣми участниками соглашенія.

Есть въ курсѣ противорѣчія, кромѣ указанныхъ выше: напр., на стр. 154 говорится, что „субъектомъ международнаго договора признаются субъекты международнаго права, т. е. государства“, а на стр. 38 — „теорія громаднаго большинства ученыхъ, признающая субъектомъ международнаго права государство и только его одного, по нашему мнѣнію, не можетъ быть признана научно-правильною“, соотвѣтственно чему субъектами международнаго права должны признаваться также отдѣльныя лица и общества. На стр. 49 говорится какъ о реально существующемъ „правѣ участія (государства) въ международномъ общеніи“, а на стр. 69 признается неправильнымъ построеніе этого права и

утверждается, что „правильнѣе говорить не о правѣ, а объ обязанности государства не отказываться отъ правильныхъ сношеній съ другими государствами — членами международнаго общенія“. На стр. 27 вверху мы читаемъ, что „международный союзъ не имѣетъ до настоящаго времени организаціи“, а нѣсколькими строками ниже, что имѣетъ спеціальную организацію, слѣдовательно, не имѣетъ только полной и прочной организаціи, а не организаціи вообще. На стр. 8 говорится, что право войны, возникшее путемъ обычая, продолжаетъ существовать только благодаря безмолвному признанію его государствами, а на стр. 389— что въ настоящее время имѣется полный международно признанный кодексъ права войны.

Отдѣлъ о борьбѣ съ негроторговлею отнесенъ въ морское право (стр. 250—252), быть можетъ, на томъ основаніи, что негроторговля приравнивается въ силу международныхъ соглашеній къ морскому разбою; настоящее мѣсто этому отдѣлу въ главѣ о международной охранѣ человѣческой личности. Не понятно, имѣло ли только для Франціи значеніе то обстоятельство, что французская революція отмѣнила принципіально выкупъ военноплѣнныхъ и узаконила размѣнъ (стр. 402); едва ли такое постановленіе имѣло силу въ предѣлахъ территоріи иностранныхъ державъ. Неправильно говорится о дружественномъ „вмѣшательствѣ“ третьей державы, вызванномъ приглашеніемъ обѣихъ спорящихъ сторонъ (стр. 358), такъ какъ вмѣшательство, по своему существу, есть непрошенное вступленіе въ чужія дѣла, и о войнѣ, какъ институтѣ, замѣняющемъ въ международныхъ отношеніяхъ процессъ (стр. 390), такъ какъ, помимо особаго международнаго процессуальнаго права, въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ существуютъ въ настоящее время особыя формы международныхъ судовъ въ видѣ третейскихъ трибуналовъ. Общепринятый терминъ „полунезависимое государство“ (стр. 43, 45, 46) едва ли удобенъ, такъ какъ нельзя сказать, чтобы государство было на половину только независимо; лучше пользоваться словомъ „зависимое“ государство. Едва ли удаченъ и понятенъ терминъ „заднія земли“ (стр. 83 и 104), равнозначущій нѣмецкому слову Hinterland. Но совсѣмъ уже необычно примѣняются слова „упражнять“ и „упражненіе“, какъ-то упражнять нормы, права (стр. 20 и 42), упражненіе принциповъ, государственной воли, суверенитета, функцій, свободы (стр. 3, 40, 45, 47 и 61). Также малоупотребительны термины „вырѣшеніе“ (стр. 7) и „соразделительная система“ (стр. 12).

Что касается описанія и истолкованія нормъ дѣйствующаго

международнаго права, то въ этомъ отношеніи курсъ проф. В. А Уляницкаго является обстоятельнымъ, полнымъ и подробнымъ; все несущественное напечатано мелкимъ шрифтомъ, болѣе важное—крупнымъ. Къ сожалѣнію, отдѣльныя отрасли международнаго административнаго права изложены довольно кратко, напр. нѣтъ содержанія конвенцій относительно запрета торга женщинами въ цѣляхъ разврата (стр. 308), относительно продажи спиртныхъ напитковъ въ открытомъ морѣ (стр. 310) и спеціально въ Сѣверномъ морѣ (ср. стр. 249), относительно воздушнаго телеграфа и воздухоплаванія (стр. 300) и т. д. Между тѣмъ по своему жизненному значенію этотъ отдѣлъ не уступаетъ международному процессуальному и уголовному праву, подробно изложеннымъ въ курсѣ. Хорошо и интересно изложены отдѣлы о конгрессахъ и конференціяхъ, о международныхъ уніяхъ, о третейскомъ судѣ, объ опредѣленіи права войны, объ обязательности для государствъ формальнаго объявленія войны, о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ, о международныхъ трактатахъ, объ ограниченіяхъ территоріальнаго суверенитета и о способахъ пріобрѣтенія территорій. Введенъ въ курсъ отдѣлъ о воздухоплаваніи, имѣющій столь важное значеніе для международнаго права и могущій значительно измѣнить весь характеръ современнаго международнаго права (стт. 80 и 90 — 92), какъ измѣнился уже этотъ характеръ подъ вліяніемъ открытія пара и электричества, заведенія парового флота и проведенія желѣзныхъ дорогъ. Подробно излагаются новѣйшіе факты международной практики, указываются только что заключенные трактаты и подвергается разбору позднѣйшая литература, вообще курсъ стоитъ на высотѣ требованій современной науки.

Н. Н. Голубевъ.

Новомбергскій Н. Слово и дѣло государевы. Томъ I. Москва. 1911.

Политическій судъ въ Россіи до самаго послѣдняго времени оставался почти не затронутымъ историко-юридическими изслѣваніями. Этому способствовалъ, несомнѣнно, недостатокъ историческаго матеріала; для XIX вѣка было, впрочемъ, собраніе документовъ, относящееся къ исторіи политическихъ преступленій (подъ ред. Богучарскаго). Но вѣкъ XVIII-ый, когда господствовало грозное „слово и дѣло“, закутанъ былъ до самаго послѣд-

няго времени покровомъ нѣкоторой таинственности. Года два тому назадъ явилась книга Веретенникова, Исторія тайной канцеляріи при Петрѣ Великомъ,—книга, посвященная, главнымъ образомъ, обзору *учрежденій*, вѣдавшихъ розыскъ по государственнымъ преступленіямъ, и почти не затрогивавшая вопросовъ политическаго *судопроизводства*. Эпохѣ московскаго государства посвященъ въ этой книгѣ небольшой предварительный очеркъ, больше наводящій на вопросы, чѣмъ ихъ разрѣшающій..

Между тѣмъ судъ политическій въ своемъ прошломъ заслуживаетъ самаго внимательнаго и вдумчиваго изученія. Изъ исторіи западно-европейскихъ государствъ можно привести не мало данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что прибѣжищемъ политической юстиціи были чаще всего исключительныя судилища, примѣнявшія, разумѣется, и исключительныя формы судопроизводства. Стоитъ вспомнить печальной памяти звѣздную палату въ Англіи, палату арсенала во Франціи, судъ королевскихъ комиссаровъ... Однимъ словомъ, судъ политическій въ своемъ прошломъ заслуживаетъ того, чтобы стать особенной и самостоятельной проблемой науки уголовнаго права: онъ настолько богатъ существенными особенностями, что познаніе нормъ общеуголовнаго процесса, какъ бы тщательно оно ни велось, никакъ не можетъ дать законченнаго представленія о формахъ процесса политическаго. Но этимъ еще не исчерпывается научная важность проблемы исторіи политическаго суда: если организаціей суда вообще характеризуется государственный строй, то тѣмъ ярче, тѣмъ сильнѣе характеризуется онъ организаціей суда политическаго; важнѣйшая черта политической юстиціи заключается въ томъ непосредственномъ участіи, какое принимаетъ въ ней сама верховная власть; въ шумѣ политической борьбы, которая кипѣла около абсолютизма, очень слышно звучалъ голосъ протеста противъ исключительныхъ политическихъ судовъ; упраздненіе ихъ было всюду лозунгомъ общественнаго движенія и плодомъ политическихъ побѣдъ... Такимъ образомъ, исторія политическаго суда является въ одинаковой степени проблемой права государственнаго, какъ и права уголовнаго.

Если мы отъ этихъ общихъ соображеній обратимся къ исторіи суда по государственнымъ преступленіямъ въ Россіи и остановимся, въ особенности, на XVII-омъ вѣкѣ, то должны будемъ признать, что изслѣдованіе порядка, которымъ разбирались въ Москвѣ „государевы дѣла“, т.-е. преступленія политическія, внесетъ, безъ сомнѣнія, крупную ленту въ исторію русскаго уголовнаго процесса вообще: о процессѣ XVII вѣка мы знаемъ

только, что былъ въ Москвѣ „судъ“ и „сыскъ“, что „сыскомъ“ разбирались дѣла о наиболѣе тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ разбой, татьба, убійство и поджогъ, что дѣла эти вѣдались губными органами, и субъектомъ преступленія въ нихъ выступалъ, по преимуществу, „вѣдомый лихой“; по какимъ порядкомъ судились всѣ остальныя преступленія, не подвѣдомственныя губнымъ старостамъ и совершенныя не „вѣдомымъ лихимъ“—на это исторія русскаго уголовнаго процесса не даетъ, въ сущности, никакого отвѣта; утвержденіе, высказанное Ланге (Древне-русское уголовное судопроизводство), что порядки губного процесса распространялись на *всю* область тяжкихъ уголовныхъ правонарушеній, представляется гипотезой, ничѣмъ не обоснованной.

Эти соображенія заставляютъ насъ искренно привѣтствовать починъ проф. Томскаго университета Новомбергскаго, который собралъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи документы, относящіеся къ производству „государевыхъ дѣлъ“. Понятіе „государева дѣла“ шире понятія политическаго преступленія, но въ большинствѣ случаевъ оно съ нимъ совпадаетъ. Собранные проф. Новомбергскимъ документы относятся, главнымъ образомъ, къ первой половинѣ XVII вѣка, хотя въ этотъ же томъ вошло все-таки не мало „государевыхъ дѣлъ“, относящихся и ко второй половинѣ этого вѣка. Напечатанные здѣсь документы представляютъ собой богатый историко-юридическій матеріалъ, къ обзору котораго, вѣроятно, не одинъ изслѣдователь приступитъ съ живымъ интересомъ; въ немъ многое найдетъ для себя историкъ-бытописатель, но еще болѣе историкъ-юристъ. Документы настолько выразительны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однообразны (качество, очень цѣнное для юриста), что даже при бѣгломъ ихъ обзорѣ выясняются характерныя черты и основные контуры московскаго судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ; безъ труда можно отмѣтить выдающееся преобладаніе „извѣта“, какъ способа вчинанія дѣла,—черта очень любопытная, потому что въ губномъ процессѣ московская практика совершенно игнорировала извѣтъ, какъ форму частнаго обвиненія; далѣе бросается въ глаза дѣятельное и систематическое участіе, которое принимала сама верховная власть въ розыскѣ и рѣшеніи по политическимъ дѣламъ; царь „указываетъ сыскать“, царь назначаетъ наказаніе, а въ случаяхъ важныхъ встрѣчаемъ хорошо знакомую намъ формулу московскаго государственнаго права—„по государеву указу и боярскому приговору;“ любопытны краткія, но выразительныя резолюціи, кото-

рыя ставилъ царь Алексѣй Михайловичъ и въ которыхъ онъ мотивировалъ свои рѣшенія: „бить батоги за то—не пей много“ или „не болтай зря;“ на одномъ дѣлѣ встрѣчаемъ оригинальную резолюцію: „указалъ государь мужика бить батоги — *не вѣрь въ сонъ*“; эта резолюція была вызвана не менѣе оригинальнымъ преступленіемъ: нѣкоему „Стенькѣ“ сказала „молодица Агапица“, что видѣла она во снѣ „Христова мученика Никиту“, и тотъ напророчилъ ей, что если Стенька избу свою „переставитъ“, то „быть ему на царствѣ“; Стенька сну повѣрилъ, избу свою спѣшно принялся переставливать, но увы — вмѣсто царскаго вѣнца „битъ былъ батогами“...

Мы подошли къ другому вопросу, для котораго книга Новомбергскаго даетъ не менѣе содержательный и любопытный матеріалъ—къ вопросу о *составѣ* государственныхъ преступленій, извѣстныхъ московской практикѣ. Въ этомъ отношеніи мы должны, впрочемъ, прежде всего отмѣтить одинъ крупный пробѣлъ: среди матеріаловъ, опубликованныхъ Н. Я. Новомбергскимъ, совсѣмъ не содержится такъ называемыхъ „дѣлъ измѣнныхъ“ и дѣлъ о бунтѣ, о „скопѣ и заговорѣ“; подавляющее большинство собранныхъ имъ документовъ относится къ дѣламъ о „непристойныхъ словахъ“. Объ этомъ пробѣлѣ нельзя не пожалѣть, такъ какъ „измѣнныя дѣла“ XVII вѣка полны живого и глубокаго интереса; такія дѣла возникали въ обильномъ количествѣ въ порубежныхъ городахъ, изъ которыхъ направлялась тяга за рубежъ съ самыми различными цѣлями [1]); изученіе этихъ цѣлей составило бы любопытную страничку въ исторіи русскаго населенія въ XVII вѣкѣ. Говоря о бунтѣ и „скопѣ и заговорѣ“, мы имѣемъ въ виду не такія громкія и достаточно уже богатыя документами дѣла, какъ дѣла о бунтѣ 1648 года, или о Разинской эпопеѣ; намъ представляется, что было бы глубоко интереснымъ извлечь изъ архивовъ дѣла о самыхъ заурядныхъ „скопахъ-заговорахъ“, о многочисленныхъ вспышкахъ протеста противъ воеводскихъ притѣсненій, противъ „насилія и продажъ“ провинціальной администраціи...

Однако, не будемъ упрекать автора за этотъ пробѣлъ, который объясняется, вѣроятно, достаточно убѣдительными причинами, и оглянемся еще разъ на то, что онъ далъ намъ. Многочисленныя дѣла о „непристойныхъ словахъ“ заслуживаютъ вни-

---

[1]) Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ напечатаны въ сокращенномъ видѣ въ моей статьѣ „Система государственныхъ преступленій въ Уложеніи царя Алексѣя“ (Журн. мин. юстиціи, 1911, май, іюнь).

мательнаго и вдумчиваго изученія: онѣ богаты такими своеобразными чертами, такими колоритными особенностями, что изъ всесторонняго изслѣдованія ихъ могла бы сложиться законченная картина жизни „московскихъ всякаго чину людей“. Широкое распространеніе пьянства, обиліе ложныхъ извѣтовъ, необыкновенная легкость, съ которой одинъ московскій обыватель, порочилъ другого и подводилъ его подъ неумолимый жерновъ розыскного процесса, и главное—строгая, прямо придирчивая щепетильность Москвы въ охраненіи чести царскаго имени—вотъ что бьетъ въ глаза съ каждой страницы собранныхъ Новомбергскимъ матеріаловъ. Подвыпившій отецъ беретъ на руки годовалаго сына и, полный отцовскаго восхищенія, называетъ его „царскимъ сѣменемъ“—московская щепетильность создаетъ изъ этого грозное обвиненіе въ „государевомъ великомъ дѣлѣ“! Одинъ несдержанный на словахъ москвичъ, положивъ на столъ свою ногу, промолвилъ глупую шутку: „моя-де нога лучше, чѣмъ у государя Алексѣя Михайловича“; за это непристойное слово онъ былъ битъ нещадно батогп; вообще всякая легкомысленная шутка, въ которой упоминалось имя или титулъ великаго государя, наказывалось въ Москвѣ, какъ оскорбленіе государевой чести, какъ политическое преступленіе; непристойное слово, задѣвавшее честь государевыхъ родственниковъ, встрѣчало такую же суровую оцѣнку; даже ссылки обвиняемыхъ на то, что „молвили они такое слово отъ безмѣрнаго своего пьянства, съ проста ума своего, безъ умыслу и хитрости“ плохо имъ помогали: одного били кнутомъ или батогп нещадно, другого отправляли въ ссылку, третьему урѣзывали языкъ...

Порядокъ печатанія документовъ, принятый проф. Новомбергскимъ, можетъ вызвать противъ себя нѣкоторыя возраженія. Документы напечатаны, очевидно, по порядку его съ ними ознакомленія; поэтому документы, относящіеся къ одному и тому же дѣлу, разбросаны по различнымъ мѣстамъ книги и отдѣлены другъ отъ друга иногда сотней страницъ; благодаря этому становится весьма затруднительнымъ прослѣдить судьбу опредѣленнаго обвиняемаго, который почему-либо заинтересовалъ изслѣдователя, и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушается цѣлостная картина движенія политическаго судопроизводства. Авторъ исправляетъ иногда этотъ недостатокъ, сообщая въ подстрочномъ примѣчаніи нумера документовъ, относящихся къ началу или къ концу опредѣленнаго дѣла, но это далеко не всегда; было бы въ высшей степени желательнымъ, чтобы при изданіи слѣдующихъ томовъ такой порядокъ печатанія былъ измѣненъ.

Слѣдуетъ отмѣтить также, что принятая авторомъ система сокращенія нѣкоторыхъ словъ, часто повторяющихся въ документахъ, производитъ утомительную пестроту въ глазахъ и иногда даже вызываетъ затрудненіе въ пониманіи такихъ кабалистическихъ рядовъ, какъ, напримѣръ, „в. г. с. п. в. Р“ или „г. ц. и в. к. М. Ѳ. в. Р.“.

Эти критическія замѣчанія не мѣшаютъ намъ подчеркнуть еще разъ, что предпринятое проф. Новомбергскимъ изданіе должно составить цѣнный матеріалъ для русской историко-юридической науки, и починъ его на этомъ почти дѣвственномъ пути составляетъ его неоспоримую заслугу. Относительно коренныхъ взглядовъ автора на значеніе „слова и дѣла“, мимолетно высказанныхъ имъ въ предисловіи къ ранѣе изданному тому подобныхъ же матеріаловъ, мы предпочитаемъ пока не высказываться, такъ какъ надѣемся въ изслѣдованіи, которое онъ намъ обѣщаетъ, ознакомиться съ исчерпывающимъ и всесторонним обоснованіемъ этихъ взглядовъ.

Г. Г. Тельбергъ.

Проф. М. К. Любавскій. Очерки исторіи литовско-русскаго государства до люблинской уніи включительно. Москва, 1910. 376 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Въ настоящее время едва ли приходится доказывать чрезвычайную важность изученія историческихъ своеобразій Западной Руси. Мы имѣемъ въ этой области выдающіяся монографіи, въ особенности въ исторіи права и учрежденій, монографіи, которыя дѣлаютъ возможнымъ и болѣе общіе обзоры, раскрывающіе картину литовско-русскаго государства въ его развитіи. Такой общій обзоръ данъ и въ книгѣ М. К. Любавскаго, которому принадлежатъ фундаментальныя работы: „Областное дѣленіе и мѣстная управленіе литовско-русскаго государства ко временамъ изданія перваго Литовскаго Статута“ и „Литовско-русскій сеймъ“, а также рядъ болѣе мелкихъ сочиненій по соотвѣтствующимъ вопросамъ, и который имѣетъ исторіографическія заслуги, вполнѣ признанныя, кстати сказать, не только въ русской, но и въ польской наукѣ (см., напримѣръ, рецензіи Левицкаго и Якубовскаго).

Въ глазахъ автора исторія Литовско Русскаго государства интересна, прежде всего, тѣмъ, что она представляетъ продолженіе исторіи Кіевской Руси; ея богатство традиціями, ея архаическій укладъ бросается въ глаза при сравненіи съ Суздальской

Русью. Отсюда чрезвычайно характерный контрастъ Литовской Руси и Московскаго государства съ его крѣпкой монархической властью, централизаціей управленія господствомъ служилыхъ и тяглыхъ началъ. Въ Литовской Руси власть великаго князя умѣрялась вольностями—сословными и областными, и весь государственный порядокъ, держащій въ большей степени на договорахъ, чѣмъ односторонних велѣніяхъ, слагается въ систему болѣе или менѣе аристократическаго конституціонализма. Ясно, какими великими послѣдствіями сказался этотъ контрастъ.

М. К. Любавскій изслѣдуетъ его въ извѣстныхъ предѣлахъ времени. Его книга кончается люблинской уніей, посредствомъ коей произошло „втѣленье" Литвы въ корону Польскую. Даже авторъ сосредоточиваетъ вниманіе болѣе на эволюціи государственнаго строя и учрежденій, чѣмъ соціально-экономической. Послѣдняя, однако, привлекается въ той мѣрѣ, въ какой она необходима для объясненія первой. Такъ, авторъ подробно останавливается на земельныхъ реформахъ XVI вѣка—на новой системѣ распредѣленія земли по волокамъ и сдачи на чиншъ по нѣмецко-польскому образцу (с. 227); онъ изображенъ, какъ одновременно шляхта окончательно обособляется отъ остального населенія господскихъ доменовъ, а съ другой—происходитъ личное закрѣпощеніе крестьянъ на нихъ. Но въ то же время авторъ предостерегаетъ отъ поспѣшнаго обобщенія въ духѣ обычно признаваемой зависимости права отъ экономики. Такъ, широкая раздача привилегій на магдебургское право, начавшаяся съ самаго конца XV столѣтія, не можетъ быть объяснена лишь развитіемъ денежнаго хозяйства; финансовая тенденція государственной власти замѣнять натуральные платежи денежными значительно опережала народно-хозяйственный процессъ, — положенье, которое М. К. Любавскій сравниваетъ съ финансовой и административной практикой Петра (с. 201).

Авторъ съ одинаковой подробностью останавливается на центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ; послѣднія пріобрѣтали особое значеіне въ виду господствующей тенденціи къ областной автономіи; съ другой стороны—„въ Литовско-Русскомъ государствѣ не было, въ сущности, особыхъ органовъ управленій, помимо господаря и его рады" (с. 169). Измѣненія въ составѣ и мѣстѣ господарской рады неразрывно связаны съ сословной исторіей великаго княжества. Рядомъ съ изображеніемъ достигнутыхъ политическихъ успѣховъ привилегированныхъ сословій и стремленія этихъ послѣднихъ юридически ихъ фиксировать сверху и снизу, раскрывается политическая идеологія ихъ программъ. Какъ

все это различно съ Москвой! Въ яркой и выразительной формѣ даетъ авторъ сопоставленіе общества сѣверо-восточной Руси—не кристаллизовавшееся въ устойчивыя ячейки подвижное какъ „перекати поле“ и не способное оказать сопротивленіе властной рукѣ московскаго князя и общество Литовской Руси, крѣпко организованное, вполнѣ окрѣпшее и требующее своего политическаго признанія (294). Такимъ образомъ становятся понятными условія, облегчившія полонизацію Западной Руси.

Съ особеннымъ интересомъ остановится государствовѣдъ и юристъ на своеобразныхъ отношеніяхъ между Литовской Русью и Польшей. Не нужно говорить, насколько установленныя традиціонныя категоріи мало покрываютъ богатство историческихъ образованій. Разбирая унію Литвы и Польши, создавшуюся въ результатѣ брака Ядвиги и Ягейло, М. К. Любавскій справедливо отмѣчаетъ, что она была „ни персональной, ни династической, а инкопораціей великаго княжества въ королевство Польское (с. 43). При Витовтѣ права Литвы расширяются, но она остается подъ польскимъ суверенитетомъ. Соглашеніе на Городельскомъ сеймѣ 1413 г., съ одной стороны, подчеркиваетъ неразрывность соединенія обоихъ государствъ, съ другой—гарантируетъ извѣстное равноправіе между ними (напр., избраніе великаго князя должно совершаться съ согласія чиновъ Польши, а избраніе короля—съ согласія чиновъ Литвы). Юридическое отношеніе оставалось очень неустойчивымъ и оно совершенно различно истолковывалось въ обоихъ государствахъ. Попытки въ 1501 г. слить ихъ въ одно съ однимъ государемъ и съ различной администраціей, попытки совершить замаскированное присоединеніе Литвы къ Польшѣ разбилось о сопротивленіе Литовской Руси. Но внѣшне-политическіе моменты, необходимость обороняться отъ Москвы, полное истощеніе литовскаго скарба рядомъ съ общимъ вліяніемъ польской культуры и польской общественности ослабили центробѣжныя тенденціи княжества и подготовили люблинскую унію. Въ единой отнынѣ Рѣчи Посполитой Литва, ослабленная, сверхъ прочаго, отложеніемъ Кіевской Земли, Волыни и Подляшья, вполнѣ присоединенныхъ къ Польшѣ, превращается въ нѣкоторый автономный край. Равновѣсіе двухъ частей было окончательно нарушено, хотя юридическая формула на это даетъ лишь намекъ.

Въ высшей степени цѣнны приложенныя къ книгѣ документы-грамоты, выданныя великому княжеству начиная съ городельскаго привилея 1413 г. и кончая привилеемъ 1565 г. о введеніи земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ, а также областныя

привилеи. Они могутъ служить очень подходящимъ матеріаломъ для практическихъ занятій по исторіи западно-русскаго права.

С. А. Котляревскій.

Проф. Ад. Принсъ. Защита общества и преобразованіе уголовнаго права. Переводъ съ французскаго Е. Маркеловой. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Г. С. Фельдштейна, Москва, 1912 г. 157 стр. Ц. 1 р.

Борьба школъ къ современной наукѣ уголовнаго права продолжается. Безпощадной критикѣ подвергаются вѣковые принципы уголовнаго права, основныя положенія, внѣ которыхъ казалось бы немыслимо само существованіе уголовнаго права; новыя теоріи пытаются изъ системы права устранить понятія вмѣняемости, виновности, а даже... преступленія.

Къ числу такихъ попытокъ должна быть отнесена и попытка бельгійскаго ученаго, одного изъ представителей соціологической школы, основателя Международнаго союза криминалистовъ проф. Принса. Въ блестящей по формѣ и остроумной по содержанію написанной книгѣ онъ подвергаетъ безпощадной оцѣнкѣ конструкцію основныхъ понятій современнаго уголовнаго права и приходитъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Современное право оперируетъ съ понятіемъ „нормальнаго человѣка“ — только его оно считаетъ обладателемъ свободной воли, только за нимъ оно признаетъ способность ко вмѣненію и только его оно подвергаетъ уголовной отвѣтственности. Но въ этомъ и заключается коренная ошибка современнаго права, ибо „нормальный человѣкъ—не что иное, какъ математическая формула, сводящая частности къ общему, вычеркивающая индивидуальность, оригинальность и различіе и приводящая все къ абстрактной схемѣ существа, которое не живетъ и никогда не жило, потому что не можетъ жить и потому что среднее не соотвѣтствуетъ никакой живой дѣйствительности“ (стр. 8).

2. Наука современнаго уголовнаго права связываетъ вопросъ объ уголовной отвѣтственности съ теоріями детерминизма и индетерминизма: „детерминизмъ пользуется научнымъ методомъ; индетерминизмъ—методомъ нравственнымъ. Но ни одинъ изъ этихъ двухъ методовъ не можетъ служить полезнымъ орудіемъ въ рукахъ судей, которымъ поручено примѣненіе уголовнаго закона, оба они возлагаютъ на нихъ, такимъ образомъ, задачу, превышающую ихъ силы“ (стр. 22). Поэтому вопросъ о свободѣ или

несвободѣ воли долженъ быть устраненъ изъ системы уголовнаго права.

3. Если же отвлечься отъ вопроса свободы воли, то падаетъ самъ по себѣ вопросъ о нравственномъ вмѣненіи. И тогда уголовное право, которое „не имѣетъ своей существенной цѣлью торжества моральнаго закона“, должно преслѣдовать только одну цѣль „цѣль, прикладную“: водворить относительный порядокъ въ отношенія людей, гарантировать насколько возможно личность, жизнь, собственность, честь гражданъ. И тогда будетъ удаленъ изъ зала судебнаго засѣданія споръ о вмѣняемости, и виновникъ будетъ оцѣниваться съ точки зрѣнія той соціальной опасности, которую онъ представляетъ.

4. Съ точки зрѣнія этого новаго критерія—„опаснаго состоянія преступника“ и преступникъ сумасшедшій и безотвѣтственный такъ же опасенъ, какъ и преступникъ отвѣчающій за свои поступки и здравомыслящій“... (69) И общество имѣетъ равное право защиты и отъ того и отъ другого. Мало того: опасное состояніе человѣка можетъ проявиться и до совершенія имъ какого-либо преступленія или проступка, и нельзя лишать государства права гарантировать себя и своихъ гражданъ отъ такихъ индивидовъ, хотя бы не вступившихъ еще въ коллизію съ правопорядкомъ, но по психо-физической своей организаціи вызывающихъ опасеніе возможности коллизіи подобнаго рода.

Таковы основныя идеи, высказанныя Принсомъ. Правда, нельзя признать, чтобы эти взгляды впервые высказывались въ уголовно-правовой литературѣ. Еще Листъ въ докладѣ своемъ о вмѣняемости, читаемомъ въ 1896 г. на III Международномъ психологическомъ конгрессѣ, доказывалъ, что едва ли цѣлесообразно сохранять въ системѣ уголовнаго права понятіе вмѣняемости, что нецѣлесообразно и принципіально недопустимо проводить различіе между наказаніемъ и иными мѣрами соціальной охраны, напр., изоляціей душевнобольныхъ, учинившихъ преступленіе. Съ исчерпывающей полнотой разсмотрѣлъ вопросъ о вмѣняемости и пришелъ къ аналогичнымъ выводамъ съ Принсомъ и Ферри, конструировавшій въ своей „Уголовной соціологіи“ теорію уголовной отвѣтственности, названную имъ „позитивной“. И онъ высказалъ положеніе, что „всякій человѣкъ является всегда отвѣтственнымъ за всякое совершенное имъ дѣяніе, нарушающее право, исключительно потому и поскольку онъ живетъ въ обществѣ“ [1])...

---

[1]) Ферри. Уголовная соціологія, перев. подъ редакціей С. В. Познышева, 370.

Но если мысли и положенія, высказанныя Принсомъ, уже стали и до него достояніемъ науки уголовнаго права, если каждое положеніе дебатируется горячо и въ литературѣ и въ научныхъ собраніяхъ (особый интересъ удѣляется вопросу объ „опасномъ состояніи“ преступника, какъ критеріи уголовной отвѣтственности), то все же книга Принса представляетъ большой интересъ: въ сжатой и яркой формѣ Принсъ излагаетъ самую сущность спора и вводитъ читателя—даже и неюриста—въ сложную систему научныхъ проблемъ, чрезвычайно ясно излагая ихъ содержаніе. Переводъ сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно, хотя, конечно, переводчикъ не всегда въ силахъ былъ передать своеобразныхъ красотъ языка Принса, которымъ написаны всѣ его труды, на что указываетъ въ своемъ предисловіи и самъ редакторъ перевода.

Въ предисловіи редактора затронуты противорѣчія, въ которыя впадаетъ проф. Принсъ, и подвергнуты критикѣ развиваемыя послѣднимъ ученія объ отсутствіи типа нормальнаго человѣка.

Г. Я. Закъ.

Редакторъ-издатель Г. С. Фельдштейнъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ

ОБОЗРѢНІЕ ВОПРОСОВЪ ПСИХИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ И ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТІИ:

А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Н. Вырубова.

Журналъ будетъ выходить каждые два мѣсяца книжками не менѣе трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу— пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „**Психотерапіи**“ Москва, Плющиха, М. Трубный пер., 5. Телефонъ 108-41, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналѣ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ.

О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

XXII г. изданія. | на журналъ | 1911 г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ".

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. А. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Венцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, прив.-доц. С. Г. Григорьевъ, прив.-доц. А. Е. Грузинскій, А. Г. Даугге, Е. А. Звягинцевъ, акад. Н. Н. Златовратскій, А. А. Ивановскій, проф. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коханъ, д-ръ В. В. Корсаковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, прив.-доц. М. Ю. Латинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, Н. М. Никольскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, С. Ф. Русова, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкинъ-Гамбургеръ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—**5 р.**, съ доставкой и пересылкой—**6 р.**, въ полгода—**3 р.**, съ пересылкой за границу—**7 р. 50 к.**; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—**5 р.**

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. № 32), во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

Отъ редакціи журнала
„Тюремный Вѣстникъ“.

Журналъ „Тюремный Вѣстникъ“ издается Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ съ 1893 г. и будетъ выходить съ 1911 года ежемѣсячно въ объемѣ около 12 печатныхъ листовъ (въ іюлѣ книжка журнала выходитъ за іюнь и іюль, въ сентябрѣ — за августъ и сентябрь). Журналъ, включая въ себѣ какъ офиціальный, такъ и неофиціальный отдѣлы и имѣя въ виду преимущественно интересы и запросы служащихъ по тюремному вѣдомству, является не только руководящимъ, но и справочнымъ изданіемъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся тюремной и конвойной службъ, освѣщая въ то же время эти вопросы также и съ теоретической, научной точки зрѣнія. Соотвѣтственно этому „Тюремный Вѣстникъ“ даетъ свѣдѣнія и указанія, касающіяся какъ тюремныхъ установленій, такъ и учрежденій тюремно-благотворительнаго характера, а равно и исправительно-воспитательныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, широко открываетъ свои страницы для обмѣна мнѣній тюремныхъ дѣятелей и представителей науки тюрьмовѣдѣнія, по всѣмъ предметамъ тюремнаго строя и распорядка.

Подписка на „Тюремный Вѣстникъ“ на 1911 годъ принимается въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (С.-Петербургъ, Греческій пр., 23). Подписная плата — 7 руб. за годъ и 4 за полгода, съ доставкою и пересылкою, за границу—9 руб. за годъ и 5 руб. за полгода. Цѣна отдѣльной книжки—1 рубль (безъ пересылки). За перемѣну адреса уплачивается 60 коп.

Объявленія принимаются съ платою за страницу 25 руб., за $^1/_2$ страницы—13 руб., за $^1/_4$ страницы—7 р., за $^1/_8$ страницы—4 р. и за строку—50 коп., кромѣ объявленій на обложкѣ, которыя оплачиваются по соглашенію. Объявленія на $^1/_2$ года и болѣе оплачиваются со скидкою съ означенныхъ цѣнъ по соглашенію.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ,

будутъ въ 1911 году выходить

подъ редакціей **А. Р. Свирщевскаго, Г. С. Фельдштейна, и барона А. Л. Фрейтагъ-Лоринговена.**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

В. И. Гордона, А. И. Елистратова, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, Л. І. Петражицкаго, І. А. Покровскаго и М. И. Туганъ-Барановскаго

въ количествѣ четырехъ выпусковъ (въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ) по 10 печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ Юридическихъ Запискахъ будутъ помѣщаться: 1) оригинальныя статьи по юридическимъ и экономическимъ наукамъ; 2) обозрѣніе наиболѣе важныхъ статей въ иностранныхъ юридическихъ и экономическихъ журналахъ; 3) хроника законодательная и судебная; 4) смѣсь; 5) критика; 6) библіографическій указатель и 7) протоколы засѣданій Ярославскаго Юридическаго Общества.

За 1908—10 гг. въ Юридическихъ Запискахъ были помѣщены статьи: А. С. Алексѣева, В. Н. Бенешевича, П. В. Гидулянова, Н. Н. Голубева, А. А. Жижиленко, Ѳ. И. Леонтовича, С. А. Муромцева, Р. М. Орженцкаго, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, С. П. Покровскаго, С. Е. Сабинина, А. Р. Свирщевскаго, В. В. Святловскаго, Е. В. Спекторскаго, В. В. Сокольскаго, Е. И. Темниковскаго, Б. Н. Фрезе, Г. С. Фельдштейна, Н. Н. Шапошникова, В. Н. Ширяева, Т. М. Яблочкова.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1911 годъ

съ доставкой и пересылкой—**4 рубля.**

Цѣна отдѣльнаго выпуска Юридическихъ записокъ **1 руб. 35 коп.**

Подписная плата адресуется въ г. Ярославль, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея, редакціи Юридическихъ Записокъ. Отдѣльные выпуски продаются тамъ же, а также въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга (Права, Новаго Времени), Москвы (Голубева, Новаго Времени, Карбасникова) и Кіева (Оглоблина).

(Четвертый годъ изданія).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910—11 ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

В. Н. Мышцына, А. Р. Свирщевскаго, Г. С. Фельдштейна, В. Н. Ширяева.

ПРИ УЧАСТІИ:

З. Д. Авалова, А. Л. Байкова, М. П. Бобина, В. Н. Бенешевича, П. М. Богаевскаго, А. А. Борового, М. И. Бруна, А. Э. Вормса, П. П. Гензеля, М. М. Гернета, П. В. Гидулянова, Д. С. Глаголева, Н. И. Голубева, І. М. Гольдштейна, В. М. Гордона, Д. Д. Гримма, Г. В. Демченко, М. А. Дьяконова, А. А. Жижиленко, А. А. Жилина, А. В. Завадскаго, Ф. Ф. Зигеля, И. А. Ильина, Н. А. Каблукова, К. Кадлеца, гр. Л. А. Камаровскаго, Л. А. Кассо, А. А. Кауфмана, К. А. Кистяковскаго, М. М. Ковалевскаго, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, бар. С. А. Корфа, С. А. Котляревскаго, В. А. Краснокутскаго, П. С. Кравцова, Ст. Кутржеба, В. Ф. Левитскаго, Ѳ. И. Леонтовича, П. И. Люблинскаго, Н. А. Максимейко, В. Ѳ. Матвѣева, А. Н. Миклашевскаго, С. И. Мокринскаго, В. Моллова, М. Я. Немировскаго, П. А. Никольскаго, Н. Я. Новомбергскаго, И. Х. Озерова, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергамента, А. А. Піонтковскаго, І. А. Покровскаго, Н. Н. Полянскаго, А. А. Раевскаго, В. В. Святловскаго, Е. Д. Синицкаго, В. И. Синайскаго, В. В. Сокольскаго, Е. В. Спекторскаго, Б. И. Сыромятникова, Ѳ. В. Тарановскаго, бар. М. А. Таубе, Л. Я. Таубера, В. Н. Твердохлѣбова, Е. Н. Темниковскаго, Г. И. Тиктина, И. Н. Трепицына, М. И. Туганъ-Барановскаго, В. А. Удинцева, А. Н. Филиппова, А. Ф. Фортунатова, Б. Н. Фрезе, М. И. Фридмана, М. В. Хвостова, М. П. Чубинскаго, А. А. Чупрова, Г. Ф. Шершеневича, І. Шиловича, А. В. Шмидта, В. Г. Щеглова, Т. М. Яблочкова, А. С. Ященко.

Юридическая Библіографія въ четвертомъ году своего изданія будетъ попрежнему выходить пять разъ въ годъ въ двухмѣсячные промежутки, за исключеніемъ лѣтняго каникулярнаго времени, въ объемѣ **не менѣе трехъ печатныхъ** листовъ для каждаго выпуска.

Въ ней помѣщаются отзывы о русскихъ и иностранныхъ научныхъ работахъ по отдѣламъ: общей теоріи права, исторіи права, гражданскаго права гражданскаго процесса и торговаго права, уголовнаго права и уголовнаго процесса, церковнаго права, государственнаго права, международнаго права, административнаго права, политической экономіи, финансоваго права, статистики, соціологіи и справочныхъ изданій, а также ведется отдѣлъ Академической лѣтописи.

Заботясь о полнотѣ обзора литературы и своевременности рецензій, редакція **Юридической Библіографіи** проситъ авторовъ и издателей вновь выходящихъ книгъ и брошюръ присылать ихъ для отзыва на имя редакціи по адресу: **Ярославль, Редакція Юридической Библіографіи, зданіе Демидовскаго Юридическаго Лицея.**

Въ **Юридической Библіографіи** помѣщаются за особую плату объявленія о вновь выходящихъ книгахъ и другія извѣстія книжнаго рынка.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкою и доставкою 2 руб.

Подписной годъ начинается **1-го іюня 1910 г.** и заканчивается **31-го мая 1911 г.**

Отдѣльные выпуски **Юридической Библіографіи** продаются по 40 к.

Юридическая Библіографія продается въ г. Ярославлѣ и книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и Кіева.

Подписка на Юридическую Библіографію принимается: въ г. **Ярославлѣ** въ **конторѣ редакціи Юридической Библіографіи**, зданіе Демидовскаго юридическаго лицея, и въ г. **Москвѣ**, въ юридическомъ книжномъ магазинѣ „Правовѣдѣніе“ И. К. Голубева, Никольская, д. Славянскаго Базара, а также въ книжномъ магазинѣ П. Шибанова, Никольская улица.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

1911 ГОДА.

Въ Ученыхъ Запискахъ заключаются:

I. Отдѣлъ наукъ.

II. Отдѣлъ критики и библіографіи.

III. Университетская лѣтопись.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей, памятники историческіе и литературные, съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями съ пересылкою 7 р. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ *А. Піонтковскій.*

Телефонъ 33-28. Телефонъ 288-87.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
„ПРАВОВѢДѢНІЕ“ И. К. Голубева

Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара; для телеграммъ: МОСКВА ЮРИСТЪ.

Гернетъ М. Дѣтоубійство. Соціологическое и сравнительно-юридическое изслѣдованіе. Ц. 2 р. 50 к.

Евтихіевъ А. Законная сила актовъ администраціи. Ц. 2 руб.

Колычевъ А. Кассаціонная практика Правительств. Сената по Городскимъ и земскимъ дѣламъ, съ 1886 по 1910 г. Ц. 5 руб.

Коломаровъ Н. Полные образцы письменныхъ работъ прокурорскаго надзора. Ц. 60 коп.

Манцевичъ П. Указы Сената по городскимъ дѣламъ (1900—1910 гг.). Ц. 3 руб. 50 к.

Мошкинъ А. Учетъ бюджетовъ городовъ и земствъ. Ц. 40 к.

Никоновъ Б. Споръ о ребенкѣ. Ц. 60 к.

Нюренбергъ А. Уставъ о векселяхъ, 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ.

Поповичъ П. Оправданіе давности и давность владѣнія въ древне-римскомъ, гражданскомъ правѣ. Ц. 75 к.

Д-ра Розеггера. Право интерпелляцій въ парламентахъ. Сравнительно-юридическое и политическое изслѣдованіе. Ц. 1 руб.

Фатѣевъ А. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики. Ц. 1 руб.

Григоровскій С. „О разводѣ. Причины и послѣдствія развода и бракоразводное судопроизводство“. Историко-юридическіе очерки. Ц. 4 руб.

Схема предварительнаго слѣдствія
ПО УСТАВУ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.
съ разъясненіями Правительствующаго Сената, циркулярами, распоряженіями министерства юстиціи и руководящими положеніями юридической литературы.

Практическое пособіе для судебныхъ слѣдователей и кандидатовъ на судебныя должности

Составилъ судебный слѣдователь Владимірскаго окружнаго суда **С. А. Алякринскій**, подъ редакціей и съ дополненіями А. В. Скопинскаго. М. 1911 г. **Ц. 1 р. 50 к.**

Аринушкинъ Н. Балансы акціонерныхъ предпріятій. Юридическая и бухгалтерская природа баланса, въ связи съ нормами русскаго финансово-податного обложенія. Съ приложеніемъ таблицъ, исчисленія чистой прибыли, подлежащей обложенію, въ предпріятіяхъ, обязанныхъ публичной отчетностью для бухгалтеровъ и юристовъ. М. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Продолжается подписка на

Полный сводъ рѣшеній

Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената
(съ 1866 по 1910 г. включительно), съ подробнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями, составл. кандидатомъ правъ **Л. М. Ротенбергомъ.**
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ. Все изданіе будетъ заключать въ себѣ около 75 полутомовъ и будетъ стоить около 80 руб., при чемъ допускается разсрочка подписной суммы: при подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ пяти рублей, а остальная сумма накладывается по 1 рублю на каждый сост. полутомъ.
Пересылка по вѣсу и разстоянію за счетъ подписчиковъ.

Вышли и разосланы подписчикамъ полутома съ 1 по 16 и 55—64 включ.

Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.
(съ 1866г. по 1910 г. включ.). съ подробн. предметнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями, сост. кандидатомъ **Л. М. Ротенбергомъ.**
Все изданіе будетъ заключать въ себѣ 45 полутомовъ, цѣною по 2 руб. за полутомъ съ пересылкой. При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ ПЯТИ РУБ., которые будутъ засчитаны при выпискѣ послѣднихъ полутомовъ. Подписка на отдѣльные годы не принимается. Все изданіе будетъ закончено въ теченіе двухъ лѣтъ. Бумага и форматъ изданія тѣ же, что и въ Полномъ Сводѣ Рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.
По выходѣ всего изданія цѣна будетъ значительно повышена.

Вышли и разосланы подписчикамъ полутомы 1—37.

Каталогъ книгъ безплатно.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ НА

ВОПРОСЫ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ НАУЧНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦІИ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, А. И Елистратова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревсаго, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна, А. Л. Форштетера и В. М. Хвостова.

До сихъ поръ выразили согласіе на сотрудничество слѣдующія лица:

А. Л. Байковъ, В. Н. Бенешевичъ, М. П. Бобинъ, П. М. Богаевскій, А. А. Боровой, М. Н. Гернетъ, А. В. Горбуновъ, В. М. Гордонъ, В. Э. Грабарь, Г. В. Демченко, Н. В. Давыдовъ. Е. Н. Ефимовъ, В. Б. Ельяшевичъ, А. А. Жижиленко, А. А. Жилинъ, А. В. Завадскій, М. Д. Загряцковъ, И. А. Ильинъ, В. Л. Исаченко, Гр. Л. А. Камаровскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, В. А. Краснокутскій. П. И. Люблинскій, Н. А. Максимейко, В. С. Малченко, С. П. Мокринскій, В. М. Нечаевъ, Н. И. Паліенко, М. Я. Пергаментъ, А. А. Піотковскій, С. В. Познышевъ, І. А. Покровскій, Н. Н. Полянскій, Н. Н. Розинъ. С. Е. Сабининъ, Е. В. Спекторскій, Б. И. Сыромятниковъ, Л. Я. Тауберъ, Ѳ. В. Тарановскій, Е. Н. Темниковскій, И. Н. Трепицынъ, Князь Е. Н. Трубецкой, В. А. Удинцевъ, А. Н. Фатѣевъ, А. Н. Филипповъ, Б. Н. Фрезе, И. И. Чистяковъ, Л. В. Шалландъ, Г. Ф. Шершеневичъ, С. А. Шумаковъ, А. С. Ященко и др.

Журналъ **Вопросы Права** ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе теоретическихъ и практическихъ промблемъ права, имѣющихъ непосредственный интересъ для нашего времени.

Журналъ **Вопросы Права** помѣщаетъ статьи по принципіальнымъ вопросамъ правовѣдѣнія, останавливается на разработкѣ русской судебной и административной практики и даетъ критическіе отзывы о важнѣйшихъ трудахъ въ области руской и иностранной научно-юридической литературы.

Вопросы Права выходятъ четыре раза въ годъ книгами около, десяти листовъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Въ теченіе 1910—1911 года были помѣщены статьи слѣдующихъ авторовъ:

А С Алѣксѣева, Н. Н. Алексѣева, П. И. Астрова, А. Э. Вормса, Н. Г. Вавина, А. В. Горбунова, А. И. Елистратова, А. В. Завадскаго, Г. Я. Зака, В. Л. Исаченко, гр. С. Л. Камаровскаго, С. А. Котляревскаго, бар. С. А. Корфа, Б. А. Кистяковскаго, гр. С. Л. Камаровскаго, П. И. Люблинскаго, С. А. Муромцева, В С. Малченко, С. В. Познышева, Д. С. Розенблюма, Н. Н. Розина, Б. И. Сыромятникова, бар. М. А. Таубе, А. С. Тагера, Л. А. Шалланда, бар. А. Л. Фрейтагъ—Лоринговена, В. Н. Ширяева, С. А. Шумакова, Т. М. Яблочкова.

Въ майской книгѣ текущаго года были напечатаны слѣдующія статьи:

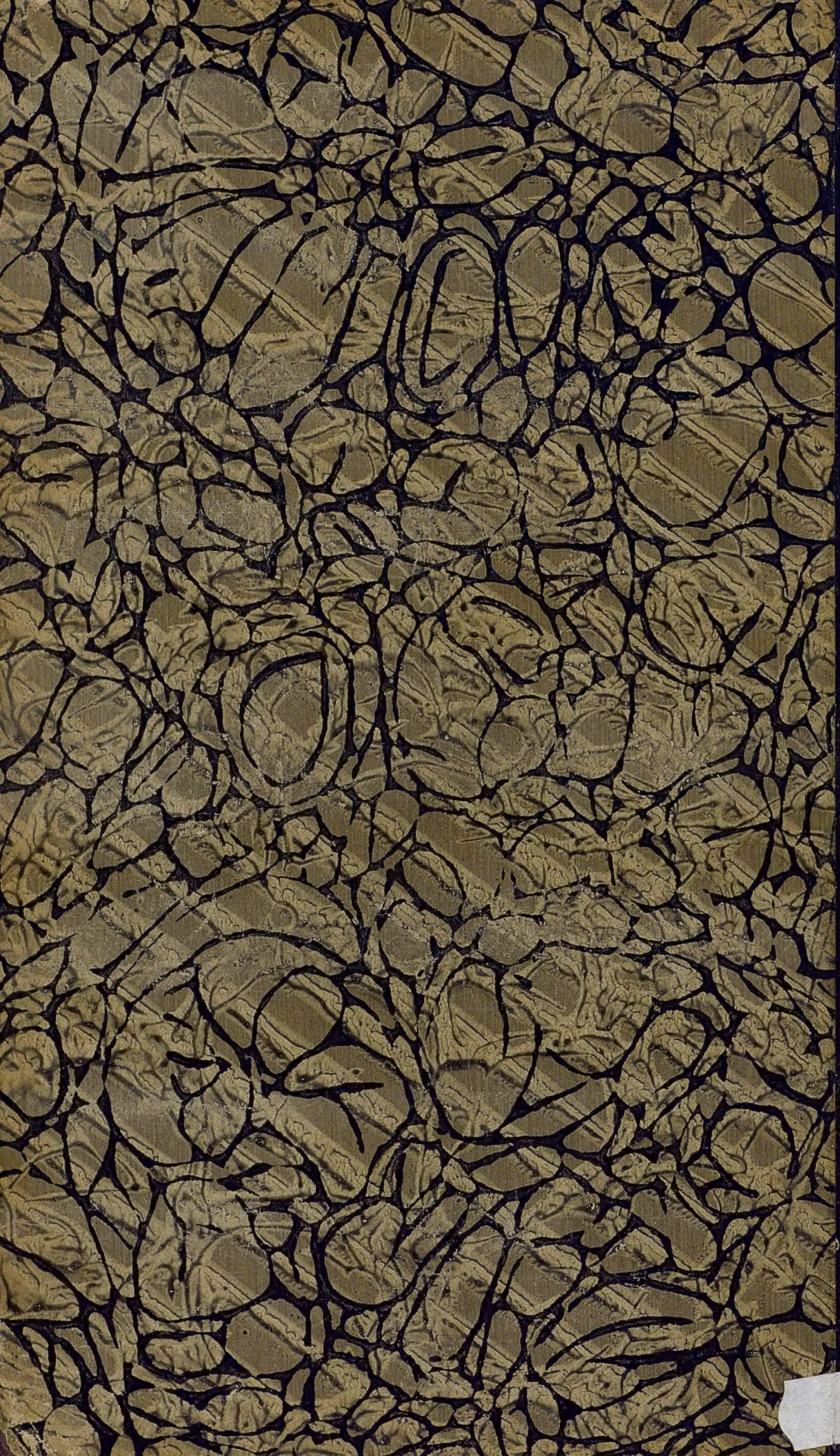
П. И. Бѣляевъ. Судья и законъ. А. А. Піотковскій. Условное осужденіе, въ Германскомъ и Австрійскомъ проектахъ уголовныхъ уложеній. А. Н. Филипповъ. Петръ Елесовъ, безвѣстный собиратель Петровскаго законодательства. Н. Н. Полянскій. Право обществъ на уголовный искъ. Бар. А. Л. Фрейтагъ-Лоринговенъ. Отвѣтственность должника по залогу по проекту Вотчиннаго Устава. С. В. Познышевъ. Объ изученіи преступника въ наукѣ уголовнаго права. С. П. Орлынскій. Къ вопросу объ опасномъ состояніи преступника. Протоколъ общаго собранія Московскаго Юридическаго Общества 20 декабря 1910 года. Протоколъ публичнаго общаго собранія Московскаго юридическаго Общества 11-го декабря 1910 г.

Критика и библіографія: **А. С. Ященко**. Е. В. Спекторскій. Проблема соціальной физики въ XVII ст. Варшава, 1910. **Н. П. Голубевъ**. А. И. Елистратовъ. Учебникъ русскаго административнаго права, вып. 2. М. 1911. **С. А. Шумаковъ**. Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ. Спб. 1911. **Н. К. Сухоплюевъ**. В. Ф. Дерюжинскій. Полицейское право, изд. 3 Спб. 1911.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ **6** руб. съ пересылкою и доставкою.

Цѣна отдѣльной книги **2** рубля.

Адресъ редакціи: Москва, Калошинъ пер., д. № 10.

Редакторъ-издатель *Г. С. Фельдштейнъ*.

S0041321
СФ СПбГУ